

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

Том 23 • № 3 • 2017 •

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья

- Осипова Н.Г., Семина Т.В.* Личность врача в современном социуме: идеальный тип и профессиональные деформации 4
- Новосёлова Е.Н.* К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России 30

Социологическая урбанистика

- Вершинина И.А.* Локализация мировой экономической системы в глобальных городах 58

Теория и история социологии

- Лукьянов В.Г.* На пути к социологии музыки: из научного наследия Л.Л. Сабанеева. 77
- Ильин А.Н.* Принцип перманентности в обществе потребления. 95

Социология семьи и демографии

- Синельников А.Б.* Субъективные причины развода: данные исследования 116
- Кабайкина О.В., Сущенко О.А.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе. 140

Политическая социология

- Самсонова Т.Н., Титов В.В.* К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века . . 156

<i>Большакова Ю.М., Большаков С.Н.</i> Лоббизм и GR-практики в странах Восточной Европы и Прибалтики: политико-социологический анализ	174
---	-----

Социология молодежи

<i>Елишев С.О.</i> Молодежная проблематика и подходы к определению понятия “молодежь” в социологии	200
<i>Селезнева И.Г., Сухова А.С., Азарян Д.К.</i> Преступность несовершеннолетних: основные тенденции (региональный аспект)	224

Социальные проблемы современного российского общества

<i>Васильев В.П., Деханова Н.Г.</i> Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования	237
---	-----

CONTENT

Sociology of health

- Osipova N.G., Semina T.V.* The doctor's personality in modern society:
the ideal type and professional deformation 4
- Novosyelova E.N.* Role of sociology in the study and maintenance of
health among Russian population 30

Urban sociology

- Vershinina I.A.* Localization of the global economic system in global cities . . 58

Theory and history of sociology

- Lukianov V.G.* Towards sociology of music: from the scientific heritage of
L.L. Sabaneev 77
- Il'in A.N.* The principle of permanence in a consumer society 95

Sociology of family and demography

- Sinelnikov A.B.* Divorce for subjective reasons: the survey data 116
- Kabaikina O.V., Sushchenko O.A.* Transformation of the role of women in
a modern society: at family and at workplace 140

Political sociology

- Samsonova T.N., Titov V.V.* On national civic identity formation of the Rus-
sian youth in global socio-cultural transformations at the beginning of
the 21st century 156
- Bol'shakova Yu.M., Bol'shakov S.N.* Lobbying and GR-practices in Eastern
Europe and the Baltic States: the political-sociological analysis 174

Sociology of youth

- Elishev S.O.* Youth problematic and approaches to the definition of "youth"
in sociology 200
- Selezneva I.G., Sukhova A.S., Azarian D.K.* Juvenile delinquency: trends
(regional aspect) 224

Social problems of contemporary Russian society

- Vasiliev V.P., Dehanova N.G.* Factors of formation of human capital in the
sphere of higher education 237

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Н.Г. ОСИПОВА, докт. социол. наук, проф., декан социологического факультета, зав. кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Т.В. СЕМИНА, канд. социол. наук, руководитель юридического отдела Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный научно-практический центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева» (ФГБУ «ННПЦССХ им. Бакулева» Минздрава России)**

ЛИЧНОСТЬ ВРАЧА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ

Osipova Nadezda Gennadyevna, doctor of sociological sciences, professor, Dean of the Faculty of sociology Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: soc@socio.msu.ru

Semina Tatyana Vasilijevna, PhD in sociology, Head of Department A.N. Baccoulev Scientific Center for Cardiovascular Surgery, Moscow, Russian Federation, e-mail: stv.semina 1911@yandex.ru

THE DOCTOR'S PERSONALITY IN MODERN SOCIETY: THE IDEAL TYPE AND PROFESSIONAL DEFORMATION

Статья посвящена проблемам, связанным с конструированием идеального типа современного врача, а также с выявлением ключевых аспектов профессиональных деформаций его личности и анализом влияния этих деформаций на принципы поведения по отношению к больному человеку.

Внедрение рыночных отношений в здравоохранение вызвало конкуренцию между лечебными учреждениями, заставив их искать дополнительные способы привлечения пациентов, привело к существенному расширению спектра медицинских услуг населению. Позитивным следствием стала тенденция, выраженная в стремлении врачей к повышению квалификации, качества работы с больными. В то же время либеральная глобализация обусловила девальвацию в структуре личности врача общественных интересов и усилила роль и значение интересов индивидуалистических. Следствием этого стало отчуждение врачей от пациентов, принявшее массовый характер, повлекшее за собой деградацию профессионального врачебного сообщества и здравоохранения в целом.

Авторами рассматриваются как нормативные характеристики врачебной деятельности, так и показатели, связанные с субъектностью поведения врача, в которой отражаются осознаваемые врачом границы

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: soc@socio.msu.ru

** Семина Татьяна Васильевна, e-mail: stv.semina 1911@yandex.ru

профессионального и личностного воздействия на пациента, отношение к себе как личности и профессионалу, отношение к профессиональному сообществу врачей и к сложившимся социальным и историческим традициям врачевания.

К числу основных характеристик, позволяющих сконструировать тип идеального врача относятся высокий профессионализм и его использование на благо человека и общества, нормы общения с больными людьми, этика взаимоотношений в профессиональной среде, нравственные принципы и этические нормы индивидуального и социального порядка — соблюдение ряда ограничений и запретов. Однако под давлением современных социальных реалий, подразумевающих совокупность внутренних и внешних факторов воздействия на личность врача, она подвергается серьезным профессиональным деформациям. “Профессиональная деформация врача” — понятие близкое, но не идентичное термину “эмоциональное выгорание”, поскольку первое носит, прежде всего, социально обусловленный характер, а второе во многом связано с индивидуальными свойствами человеческой психики. Профессиональная деформация врачей, усиливаемая непосредственным воздействием СМИ, наиболее очевидно проявляется в отсутствии у них желания вылечить пациента, а также в многоаспектном феномене коррумпированности врачебного сообщества, что серьезно нивелирует значимость врачей в общественном сознании и приводит к утрате доверия к ним членов социума.

В статье приводятся данные различных социологических исследований, в том числе, проведенных на базе ФГБУ “ННПЦССХ им. Бакулева” Минздрава России под руководством Т.В. Семиной.

Ключевые слова: профессия врача, личность врача, идеальный тип, профессиональное выгорание, профессиональные деформации, этические нормы и принципы отношения к пациенту.

The article deals with the problems associated with the construction of the ideal type of the modern physician, as well as the identification of the key aspects of professional deformations of his personality and the analysis of the effects of these strains on the principles of conduct in relation to a patient.

The introduction of market relations in health care system caused the competition between medical institutions, forcing them to look for additional ways to attract patients and as a result, the range of medical services to the population has significantly expended. A positive consequence has become a trend, expressed in an effort to improve the skills of doctors, the quality of work with patients. On the other hand, liberal globalization has led to the devaluation of the structure of the individual doctor and the public interest has strengthened the role and importance of individualistic interests. The result was the alienation of the doctors from the patients took on a mass character, which led to a degradation of the professional medical community and health care system in general.

The authors are regarded as normative characteristics of medical practice, and indicators related to the subjectivity of doctor's behavior, which reflects the perceived boundaries of the doctor's professional and personal effects to the patient; attitude toward himself as a person and a professional; professional

attitude of the society to the doctors and to the prevailing social and historical traditions of healing.

The main characteristics that allow to construct an ideal type of physician are: high professionalism and its use for the benefit of man and society; rules of communicating with people who are sick; ethics in relationships in a professional environment; moral principles and ethics of the individual and the social order: the observance of a number of limitations and restrictions. However, under the pressure of contemporary social realities, which combines a set of internal and external factors affecting the identity of the doctor, it is subjected to serious professional deformations. The term "professional deformation of doctors" is close but not identical to the term "emotional burnout" because the first is primarily due to the social character and the second is largely due to the individual properties of the human psyche. Professional doctor's strain amplified under the direct influence of the media, most evident in that they have no desire to cure the patient, as well as multidimensional phenomenon of corruption in the medical community that seriously negates the importance of doctors in the public consciousness and lead to a loss of credibility of members of society.

The article presents data from various sociological studies, including those carried out on the basis of the Research Institute of Cardiovascular Surgery A.N. Bakuleva under the direction of T.N. Semina.

Keywords: *the doctor's personality, the ideal type, professional burnout, professional deformation, ethical principles of conduct in relation to a patient.*

В настоящее время на фоне широкомасштабных либеральных социально-экономических преобразований, затронувших в том числе сферу здравоохранения, кардинально меняется содержание труда врача, трансформируются социальные отношения между врачом и пациентом. Это в свою очередь ведет к существенным профессиональным сдвигам в структуре личности врача, предопределяющим его готовность жить и работать в новых социальных условиях. В данной связи конструирование идеального типа врача, а также выявление ключевых аспектов профессиональных деформаций его личности, анализ влияния этих деформаций на принципы поведения по отношению к больному человеку представляются актуальными, теоретически и практически значимыми.

Радикальное реформирование России повлекло за собой не только ускоренную интеграцию отечественной экономики в мировой рынок, но и модернизацию всех важнейших сфер жизнедеятельности общества, в том числе, здравоохранения. Однако на протяжении длительного периода большее внимание уделялось управленческим и экономическим новациям в медицине, а содержательные аспекты профессиональной деятельности сотен тысяч медицинских работников были отодвинуты на задний план.

Как утверждают специалисты, "эффективность и судьба любого начинания в значительной степени зависят от того, какие преиму-

щества оно несет и как эти преимущества ощущаются конкретными участниками инновационного процесса”¹.

С одной стороны, внедрение рыночных отношений в здравоохранение породило конкуренцию между лечебными учреждениями, заставив их искать дополнительные способы привлечения пациентов, привело к существенному расширению спектра медицинских услуг населению. Позитивным следствием стала тенденция, выраженная в стремлении врачей к повышению квалификации, качества работы с больными. Социологические опросы, проведенные в разгар реформ, показали, что реформа отрасли стала стимулом для повышения квалификации и организаторов здравоохранения, и практических врачей. Так, на необходимость повышения квалификации указали 51% врачей, почти столько же, 52,34%, на то, что у них появилась необходимость более тщательного обследования больных².

С другой стороны, либеральная глобализация обусловила сдвиг в структуре личности общественно-значимых интересов и усилила роль и значение индивидуалистических установок, часто корыстного толка. Если говорить о личности врача, то абсолютизация в ней ценностей индивидуализма приводит к отчуждению его от пациента, обрекает медика на особый интерес к деньгам, который, в свою очередь, приводит к деградации профессионального врачебного сообщества и здравоохранения в целом.

Известно, что исторически долг и обязанность врача перед больным, страдающим человеком — ставить его интересы выше своих личных интересов. Но измерение ценностных предпочтений врача, как одного из индивидов общества, определяется современным состоянием той отрасли, в которой он трудится.

Перестроечный период был связан со стремительным социальным расслоением, сопровождавшимся неравномерным перераспределением общественных благ и ресурсов среди членов социума. Экономический и социокультурный статус врача при наличии у него высокого уровня образования длительное время предопределял ограниченный доступ к социальным благам и ликвидным ценностям. Не удивительно, что его нравственность существенно девальвировалась, а во врачебном сообществе наступил морально-этический кризис, который до сих пор сопровождается нарушением норм медицинской этики и деонтологии. Прежде всего, утрачиваются традиционные гуманистические и нравственные идеалы, прони-

¹ Кузьменко М.М., Михайлова Ю.В., Сибурина Т.А. Социологическое исследование системы поддержки врачами реформы здравоохранения // Здравоохранение Российской Федерации. 1995. № 6.

² Пиддэ А.Л. Социология и здравоохранение. Иваново, 2000.

зывающие всю профессиональную деятельность врача, важнейшими из них являются сострадание к больному человеку, желание исцелить его.

Согласно русской медицинской традиции, «деятельность врача есть дело служения, а не дело дохода; а в обхождении с больными это есть не обобщающее, а индивидуализирующее рассмотрение; и в диагнозе — мы призваны не к отвлеченной “конструкции” болезни, а к созерцанию ее своеобразия»³. Именно работники сферы здравоохранения несут огромную ответственность перед обществом за физическое и душевное состояние больного человека, следовательно, их основная деятельность заключается в обеспечении, сохранении, и укреплении общественного здоровья. Как отмечают зарубежные исследователи А. Кэмбелл, Г. Джиллег и Г. Джонс, “врач до сих пор часто наделяется божественным авторитетом, а веру в его способность правильно ставить диагноз и назначить эффективное лечение можно считать важным компонентом исцеления. С медициной все еще ассоциируется сила, которая частично производна от высококвалифицированной природы знаний, необходимых для занятия ею, а частично — от человеческой потребности найти какую-то силу, способную защитить от болезни”⁴.

В то же время, когда у врача отсутствует сострадание к больному, врачебная практика становится отвлеченным “подведением” больного под абстрактные для него понятия “медикализации”, “симптомов или синдромов”, “лекарственных препаратов и терапии”, “диагностических процедур”, “медицинского вмешательства и риска” и т.п.⁵ Но на самом деле пациент — это человек, наделенный индивидуальными биологическими характеристиками и личностными качествами, задающими порой и ход самой болезни. “Именно таким должен врач увидеть его, постигнуть и лечить”⁶.

В широком смысле понятие “врач” отражает принадлежность личности (субъекта) к сложившейся в процессе общественного разделения труда профессиональной деятельности, объектом которой является пациент. Формально деятельность врача определяется как “труд в системе здравоохранения”. Однако нормативные характеристики профессиональной деятельности специалиста в системе здравоохранения показывают, что “профессия — врач”, определяемая как “вид квалификации, дающей право субъекту на реализацию профессиональной деятельности в той или иной

³ Силуянова И.В. Избранные. О призвании врача. М., 2008. С. 11.

⁴ Кэмбелл А., Джиллег Г., Джонс Г. Медицинская этика: Уч. пособ. / Под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. М., 2010. С. 36.

⁵ См.: Cabe J., Bury M., Elston M.A. Key concepts in medical sociology. L., 2004.

⁶ Силуянова И.В. Указ. соч. С. 12.

сфере”⁷ (медицинских услуг. — *Прим. Н.О., Т.С.*), не отражает сути самой деятельности.

Современное здравоохранение предусматривает сферы медицинского труда, требующие наличия у его субъекта высшего профессионального образования, а также предметы профессиональной врачебной деятельности, которые в совокупности нормативно обозначаются как “первичная” и “углубленная” специализация⁸. Тем не менее, каковой бы ни была сложность медицинской деятельности, центральное место в ней занимает субъект — врач. Именно с позиций субъекта рассматривает “рамки лечебной деятельности” известный ученый И. Харди⁹. С одной стороны, их составляют четыре стадии работы специалиста с больным (пациентом), которые выделяются на основе временных параметров взаимодействия “врач — больной”: “премедицинская”, “амбулаторная”, “стационарная” и “лечение после пребывания в стационаре”. С другой стороны, с точки зрения непосредственно профессиональных действий врача, И. Харди дифференцирует такие крупные единицы, как выслушивание жалоб больного, обследование и постановка диагноза, предложения относительно лечения и сам процесс лечения¹⁰.

В работе врача нередко возникает необходимость принятия нестандартных решений, проявления профессиональной и личностной инициативы, готовности взять на себя ответственность — качеств, формирующихся в контексте вторичной социализации — непрерывного профессионального развития и совершенствования. Одним из значимых результатов такой социализации является формирование профессиональной позиции специалиста, в которой отражается его субъектно-личностное отношение к клинической деятельности как системному, многофункциональному явлению. В ней отражаются осознаваемые врачом границы профессионального и личностного воздействия на пациента, отношение к себе как личности и профессионалу, отношение к профессиональному социуму врачей и к сложившимся социальным и историческим традициям врачевания, роль и влияние социальной ситуации деятельности в диаде отношений “врач — пациент”¹¹.

Объективным следствием профессионального развития личности врача и формирования его профессиональной позиции становится активная жизненная позиция. Она претворяется в позитивные

⁷ Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: Курс лекций. Ростов н/Д., 2005. С. 23.

⁸ Там же.

⁹ Харди И. Врач, сестра, больной. Будапешт, 1988.

¹⁰ Харди И. Врач, сестра, больной. С. 33–34.

¹¹ Ясько Б.А. Указ. соч. С. 90.

результаты социальной деятельности, которые приводят, в конечном счете, к специфическому явлению общественного сознания, — феномену доверия людей врачу.

Как в известной степени гуманитарная наука и одновременно — повседневная практика медицина не может существовать без определенных нравственно-этических норм и критериев поведения, необходимых для решения многообразных ситуаций, возникающих во врачебной деятельности. В данной связи особую актуальность приобретает “идеальный тип” — собирательный образ (портрет) врача, отвечающий высоким профессиональным стандартам, социальным ожиданиям общества и индивидуальным потребностям больных.

По сути, идеальный тип врача заложен в “Клятве Гиппократа”¹² и реконструируется в различных ее вариантах¹³. Для России последним из них является “Клятва врача”, изложенная в Федеральном законе “Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации” (часть 1, статья 71)¹⁴.

Так, если обобщить суть основных положений этого и предшествующих ему документов, то миссия врача в обществе, выраженная в форме торжественного обещания, закрепляет следующие составляющие личности идеального врача.

Первая из них — высокий профессионализм и его использование только на благо человека и общества. Так, человек, вступающий во врачебное сообщество, обязуется “постоянно изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ее процветанию, передавая свои знания, умения и опыт врачевания ученикам”, “посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека”, “постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины”.

Вторая составляющая определяет нормы общения с больными людьми: “...никогда и никому не отказывать во врачебной помощи и оказывать ее нуждающемуся с одинаковым старанием и терпением независимо от его благосостояния, национальности, веро-

¹² Под Клятвой Гиппократа понимается общеупотребительное название клятвы, выражающей основополагающие морально-этические принципы поведения и произносимой каждым из тех, кто становится врачом.

¹³ В их числе, в СССР и России — “Присяга врача Советского Союза” (1971), “Клятва российского врача” (1994), “Клятва врача России” (1999), “Клятва врача” (2011).

¹⁴ См.: “Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации”: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп., вступившими в силу от 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724 (Российская газета. 2011. 23 нояб. № 263).

исповедания и убеждений”, “направлять лечение больных к их выгоде сообразно с моими силами и возможностями”, “внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств”.

Третья содержит этику взаимоотношений в профессиональной среде: “...почитать научившего меня врачебному искусству наравне с родителями, помогать ему в его делах и нуждах”, “в необходимых случаях прибегать к советам коллег более меня опытных и сведущих и отдавать, отдавая должное их заслугам и стараниям”, “быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности, но говорить им правду прямо и без лицепрятия, если того требует польза больного”.

Четвертая составляющая обобщает нравственные принципы и этические нормы индивидуального и социального порядка: например, “чисто и непорочно проводить свою жизнь, творя милосердие и не причиняя зла людям”.

Пятая налагает ряд ограничений и запретов: “...никогда не обращать мои знания и умения во вред здоровью человека, даже врача”, “не давать никому просимого (у меня) смертельного средства и не показывать пути для осуществления подобного замысла”, “проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии”, “умолчать о том, чтобы (я) ни увидел и ни услышал касательно здоровья и жизни людей, что не следует разглашать, считая это тайной”¹⁵.

Следует отметить, что особым гуманистическим пафосом обладает текст “Присяги врача России”, который утвердил Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике Московского Патриархата. Этот текст, фактически отражающий все позиции светской “Клятвы врача”, содержит обязательства “посвятить свою жизнь служению идеалам милосердия, гуманности и уважения к человеческой жизни с момента ее возникновения и никогда, даже под угрозой, не использовать свои медицинские знания во вред людям”, “поддерживать всеми силами честь и благородные традиции отечественной медицины и медицинского сообщества, исполняя профессиональный долг по совести и с достоинством”¹⁶.

В данной связи интересны данные опроса врачей города Москвы, проведенного в 2006 г., которые приводит исследовательница

¹⁵ Различные тексты Клятвы Гиппократу анализируются в работе: *Силуянова И.В.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.. С. 127–128.

И.В. Силуянова¹⁷, и которые в обобщенном виде можно представить следующим образом.

Об отношении к “Клятве врача России” свидетельствуют ответы врачей на вопрос «Что означает для Вас лично “Клятва врача России?”», которые распределились следующим образом. Так, больше половины всех опрошенных (52%) считают, что “Клятва врача России” это “необходимый нравственный ориентир для практической медицины”; почти четверть из них (22%) указали на то, что она является “возбудителем профессиональной врачебной совести”, а 11% — “критерием для профессионального самосовершенствования”. Таким образом, “в сумме 85% опрошенных выразили положительное отношение к основному этико-правовому документу, регулирующему практическую деятельность врача”. Лишь 14% медиков считают, что “Клятва врача России” является “пред-рассудком прошлого”.

Показательны также и ответы на вопрос «Какое значение лично для Вас имеет принятие Вами “Клятвы врача России?”»: для большинства (70%) респондентов это “осознанное признание моральных обязательств врача-профессионала”. Однако показательно, что для четверти врачей (25%) ее принятие — всего лишь “пустая формальность”, а для 4% — “дополнительное и лишнее бремя”. Тем самым, почти треть респондентов нивелирует этические нормы своей профессиональной деятельности.

О верности отечественным моральным традициям свидетельствуют и ответы на вопрос о главной причине возникновения профессии врача. Так, на “стремление помочь страдающему человеку” и на “познавательный интерес” указало 79% и 16% врачей соответственно, а на “финансовые и экономические мотивы” всего 3%.

Это подтверждают и приоритеты основных личных мотивов выбора профессии врача, среди которых лидирует “возможность и желание оказывать помощь людям” (52% ответов), а значимое место занимают “познавательный, научный интерес” и “семейная традиция” (23% и 20% соответственно). Лишь незначительное число врачей указали на “случайное стечение обстоятельств” (3%) и “финансовую заинтересованность” (1%).

Известно, что принципиальное значение для качества медицинской помощи имеет характер отношения врача к пациенту. По мне-

¹⁷ В этом опросе приняли участие 534 врача, из них 216 мужчин и 318 женщин. По возрастным признакам респондентов распределение было следующим: лица в возрасте от 25–35 лет — 66%, в возрасте 36–45 лет — 20, свыше 45 лет — 9%. Привлечение большого процента врачей молодого возраста объясняется тем, что именно эти специалисты будут в ближайшие годы определять качественные (нравственные) параметры медицинской помощи.

нию специалистов, это одна из самых сложных позиций в профессии, которая часто подвергается девальвации самой практикой общения с пациентами. Обозначенное выше исследование показало, что абсолютное большинство (93%) опрошенных воспринимают пациента, в первую очередь, как “страдающего человека, нуждающегося в помощи врача”. Причем многие ограничиваются подобным признанием, не указывая другие позиции в ответе. Во вторую очередь, пациент оценивается как “материал для развития медицинской науки” (28% ответов), как “средство подтверждения гипотез и предположений” (26% ответов) или как “статистическая единица проводимого исследования” (23% ответов). Оценка пациента как “объекта испытаний новых методик” занимает последнее место (3%)¹⁸.

В научной литературе присутствуют попытки создать профессиональную психографическую модель личности врача, основанную на концепции динамической личности К.К. Платонова¹⁹. Эта довольно сложная модель включает четыре блока, каждый из которых образует инвариантные и вариативные (специфические) составляющие личности. В упрощенном виде ее можно представить следующим образом.

Первый блок (подструктуру “направленности личности” по К.К. Платонову) “социально обусловленных качеств личности врача” включает влечения, склонности, интересы, убеждения. В него входят, в частности, такие инвариантные составляющие, как преимущественно “прогрессивный” мотивационный профиль, направленность на профессию как “служение”, активная профессиональная и социальная позиция. В числе вариативных (специфических) составляющих данного блока, например, различные уровни проявления активности социально-обусловленных качеств личности на отдельных этапах и направлениях врачебной специализации. Так, сочетание исследовательских и социально ориентированных профессионально-личностных предпочтений характерно для субъектных свойств терапевта и педиатра.

Ко второму блоку “качеств личности, обусловленных опытом и процессом профессионализации врача-клинициста” (подструктура, которая по К.К. Платонову, объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные в личном опыте путем обучения) относятся, в частности, следующие инвариантные составляющие: “высокий самоконтроль эмоций и развитые механизмы волевого регу-

¹⁸ См.: Силуянова И.В. Указ. соч. С. 97–99.

¹⁹ См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 122–144.

лирования поведения”, “высокая работоспособность и готовность к труду в ненормированном режиме”. Вариативные составляющие второго блока включают “индивидуальный стиль деятельности, обуславливающий профессиональную адаптацию личности” и “совокупность индивидуально обусловленных факторов риска формирования дезадаптационных состояний”. Например, это “высокие показатели эмоциональной устойчивости в деятельности хирурга, реаниматолога, поликлинического терапевта” и “сохранение высокой работоспособности в условиях монотонии у поликлинического терапевта”.

Третий блок “индивидуальных особенностей протекания психических процессов” образуют такие инвариантные составляющие, как “большой объем оперативной памяти и внимания”, “высокая значимость совокупности свойств внимания и наблюдательности”, “развитое воображение”, “высокая скорость профессиональных действий”. В ряду вариативных составляющих третьего блока — «развитая врачебная интуиция как результат достижения уровней “мастера” и “авторитета”». Так, это “высокие требования к психомоторике в работе хирурга, реаниматолога, стоматолога”, “высокие требования к речи, коммуникативным умениям в труде специалиста терапевтических направлений”.

Наконец, в четвертый блок “нейродинамических качеств личности врача” (подструктура биопсихических свойств личности по К.К. Платонову) в качестве инвариантной составляющей включается “преимущественный тип нервной системы”, обуславливающий ряд индивидуальных свойств, таких как высокая сенсорная чувствительность, “быстрота выполнения доведенных до автоматизма профессиональных действий” и т.п. К специфическим составляющим относятся “значительная доля субъектов с устойчивой, сильной нервной системой в хирургической, реаниматологической и стоматологической деятельности”, “открытость эмоциональных переживаний как проявлений типа нервной системы в деятельности педиатра”²⁰.

В сфере непосредственной занятости врачебная деятельность существует как реальная, конкретная практика врачей лечебных и лечебно-профилактических учреждений. В ходе этой практической деятельности неизбежны так называемые профессиональные кризисы, обусловленные множеством объективных (внешних по отношению к лечебному учреждению и врачу) и субъективных (прежде всего, личностных) факторов.

²⁰ Ясько Б.А. Указ. соч. С. 209—216.

Анализу профессиональных кризисов посвящены, в частности, работы отечественного исследователя Э.Ф. Зеера и его коллег²¹. Как правило, кризисы обусловлены логикой и спецификой профессионального развития личности и проявляются при переходе от одной стадии профессионального роста к другой. Однако случаются спонтанные кризисы, обусловленные объективными причинами или субъективными (иногда ситуативными) факторами, которые могут возникать на любой стадии профессионального становления. Эти кризисы, которые неизбежно сопровождаются сильным эмоциональным напряжением, неудовлетворенностью и психологическим дискомфортом, часто отражают конфликт между определенными социальными эталонами (ожиданиями) и возможностью личности найти способы им соответствовать. Например, между искусственно навязанной ориентацией на порой безрассудное потребление материальных благ, требующее соответственного уровня доходов, и низкими ставками работников бюджетной сферы.

Безусловно, имеется множество возможностей для успешного преодоления профессионального кризиса, в первую очередь, за счет самосовершенствования, развития профессионального мастерства, которые, однако, требуют серьезных усилий и больших временных затрат. Однако очень часто субъекты выбирают облегченный, часто деструктивный путь, который лишь усугубляя обозначенное противоречие, в конечном счете, приводит к профессиональной деформации личности.

Следует отметить, что под профессиональными деформациями личности, часто понимают:

- деструктивные изменения личности при выполнении профессиональной деятельности;
- изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса;
- деструкции, возникающие при многолетнем выполнении одной и той же профессиональной деятельности, негативно влияющие на ее продуктивность, порождающие профессионально нежелательные качества, изменяющие профессиональное поведение человека;
- изменение психической структуры, качеств личности под влиянием выполнения профессиональных обязанностей²². Однако подобные трактовки представляются психологизированными, тав-

²¹ В их числе: Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.; Екатеринбург, 2003; Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.; Екатеринбург, 2005.

²² Полякова О.Б. Профессиональные деформации личности: понятие, структура, диагностика, особенности. М., 2013. С. 13.

тологичными, размытыми и не отражают в полной мере социальный аспект данного явления.

На наш взгляд, профессиональные деформации личности следует рассматривать как существенные изменения психической (стереотипов восприятия, мышления, способов общения) и социальной структур личности (характера, ценностных ориентации, наконец, мировоззрения) под влиянием выполнения профессиональных обязанностей, которые продуцируют конфликтующее с общепринятыми профессиональными нормами и ценностями социальное поведение.

Важно подчеркнуть, что само понятие “профессиональной деформации” близко, но не вовсе идентично, как это порой принято считать, так называемому синдрому “профессионального выгорания”, интерес к которому возник еще в 70-е гг. XX в.

Первоначально профессиональное “выгорание” понималось как состояние изнеможения с ощущением собственной бесполезности. Только начиная с 1974 г., когда английский термин “burnout”, в переводе на русский язык означающий “выгорание”, “сгорание”, “затухание горения”, был введен американским психиатром Х.Дж. Фройнденбергером²³, его стали трактовать как характеристику психологического состояния здоровых людей, которые находятся в интенсивном и тесном общении с клиентами в эмоционально нагруженной, насыщенной атмосфере при оказании им профессиональной помощи²⁴. Например, американские психологи К. Маслач и С. Джексон отмечали, что возможность проявлений синдрома психического “выгорания” ограничивается представителями коммуникативных профессий, что частично разрешает спор о природе феномена в отношении профессий типа “человек — человек”²⁵. Затем исследователи пришли к выводу, что профессиональное выгорание — это синдром “психического выгорания”, рассматриваемый в аспекте личностной деформации профессионала под влиянием профессиональных стрессов²⁶.

В самом деле, сегодня этот синдром широко изучается в контексте профессиональных стрессов. “Выгорание” (в широком смысле) определяется как “долговременная стрессовая реакция или синдром, возникающий вследствие продолжительных профессио-

²³ *Freundenberger H.J.* Staff burnout // *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30 (1). P. 159–165.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Maslach C., Jackson S.* MBI: Maslach burnout inventory; manual research edition. Palo Alto, 1986. P. 17.

²⁶ *Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P.* Job burnout // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 397–422.

нальных стрессов средней интенсивности”²⁷. При этом ученые выделяют около 100 симптомов, связанных с “выгоранием” подобного генеза, среди которых агрессивные и упаднические чувства, бессонница, злоупотребление алкоголем, негативное отношение к работе, переживания чувства вины и зависимости, психосоматические недомогания и др.²⁸

На наш взгляд, синдром профессионального выгорания, который часто рассматривается просто как специфическая разновидность “психического выгорания”, — это, в первую очередь, психически обусловленный феномен, который соответственно и проявляется в различных психических состояниях личности. Профессиональные деформации, в отличие от синдрома профессионального выгорания, — это социально обусловленный феномен, который затрагивает именно социальную структуру личности и выражается в социальном поведении отклоняющегося от профессиональных стандартов типа.

Исследователь Э.Ф. Зеер в свое время, отмечая, что “профессиональные деформации неизбежны” и “каждая профессия имеет свой ансамбль деформаций”²⁹, выделял четыре типа профессиональных деформаций личности.

К первому типу он относил общепрофессиональные деформации, которые прослеживаются у большинства работников со стажем. Хотя степень выраженности деформаций данного типа различна, они делают работников узнаваемыми, похожими. Например, у врачей — это синдром “сострадательной усталости” (эмоциональная индифферентность к страданиям больных). Второй тип составляют специальные профессиональные деформации, поскольку в рамках любой профессии имеется собственный качественный и количественный состав деформаций. Так, у терапевтов — это постановка угрожающих (ложных) диагнозов, у хирургов — циничность и халатность, у медицинских сестер — черствость и равнодушие.

Третий тип — профессионально-типологические деформации — обусловлен наложением индивидуально-психологических особенностей личности (темперамента, способностей, характера) на профессиональную структуру деятельности. В результате складываются такие профессионально и личностно обусловленные комплексы деформаций, как:

²⁷ Водопьянова Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000. С. 443.

²⁸ См. об этом: Там же. С. 443–463; Водопьянова Н.Е., Старченко Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

²⁹ Зеер Э.Ф. Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург, 2000. С. 45–54.

1) комплекс деформаций профессиональной направленности личности, при котором, например, происходит искажение мотивации деятельности (“сдвиг мотива на цель”). В частности, к негативным последствиям либеральных новаций в здравоохранении можно отнести явление пермисивизма в медицине (*permissio*, лат. — “повиновение”, “разрешение”), которое означает превращение врача в лицо без нравственных принципов, в служащего, повинующегося и исполняющего желания пациента в любом диапазоне: от эвтаназии и аборта до пластических операций разного типа, включая трансплантацию лица, если это желание подкреплено соответствующим материальным вознаграждением;

2) комплекс деформации способностей (организаторских, коммуникативных, интеллектуальных и др.) или же черт характера, находящийся у врачей выражение в ярком чувстве “превосходства” над больным, выраженном в соответствующем надменном или агрессивном поведении, гипертрофированном уровне притязаний, завышенной самооценке или просто нарциссизме.

Четвертый тип — индивидуализированные деформации, которые обусловлены особенностями труда работников различных профессий. Чрезмерное развитие отдельных профессионально важных качеств (в результате многолетней профессиональной деятельности, психологического сращивания личности и профессии) приводит к возникновению сверхкачеств или акцентуаций — сверхответственности, суперчестности, гиперактивности, трудового фанатизма, не подкрепленных эффективными результатами профессиональной деятельности, которые часто соотносят с “профессиональным кретинизмом”³⁰.

В целом, несмотря на различные подходы к сущности и компонентам профессионального выгорания и профессиональных деформаций, отраженные в трудах зарубежных³¹ и отечественных³² исследователей, можно утверждать, что профессиональные деформации личности — это сугубо социально негативный феномен.

³⁰ Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург, 1999. С. 205—207.

³¹ Напр.: Burisch M. A longitudinal study of burnout // The Relative Importance of Dispositions versus Experiences. Work & Stress. 2002. Vol. 16. P. 1—17; Dierendonck D.V., Schaufeli W.B., Buunk B.P. Burnout and inequity among human service professionals: a longitudinal study // Journal of Occupational Health Psychology. 2001. Vol. 6 (1). P. 43—52; Dierendonck D.V., Schaufeli W.B., Sixma H.J. Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory // Journal of Social and Clinical Psychology. 1994. Vol. 13 (1). P. 86—100; Schaufeli W.B., Enzmann D. The burnout companion to study and practice: a critical analysis. L., 1998.

³² Например: Абрамова Г.С., Юдич Ю.А. Синдром эмоционального “выгорания” у медработников // Психология в медицине. М., 1998; Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб., 2004; Ратанова Т.А., Золотарева Л.И., Шляхта Н.Ф. Методы изучения психодинамических свойств личности. М., 1997.

Каковы причины деформации личности современных российских врачей и последствия, к которым они приводят? *Для раскрытия сущности различных социальных явлений, предопределяющих профессиональные деформации личности врача и их направленность, на базе крупного медицинского учреждения федерального значения — Национального научно-практического центра сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева, было проведено специальное социологическое исследование, объектом которого служили как врачи, так и пациенты*³³.

На первом этапе исследования было опрошено 838 врачей, которым были заданы следующие вопросы: “Считаете ли Вы, что у современного врача имеет место профессиональная деформация личности?” “Если Вы считаете, что деформация врача имеет место, то под влиянием каких факторов?”

Согласно результатам исследования, почти три четверти опрошенных (73,9%) считают, что “произошла деформация личности врача”, и соответственно почти четверть (26,1%) так не считают. Самый наименьший процент из этой четверти (7,5%) полагают, что современный врач всего лишь изменил нравственные ценностные ориентиры по отношению к пациенту. На недооценку обществом сложных условий труда врача как возможный фактор деформации личности врача указывают 14,9% респондентов.

Следует отметить, что происходящие в течение жизни негативные изменения в личности врача по-разному оцениваются в отдельных возрастных группах. Это объясняется тем, что профессиональный цикл людей старшего поколения (59—69 лет) начинался еще в Советском Союзе, когда превалировала идеология врачевания на благо общества. Безусловно, мировоззрение у этой группы респондентов, сложившееся в советское время, отличается от такового у нового поколения врачей. Сила социалистической идеологии способствовала восприятию врача в качестве бескорыстного работника, основным вознаграждением которого являлось исключительно моральное и физическое здоровье человека. Высокий социальный статус врачу обеспечивало государство в моральном аспекте, так как дифференциация в доходах не связывалась с иерархиями и привилегиями отдельных классов или слоев. Конечно, этот цикл жизни общества сопровождался позитивными и негативными событиями, влияющими на становление в профессии, мировоззрение и на деформацию личности врача в переходный период.

³³ Детальное описание выборки и полные результаты этого исследования в полном виде представлены в монографических работах Т.В. Семиной: *Семина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015; Семина Т.В. Социально-юридический конфликт пациента и врача в обществе. М., 2015.*

Поколение в возрасте от 40 до 49 лет, начавшее работать в советское время, но затем захваченное “веяниями перестройки”, а позже – радикальными преобразованиями, более склонно к индивидуализму: логика рыночных отношений в здравоохранении диктует свои условия и критерии оценки социального статуса врача как члена общества в целом.

В перестроечный период разрушились традиционные идеологические системы, утратились традиционные патерналистские ценности культуры врачевания, нивелировалось понятие “призвание врача”. На фоне глубокого социального расслоения общества, снизился и экономический и социальный статус врача – когда заработная плата ниже прожиточного уровня, высокий уровень образования значения не имеет. Только индивиды с высоким уровнем доходов, который позволяет им не только удовлетворять основные жизненно важные потребности, но и пользоваться различными видами всевозможных услуг, приобретают высокий социально-экономический статус. Данное обстоятельство как раз и явилось одним из важных факторов деформации личности врача, укоренило в личности социально нежелательные нравственные принципы и ценностные установки.

Из результатов анализа ответов разных поколений врачей видна динамика мышления, которая связана с изменяющимися социокультурными установками в условиях масштабной трансформации общества. Представители младшей возрастной группы (от 29 до 39 лет) реже полагают, что произошла профессиональная деформация личности врача, и что современный врач изменил нравственные принципы по отношению к пациенту. В то же время респонденты этой возрастной группы считают, что происходит недооценка обществом сложных условий труда врача, выраженная, в частности, в недостойной материальной мотивации его труда.

По обобщенным результатам исследования, независимо от глубинных ценностей поколений половина респондентов (51,5%) считают, что у врача произошла профессиональная деформация личности, прежде всего, в силу недостойной материальной мотивации труда. В действительности, материальная составляющая труда в любой профессии традиционно считается важной, соответственно, любой работник значимое место отводит ей в иерархии своих потребностей. Из этого следует сделать вывод, что эффективное управление кадровым потенциалом в отрасли невозможно без справедливой материальной мотивации труда, основанной на качестве лечения, профессиональном уровне работника и его личном вкладе в оказание качественной медицинской помощи (услуги).

Следует отметить, что “качество медицинской помощи” также является весьма сложной для понимания категорией, что детерминировано, с одной стороны, широким лексическим значением слова “качество” с одной стороны, а с другой – трудностью установления четких, формально определенных критериев отграничения качественной медицинской помощи от некачественной. Это обусловлено особенностями медицинской деятельности и науки, которые сопровождаются вариативностью подходов к лечению одного заболевания, постоянным развитием медицинских технологий и совершенствованием лекарственных средств, индивидуальностью организма каждого пациента, материально-техническими возможностями учреждения здравоохранения и т.д.³⁴

В связи с этим переход в отрасли здравоохранения на эффективные контракты будет сложным и длительным процессом. В некоторых случаях пациент изначально запущен в отношении основной болезни, имеет многочисленные сопутствующие заболевания, и на лечение такого больного врач затрачивает колоссальное количество времени и сил, притом, что результативность лечения низка, или хуже того, вероятна смерть пациента.

В связи с этим главному врачу медицинской организации необходима реализация видения инновационных разработок по проблемным случаям лечения и стимулированию труда врача. Важно определить систему ключевых показателей с учетом затрат труда врача по объективности и профессиональной компетентности, чтобы у врача не снизилась вовлеченность в работу, не исчез интерес к лечению тяжелобольного человека. Необходимы четкие критерии выделения проблемных случаев лечения, обоснованность и допустимость риска при надлежащем выполнении медицинской помощи.

Социологический анализ показал, что для современного врача по-прежнему важны не только материальное стимулирование труда, но и моральное, а также занимаемый им в обществе статус. Исторически предписанный высокий статус врача, который достигается личными усилиями и результатами длительного обучения, требует от личности больших физических и душевных затрат, а также осознания личностью реальной полезности для общества своих социальных функций.

На наш взгляд, процессы моральной и материальной мотивации только тогда эффективны, когда соответствуют требованиям, необходимым для преодоления порога безразличия врача по отноше-

³⁴ Соколова Н.А. Качество медицинской помощи как критерий компенсации социального риска: проблемы правоприменения // Социальное и пенсионное право. 2012. № 4.

нию к пациенту, когда у врача наблюдается сильная потребность в завоевании признания пациентов. Однако такой личности потребуется установить равновесие между интересами пациента и медицинской организации. В том случае, если пациенты признают заслугу врача, а медицинская организация недооценивает его профессионализм, равновесие может сместиться в сторону пациентов, что не так уж плохо, но тогда общие интересы организации врача уже не будут интересовать.

В то же время, исследования показали, что, по мнению врача, современное общество недооценивает его ролевой статус, а в общественном мнении в целом утрачено значение важной миссии врача, выработанные ранее обществом. Этому, по мнению опрошенных врачей, во многом способствуют СМИ, которые специально подают информацию медицинского толка в препарированном, выгодном для них виде.

Так, анализ ответов респондентов на вопрос “Воздействуют ли современные СМИ на мировоззрение врача?” показал, что самый большой процент респондентов (64,5%), считают, что СМИ оказывают огромное негативное влияние на личность врача. 19,6% респондентов утверждают, что СМИ формируют определенные эмоции и поведение врача, а 15,9% – что СМИ способствуют потере личностью ценностных ориентиров по отношению к значимости человеческой жизни.

В действительности СМИ оказывают мощнейшее влияние и на сознание, и на личность врача, заставляя действовать его определенным образом, навязывая определенные поведенческие стандарты, которые становятся некими ориентирами и стереотипами поведения. Негативная информация, черпаемая из интернета, телепередач, новостей, в которых транслируются ураганы, смерчи, разрушительные войны во всем мире, апеллирует к ничтожности человеческой жизни – так трансформируются мировоззренческие ориентиры врача, из которых постепенно исчезает эта важнейшая нравственная компонента (ценность человеческой жизни).

Результатом профессиональной деформации личности врача является коррупционное поведение, которое проявляется множественным образом. Так, к подобному коррупционному поведению в сфере здравоохранения и врачебной деятельности относятся взятки, вовлеченность в различные сговоры, выплаты “откатов” врачам за направление пациентов в нужное (профильное) лечебное учреждение, умышленная подмена бесплатных услуг платными, расхищение лекарств и других ресурсов, лоббизм в сфере государственных закупок медицинского оборудования и медикаментов, подделка медицинских документов, учет фиктивных пациентов, проведение

ложной диагностики на платной основе и ряд других негативных явлений.

По результатам ответов на вопрос “Изменит ли антикоррупционная политика, проводимая в медицинском учреждении, личность врача?” удалось установить, что больше половины (57,2%) респондентов считают, что антикоррупционная политика, особенно, в части неформальных платежей изменит личность врача. Затруднились ответить на этот вопрос 28,6% опрошенных врачей. Наименьший процент из общего числа исследуемых (14,2%) считают, что антикоррупционная политика в части неформальных платежей не изменит личность врача.

На самом деле, скрытая форма коррупционного поведения может подавляться не только законом, общественным контролем, но и внутренним контролем медицинской организации, а также организованным мониторингом анонимного анкетирования пациентов в государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждениях. То, что наименьший процент респондентов считает, что антикоррупционная политика не изменит личность в части неформальных платежей означает, что антикоррупционное сознание у врача находится в стадии зарождения.

Только сейчас вводится процедура информирования работников работодателями о возникновении конфликта интересов, о коррупционных правонарушениях и введения формальных и неформальных санкций. Противодействие коррупции путем профилактических мер, воспитательных функций, неотвратимости наказания не только со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации, но и в медицинских организациях по выявлению, предупреждению, пресечению коррупционных правонарушений, безусловно, приведет к минимизации коррупционных правонарушений и будет способствовать добросовестному и этикодеонтологическому поведению врача по отношению к пациенту.

На втором этапе исследования был проведен опрос пациентов на предмет установления причин изменения личности врача, в котором принял участие 1021 респондент³⁵.

Исследование показало, что треть респондентов (это наибольший процент, 33,1%) считает, что личность современного врача изменяется в последние годы в сторону безразличного отношения к больному человеку. Также наиболее значимой пациенты считают дезориентацию личности врача из-за постоянных изменений внеш-

³⁵ Детальное описание выборки и полные результаты этого исследования в полном виде представлены в монографических работах Т.В. Семиной: *Семина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации*; *Семина Т.В. Социально-юридический конфликт пациента и врача в обществе*.

них и внутренних факторов (25,8% ответов). На недостаточное чувство ответственности за результаты лечения пациентов указало 20% респондентов, а на то, что личность современного врача изменилась в сторону низкой культуры врача и отсутствия долга перед пациентом — 21,1%. Из этого следует сделать вывод, что в современную эпоху размываются ценностные статусные ориентиры врачебного долга, более важным становится процесс, в котором как раз и “зарабатываются деньги”, а не результат, соответственно, и развивается незаинтересованность врачей в излечении пациентов. Профессия врача теряет престиж в общественном сознании из-за снижения культуры врачевания, притом, что технологический прогресс в медицине вытесняет и сокращает время личного общения с пациентом.

Вместе с тем, наибольший процент (41,6%) респондентов по-прежнему ждет от врача квалифицированной медицинской помощи и верит в то, что эта помощь им будет оказана качественно.

В действительности процессом взаимодействия врача и пациента является лечение больного человека, но, к сожалению, в последние годы значительная часть россиян занимается самолечением, не прибегая к помощи врачей, не только из-за потока рекламы лекарственных средств, но и из-за общего недоверия медицине.

Так, по мнению 11% пациентов, поскольку на личность врача повлияли экономические и рыночные реформы в медицине, то в связи с этим наблюдаются неоправданное назначение врачами дорогостоящих лекарственных препаратов и диагностического обследования, безотказность врача в принятии взятки (так считают 26,8% опрошенных). 8,1% опрошенных считают, что на личность врача повлияла коммерциализация медицины, в результате чего врачи ставят пациентам вымышленные диагнозы с расчетом на извлечение прибыли.

Анализ результатов опроса пациентов показал, что наиболее значимой причиной неудовлетворенности пациентов врачебной помощью, которая, в конечном счете, трансформировалась в негативное отношение к медицине, является снижение качества лечения, — так считает наибольший процент (67%) респондентов. Также одной из причин (на это указали 20% пациентов) является нарушение норм этики и деонтологии врачом.

Как утверждает А.П. Зильбер, “клинический этикет соблюдения традиционных внешних правил поведения медицинского персонала повышает качество лечебного процесса, улучшает его результаты и главное — способствует реанимации психологического контакта между больным и врачом, а также между коллегами”³⁶.

³⁶ Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики М., 2008. С. 84.

Каждый врач сам выбирает нормы поведения с каждым отдельным пациентом, исходя из осознанности своих действий по конкретному больному, основываясь главным образом на клинической картине заболевания. Дальнейшая лечебная тактика зависит от профессионального мышления и квалификации врача, т.е. его способности к умственному построению картины болезни, диагностики и стратегии дальнейшего ее лечения.

В частности, Б.А. Ясько полагает, что “профессиональная деятельность врача есть, по сути, совокупность таких ситуаций, имеющих как опосредованный логикой лечебно-диагностического процесса, так и спонтанный, непредвиденный, экстренный характер. Следовательно, формирование инициативности как профессионально-личностного свойства востребовано характером профессиональной деятельности, состоящей в последовательной взаимосвязи и взаимозависимости решений”³⁷.

Трудно не согласиться с утверждением Б.А. Ясько, так как в действительности деятельность врача связана с высокой степенью ответственности и ситуацией, отличительной особенностью которой является неопределенность в отношении конечного результата лечения больного. Также неблагоприятный исход лечения может быть сопряжен со стечением обстоятельств, состоянием крайней необходимости, когда врач, спасая жизнь пациенту, действует в условиях экстремальной ситуации, принимает решения в считанные секунды по жизненным показаниям. В этом случае существует обоснованный риск возможности наступления негативных последствий, что может привести к ухудшению состояния больного и причинить неосознанный вред его здоровью.

Итак, в профессии врача изначально заложены сложные условия труда, высокая ответственность за жизнь человека. Профессиональная компонента личности врача мало изучена как российскими, так и зарубежными учеными, как мало изучено и влияние на эту личность ускоряющегося информационно-технологического прогресса. Кроме того, прогресс информатизации здравоохранения приводит к тому, что медицинские знания становятся всеобщим достоянием, что снижает значимость профессии врача в общественном сознании.

Врач ощущает в обществе статусную несовместимость с другими обеспеченными слоями населения с высоким доходом и поэтому испытывает разочарование в профессии, что и деформирует его личность. Неоспорим тот факт, что общее качество медицинской помощи снижено, а медицинские работники все чаще нарушают

³⁷ Ясько Б.А. Указ. соч. С. 97.

этику и культуру врачевания. Падение авторитета врача, его престижа, утрата общественного доверия к нему — это острые сигналы скрытого дисбаланса отношений между медициной и обществом.

По мнению В.Н. Томалинцева, “кризисом охвачены едва ли не все стороны жизни общества, что в значительной мере есть следствие крушения мировоззренческих догм. Данная ситуация оказывает негативное влияние на личность. В этих условиях необходимо возвращение к рассмотрению мировоззренческих проблем, но обращение к ним требует не нормативности, не мелочной регламентации, а выработки общей методологии организации зрелых мировоззренческих форм”³⁸.

В данной связи разработка концепции профессионального и нравственного развития врача в реальном времени становится сегодня актуальной научно-практической задачей.

Формирование мировоззрения — одна из задач воспитания, которое является неотъемлемой частью целенаправленного организованного процесса формирования и социализации личности современного врача. В связи с этим выработка методологии организации зрелых мировоззренческих форм необходима современной медицине как способ нравственной ориентации врача по отношению к больному человеку. Основная проблема состоит в нахождении правильного соотношения материального и морального мотивирования медицинского персонала.

Например, если в личности врача происходит существенный сдвиг в сторону материальной мотивации, человек через некоторое время “оседает” в своей нише, его очень сложно мотивировать работать лучше. В частности, и это доказано в постулатах элементарной теории социального обмена Дж. Хоманса³⁹ (допущение к постулату успеха — “регулярные поощрения вызывают скуку и пресыщение, тогда как при поощрениях через иррегулярные промежутки времени вероятность повторения поступка очень высока”⁴⁰) после достижения некоторого “порога насыщения”, индивидуального для каждого человека, дальнейшее увеличение денежного вознаграждения уже не приводит к возрастанию эффективности его труда. Поэтому способы нематериальной мотивации, которые для человека могут являться не менее ценными, очень важны⁴¹.

³⁸ Томалинцев В.Н. Типы личности и война между ними. Комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания. СПб., 2014. С. 63.

³⁹ Homans G. Social behavior: its elementary forms. N.Y., 1961.

⁴⁰ Добренков В.И., Осипова Н.Г. История западной социологии (20–60-е гг. XX в.): Уч. для вузов. М., 2012. С. 373.

⁴¹ Кулагин О.А. Как разработать систему стимулирования персонала? URL: <http://www.b-seminar.ru/article/show/337.htm>

Безусловно, современное здравоохранение должно способствовать развитию социологических исследований, которые в свою очередь будут помогать развитию социологии здравоохранения как самостоятельной научной дисциплины, направленной на изучение социальных аспектов системы охраны здоровья как целостной системы, социальные аспекты взаимоотношений врачей и пациентов, проблемы профессиональной адаптации личности врача к сложным условиям современной социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова Г.С., Юдичиц Ю.А. Синдром эмоционального “выгорания” у медработников // Психология в медицине. М., 1998.

Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб., 2004.

Водопьянова Н.Е. Синдром психического “выгорания” в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000.

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

Добренчиков В.И., Осипова Н.Г. История западной социологии (20–60-е гг. XX в.): Уч. для вузов. М., 2012.

Зеер Э.Ф. Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург, 2000.

Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.; Екатеринбург, 2003.

Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.; Екатеринбург, 2005.

Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики. М., 2008.

Кузьменко М.М., Михайлова Ю.В., Сибурина Т.А. Социологическое исследование системы поддержки врачами реформы здравоохранения // Здравоохранение Российской Федерации. 1995. № 6.

Кулагин О.А. Как разработать систему стимулирования персонала? URL: <http://www.b-seminar.ru/article/show/337.htm>

Кэмбелл А., Джиллег Г., Джонс Г. Медицинская этика: Уч. пособ. / Под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. М., 2010.

Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

Пиддэ А.Л. Социология и здравоохранение. Иваново, 2000.

Полякова О.Б. Деперсонализация как составляющая профессиональных деформаций личности и акмеологическая проблема // Акмеология. 2009. № 4. С. 44–53.

Полякова О.Б. Профессиональные деформации личности: понятие, структура, диагностика, особенности. М., 2013.

Середина Н.В., Шкуренко Д.А. Основы медицинской психологии: общая, клиническая, патопсихология. Ростов н/Д., 2003.

Сёмина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015.

Сёмина Т.В. Социально-юридический конфликт пациента и врача в обществе. М., 2015.

Силуянова И.В. Избранные. О призвании врача. М., 2008.

Соколова Н.А. Качество медицинской помощи как критерий компенсации социального риска: проблемы правоприменения // Социальное и пенсионное право. 2012. № 4.

Томалинцев В.Н. Типы личности и война между ними. Комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания. СПб., 2014.

Харди И. Врач, сестра, больной. Будапешт, 1988.

Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: Курс лекций. Ростов н/Д., 2005.

REFERENCES

Abramova G.S., Yudchits Yu.A. Sindrom emotsional'nogo "vygoraniya" u medrabotnikov [Syndrome of emotional "burnout" in health workers] // Psihologiya v meditsine [Psychology in medicine]. М., 1998. S. 231–244.

Beznosov S.P. Professional'naya deformatsiya lichnosti [Professional deformation of personality]. SPb., 2004.

Cabe J., Bury M., Elston M.A. Key concepts in medical sociology. L., 2004.

Dobren'kov V.I., Osipova N.G. Istoriya zapadnoy sotsiologii (20–60-e gg. XX v.): Uch. dlya vuzov [The history of Western sociology (20–60-ies of the XX century): Uch. for universities]. М., 2012.

Kembell A., Dzhilleg G., Dzhons G. Meditsinskaya etika: uch. posob. [Medical ethics: uch. help.] / Pod red. Yu. M. Lopukhina, B.G. Yudina [Ed. by Yu.M. Lopukhin, B.G. Yudin]. М., 2010.

Khaldi I. Vrach, sestra, bol'noy [The doctor, the sister, the patient]. Buda-pesht, 1988.

Kulagin O.A. Kak razrabotat' sistemu stimulirovaniya personala? [How to develop a system of incentives for staff?] URL: <http://www.b-seminar.ru/article/show/337.htm>

Kuz'menko M.M., Mikhaylova Yu.V., Siburina T.A. Sotsiologicheskoe issle-dovanie sistemy podderzhki vrachami reformy zdravookhraneniya [A sociological study of the system of doctors' support for health care reform] // Zdravookh-ranenie Rossiyskoy Federatsii [Health care of the Russian Federation]. 1995. N 6.

Markova A.K. Psikhologiya professionalizma [Psychology of professionalism]. М., 1996.

Pidde A.L. Sotsiologiya i zdravookhranenie [Sociology and health]. Ivanovo, 2000.

Polyakova O.B. Depersonalizatsiya kak sostavlyayushchaya professional'nykh deformatsiy lichnosti i akmeologicheskaya problema [Depersonalization as a component of professional personality deformations and akmeologicheskaya problem] // Akmeologiya [Akmeologiya]. 2009. N 4. S. 44–53.

Polyakova O.B. Professional'nye deformatsii lichnosti: ponyatie, struktura, diagnostika, osobennosti [Professional deformation of personality: concept, struc-ture, diagnostics, features]. М., 2013.

Semina T.V. Sotsiologiya truda vracha v epokhu globalizatsii [Sociology of the doctor's work in the era of globalization]. М., 2015.

Semina T.V. Sotsial'no-yuridicheskiy konflikt patsienta i vracha v obshchestve [Socio-legal conflict between patient and doctor in society]. M., 2015.

Seredina N.V., Shkurenko D.A. Osnovy meditsinskoy psikhologii: obshchaya, klinicheskaya, patopsikhologiya [Fundamentals of medical psychology: general, clinical, pathopsychology]. Rostov n/ D., 2003.

Siluyanova I.V. Izbrannye. O prizvanii vracha [Selected. About the call of a doctor]. M., 2008.

Sokolova N.A. Kachestvo meditsinskoy pomoshchi kak kriteriy kompensatsii sotsial'nogo riska: problemy pravo primeneniya [Quality of medical care as a criterion for compensation of social risk: problems of the right to apply] // Sotsial'noe i pensionnoe pravo [Social and pension law]. 2012. N 4.

Tomalintsev V.N. Tipy lichnosti i voyna mezhdru nimi. Kompleksnoe issledovanie faktora lichnostnogo prednaznacheniya v strukture samosoznaniya [Types of personality and war between them. A comprehensive study of the factor of personal predestination in the structure of self-consciousness]. SPb., 2014.

Vodop'yanova N.E. Sindrom psikhicheskogo "vygoraniya" v kommunikativnykh professiyakh [Syndrome of mental "burning out" in communicative occupations] // Psikhologiya zdorov'ya [Psychology of health] / Pod red. G.S. Nikiforova [Ed. by G.S. Nikiforov]. SPb., 2000. S. 443–463.

Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. SPb., 2005.

Yas'ko B.A. Psikhologiya lichnosti i truda vracha: Kurs lektsiy [The psychology of the physician's personality and work: A course of lectures]. Rostov n/D., 2005.

Zeer E.F. Psikhologiya lichnostno orientirovannogo professional'nogo obrazovaniya [Psychology of personally oriented vocational education]. Ekaterinburg, 2000.

Zeer E.F. Psikhologiya professiy [Psychology of professions]. M.; Ekaterinburg, 2003.

Zeer E.F., Symanyuk E.E. Psikhologiya professional'nykh destrukttsii [Psychology of professional destruction]. M.; Ekaterinburg, 2005.

Zil'ber A.P. Etyudy meditsinskogo prava i etiki [Etudes of Medical Law and Ethics]. M., 2008.

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Novoselova Elena Nikolaevna, PhD in sociology, associate professor, Faculty of sociology, Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

ROLE OF SOCIOLOGY IN THE STUDY AND MAINTENANCE OF HEALTH AMONG RUSSIAN POPULATION

Статья дает представление о социологических методах оценки здоровья населения России, которые в совокупности с медицинскими, демографическими и другими данными государственной статистики дают возможность быстро и наименее затратно получить объективную информацию о состоянии здоровья населения и факторах, на него влияющих. Главным преимуществом социологических методов оценки здоровья, в сравнении с традиционной регистрацией заболеваемости по данным обращаемости в государственные медицинские учреждения, является возможность учета большого массива заболеваний, по поводу которых обращение за медицинской помощью не производится, что в современных условиях, когда население все чаще в силу тех или иных причин отказывается от профессиональной медицинской помощи, является особенно актуальным.

Автор сосредоточивает свое внимание на изучении здоровья в рамках новой здоровьесетрической модели, которая концентрируется не столько на борьбе с болезнями, сколько на борьбе за укрепление здоровья и профилактике заболеваний. В статье подчеркивается, что только стараниями работников здравоохранения с плохим здоровьем населения России сегодня не справиться, в одиночку медицинские работники не в состоянии обеспечить полноценное здоровье человека. Необходимы совместные усилия психологов, работников науки и культуры, социологов, работников сферы образования и, что немаловажно, необходимо преодолеть изживенческий подход населения к своему здоровью, а также существующее несоответствие между потребностью человека быть здоровым и усилиями, направленными на сохранение и укрепление своего физического и психического здоровья.

В работе рассматривается проблема ценности здоровья, а также роль различных институтов, в первую очередь семьи, в формировании установки на здоровье и здоровый образ жизни. Изучаются поведенческие фак-

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

торы сохранения и укрепления здоровья населения России, выявляются гендерные особенности здоровья и здорового стиля жизни. В работе уделяется немало внимания проблемам взаимодействия институтов семьи и здравоохранения, доверия врачам и системе здравоохранения в целом, причинам отказа населения от медицинской помощи. Рассмотрено влияние образования, материального положения и жилищных условий, состава семьи респондентов на самооценку здоровья и самосохранительное поведение. Эмпирической базой является исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Института социологии РАН и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС, а также данные Фонда "Общественное мнение", Всероссийского центра изучения общественного мнения и Всемирной организации здравоохранения относительно здоровья населения России.

Данная статья будет интересна специалистам в области социологии медицины и здоровья, социологии семьи и демографии, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами здоровья и здорового образа жизни. Материалы статьи будут полезны работникам здравоохранения и социального обслуживания населения, работникам региональных и муниципальных органов управления, профессорско-преподавательскому составу и учащимся вузов.

Ключевые слова: здоровье, социология здоровья, методы оценки здоровья, самосохранительное поведение, здравоохранение, здоровый образ жизни, отказ от медицинской помощи, доверие врачам, семья и здоровье.

The article explains sociological methods being used for health evaluation among Russian population. Together with medical, demographic and other official data make it possible fast and with minimum cost to obtain objective information about nations' health and the factors affecting it. Major advantage of sociological methods being used to measure health, especially in comparison with traditional registration of sickness rate according to public appeals, is that larger data on sickness can be gathered. It is particularly relevant to those sicknesses for which people do not ask for medical assistance. It is an actual issue especially today when more people refuse medical assistance.

Author pays attention to health research using health-centric model, which concentrates not on fighting disease but health strengthening and disease prevention. An idea is underlined that it is impossible to manage the problem of generally weak national health only with the help of medical community, joint actions of psychologists, sociologists, representatives of culture and education are needed to overcome dependent approach among people towards their health, as well as existing disparities between demand for being healthy and real efforts made to preserve and strengthen physical and psychological health.

The paper touches the problem of the value of health, and the role of various institutions, especially the family, in the process of health and healthy lifestyle settings developments. Behavioral factors are also being studied which relate to maintenance and strengthening of health among Russia's population, identify gender related specifics of health and healthy lifestyle. The paper paid much attention to the problems of interaction between family and health institutions,

trust in doctors and the healthcare system as a whole, the reasons of public health care failures. The influence of education, wealth and living conditions, family composition on health self-concept and self-preservation behavior is analyzed. The empirical base of the study is comprised of the research provided by the Department of sociology of the family and demography at Lomonosov Moscow State University, Faculty of sociology, Institute of sociology and the Research center of FAP and CNS, as well as data from the Public opinion foundation, the National center for public opinion research and the World health organization which relate to the health of the Russian population.

Current article will be useful for specialists and experts in sociology, medicine and health, sociology of family and demography and also for wider audience who are interested in the issues of health and healthy lifestyle. Results can be used by health system executives, social workers, representatives of regional and municipal administrations, professors and university students.

Keywords: *health, sociology of health, methods of health evaluation, self-preservation behavior, health, healthy lifestyle, medical care refusal, family and health, trust in doctors.*

Здоровье представляет собой сложный и многомерный феномен, являющийся предметом исследования многих наук: медицины, биологии, антропологии, философии, психологии, педагогики, социологии, экономики и др. Социологический подход к здоровью состоит, в первую очередь, в его понимании как сложного социального феномена, который отражает качество адаптации организма человека к условиям природной и социальной среды¹, а также позволяет “выделить особенности взаимодействия семьи, органов образования и здравоохранения, средств массовой информации по выработке у населения ориентаций на здоровый образ жизни”².

Здоровье населения является одним из важнейших факторов национальной безопасности и экономической стабильности государства. Этот факт делает крайне актуальным исследования, направленные на изучения здоровья, продолжительности и качества жизни населения, без которых невозможно эффективное управление здоровьем, охрана здоровья, оценка результативности реформ в области здравоохранения.

В нашей стране главным методом определения уровня здоровья населения до сих пор является регистрация заболеваемости по данным обращаемости в государственные медицинские учрежде-

¹ См., например: Москвичева М.Г., Бредихина Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57); Лебедева-Несевря Н.А. Социология здоровья: Учеб. пособ. для студ. вузов. Пермь, 2011.

² Бредихина Н.В. Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Челябинск, 2006.

ния, а в законодательных актах преобладает взгляд на человека, как на “объект приложения лечебных технологий, а не субъект, формирующий свое здоровье и отвечающий за него”³, т.е. главенствует болезнецентрическая парадигма, занимающаяся в основном констатацией факта болезни и поиском методов борьбы с ней, а основным вектором оказания медицинской помощи являются отношения “врач — больной”, а не “врач — здоровый человек”⁴, что могло бы быть значительно более эффективным.

В свете катастрофического состояния здоровья населения России возрастает интерес к его изучению на новом методологическом уровне, и здесь весы неизбежно должны качнуться в сторону здоровьесцентрической модели⁵, которая концентрируется не столько на борьбе с болезнями, сколько на борьбе за укрепление здоровья и профилактике заболеваний, ведь “здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно — состояние, которое позволяет человеку вести несценную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции... вести здоровый образ жизни, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие”⁶. Таким образом, внимание, в первую очередь, следует сосредоточить на социальной профилактике заболеваний, расширив зону внимания с привычных и хорошо известных факторов риска (алкоголь, табакокурение и т.д.) до большего числа регулярно влияющих на здоровье факторов, таких как питание, отдых, образование, условия труда и род деятельности, здравоохранение, жилищные, экологические, экономические условия и т.д., ведь мотивация к здоровому образу жизни, к пониманию того, что здоровым быть престижно, важнее, чем тривиальная борьба с вредными привычками⁷, хотя, безусловно, она также необходима.

Перспективным направлением изучения здоровья в современном мире являются социологические исследования. Именно такого рода обратная связь с населением в совокупности с медицинскими,

³ Завьялов А.Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013.

⁴ См., об этом: Артюхов И.П., Медведева Н.Н., Николаев В.Г., Синдеева Л.В., Николаева Н.Н. К вопросу о методологии оценки здоровья населения // Казанский медицинский журнал. 2013. № 4.

⁵ См., об этом: Швецов А.Г., Швецов Д.А. Оценка физического здоровья взрослого населения // Здравоохранение РФ. 2012. № 5.

⁶ Лисицин Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека — социальная ценность. М., 1988. С. 31.

⁷ См., об этом: Линденбратен А.Л. Роль ментальной профилактики в охране здоровья населения // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-mentalnoy-profilaktiki-v-ohrane-zdorovya-naseleniya> (дата обращения: 28.09.2016).

демографическими и другими данными государственной статистики дает возможность получить объективную информацию достаточно быстро и дешево. “Особая ценность социологической оценки здоровья населения заключается в возможности проведения анализа большого массива патологии, по поводу которой в силу тех или иных причин обращение за медицинской помощью не производится”⁸, а учитывая тот факт, что в сегодняшней России массово практикуется отказ от профессиональной медицинской помощи (за исключением острых случаев, требующих вмешательства, например, скорой медицинской помощи)⁹, данное достоинство социологических методов оценки здоровья многократно возрастает.

В основу данной статьи положено исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Института социологии РАН, и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС. Исследование было проведено в 10 регионах России. Основными респондентами выступали женщины репродуктивного возраста¹⁰, имеющие несовершеннолетних детей, для чего из основного массива (более 2500 анкет) было отобрано 328 анкет. Выбор в качестве респондентов матерей несовершеннолетних детей обусловлен тем, что роль матери в развитии ребенка несомненно крайне серьезна и важна, а “в самом начале жизни предопределяет существование ребенка в целом”¹¹, здоровье матери — залог здоровья детей, а здоровые дети — залог здорового, счастливого и успешного общества, здоровье детей “определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества и наряду с другими демографическими показателями является чутким барометром социально-демографического развития страны”¹².

Данные нашего исследования лишний раз подтверждают тот факт, что россияне не любят ходить к врачам. Лишь 35% опрошенных нами при плохом самочувствии идут к врачу и выполняют его

⁸ Подсвирова Т.Е., Белоносов С.С., Швырев С.Л., Зарубина Т.В. Социологический опрос как альтернативный метод оценки здоровья населения // ВНМТ. 2009. № 2.

⁹ См. об этом: Аронсон П.Я. Социальная интеракция и социальные сети в ситуации болезни: Дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2007.

¹⁰ Репродуктивный возраст — период в жизни женщины, в течение которого она способна к вынашиванию и рождению ребенка. В демографии за репродуктивный возраст принимается 15–49 лет. В данной статье анализу подвергнуты анкеты женщин репродуктивного возраста, которые составили 95,5% выборки, 4,5% составили женщины 50–60 лет, имеющие несовершеннолетних детей.

¹¹ Цит. по: Мунтазири Ниййа. К проблеме связи между формированием привязанности у детей и здоровьем матери // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4.

¹² Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

указания, причем, треть из них делают это исключительно потому, что им необходимо получить больничный лист. О состоянии своего здоровья наши респонденты узнают от кого угодно, только не от профессионалов: 30,8% лечатся самостоятельно, 6,8% читают перед этим медицинскую литературу, 7,1% обращаются за советом к знакомым, 10,5% ничего не делают и ждут пока само пройдет. Около половины, 44,6%, связывают обращение к врачам с потерей времени, 11,7% не устраивает квалификация врача, 16,6% считают, что болезнь пройдет сама.

По опросу ФОМ количество россиян, которые лечатся самостоятельно и обращаются к врачам только в крайнем случае, — 46%. Примерно такое же число респондентов обращаются к врачу, а самостоятельно лечатся только в крайнем случае — 44%. Судя по динамике этого показателя россияне все же пытаются побороть искушение самодиагностики и самолечения, но динамика эта не столь значительна, чтобы можно было говорить о каких-то серьезных изменениях в данной области (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии поведения россиян при плохом самочувствии, 2008–2015 гг. (в %)

Ответ на вопрос: “При плохом самочувствии одни люди предпочитают сразу обращаться к врачам, а самостоятельно лечатся только в крайнем случае. Другие же, напротив, предпочитают лечиться самостоятельно и только в крайнем случае обращаются к врачам. К каким людям вы отнесли бы себя?”

Стратегия поведения при плохом самочувствии	Год			
	2008	2012	2014	2015
Обращаюсь к врачам, самостоятельно лечусь в крайнем случае	32	37	32	44
Лечусь самостоятельно, обращаюсь к врачам в крайнем случае	52	55	51	46
Я никогда не болею	9	5	8	3

Источник: Как россияне лечатся. Насколько распространено в России обращение к нетрадиционной медицине? // ФОМнибус. 2015. 11–12 июля. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348>

Отказ от профессиональной медицинской помощи исследователи объясняют целым рядом взаимодополняющих причин, речь о которых пойдет ниже.

Одна из причин — несоответствие дохода пациента стоимости медицинских услуг. По оценке Счетной палаты РФ, в результате оптимизации здравоохранения медицинские услуги не стали эф-

фективнее или доступнее, а вот объем платных услуг вырос почти на 25%. При этом, с одной стороны, людей, которые при недомогании стали обращаться к услугам платных клиник, становится больше (8% в 2016 г., против 6% в 2014 г.)¹³, а с другой – больше становится и тех, кто не может эту коммерческую медпомощь себе позволить. Логично, что чем недоступнее становится официальная медицина, тем больше людей борются с болезнями самостоятельно, “по экспертным данным, почти 50% наших соотечественников сами назначают себе антибиотики при простудных заболеваниях, около 95% хранят такие лекарства в домашних аптечках”¹⁴.

Вторая причина – проблемы в организации работы больниц и поликлиник, а именно: недоступность врачей узких специальностей (это отмечает почти половина россиян), большие очереди и длительное ожиданием записи на прием (35% не смогли попасть к врачу из-за его отсутствия или большой очереди), грубое обращение персонала (35% так или иначе сталкивались с грубостью, равнодушием и хамством врачей и медсестер), устаревшее медико-техническое оснащение поликлиник (24% сталкивались с отсутствием в больницах необходимого оборудования, медикаментов, перевязочных материалов)¹⁵.

Немаловажное значение имеет снижение ценности экспертного медицинского знания и утрата доверия к врачам в связи с уже существующим опытом лечения, негативно сказавшемся на здоровье. Недоверие к врачу – крайне серьезная проблема современного российского здравоохранения, так как именно доверие играет ключевую роль в отношениях врач–пациент: “...искусство врачевания приводит в соприкосновение две личности; оно устанавливает общечеловеческий контакт доверия с состраданием и создает то психологическое взаимодействие врача и больного, которое и составляет главную суть медицины”¹⁶, без этого контакта невозможно исцеление, “процесс врачевания... требует взаимодействия врача и пациента... Лечение – процесс двухсторонний. Надо уметь лечить и надо уметь лечиться”¹⁷. Бессмысленно спорить с приведенными цитатами, однако, как реализовать данные тезисы на практике, если

¹³ О здоровье начистоту! // ВЦИОМ. 2016.28.04. Пресс-выпуск № 2824. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239>

¹⁴ Резник И. Медицина от противного: эксперты оценили рынок БАДов, целителей и травников // Медицинский портал. URL: medportal.ru

¹⁵ Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов. М., 2015. URL: http://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-02-zdravooohranenie.pdf

¹⁶ <http://nephroliga.ru/publications/1120>

¹⁷ Цит. по: Наша вина или наша беда? Бессмысленно вычерпывать воду из дырявой лодки // Медицинская газета. 2014.17.01. № 3.

более трети россиян так или иначе сталкивались с врачебными ошибками (37%)¹⁸, причины которых они видят в непрофессионализме, недостатке знаний, халатном отношении к делу и безразличии к пациенту. Именно непрофессионализм врачей россияне ставят на первое место, выделяя главные проблемы российского здравоохранения, именно так считает почти половина жителей нашей страны (47%), за непрофессионализмом следует неполная оснащенность больниц современным оборудованием (39%) и недостаточный объем финансирования отрасли в целом (30%)¹⁹.

Еще одной причиной отказа от профессиональной медицинской помощи можно считать растущую популярность практик самолечения и альтернативных практик здоровья — обращение к “бабкам”, знахаркам, целителям и т.п. Негативный опыт лечения в медицинском учреждении, свой или родственников, нередко заставляет сограждан обращаться к альтернативной медицине, услугами которой люди пользуются либо совместно с традиционной, либо выбирают нетрадиционную медицину как единственный вариант поддержания здоровья. По данным “Русской службы новостей” в 2015 г. спрос среди россиян на услуги народных целителей увеличился на 20%. Пугает здесь не столько сам факт обращения к подобного рода “врачам”, сколько то, что по данным РАМН у 95% “народных целителей” отсутствует медицинское образование, а 40% из них нуждаются в лечении психических отклонений. Здесь важно отметить, что в действительности альтернативная медицина — это не только и не столько “бабки”, знахарки, шаманы, сколько группы врачей с высшим медицинским образованием — рефлексотерапевты, гомеопаты, мануальные терапевты, травники, апитерапевты, гирудотерапевты и др., поддержка и интеграция которых в систему здравоохранения могла бы иметь благоприятные последствия как с точки зрения профессионализма врачей, так и с точки зрения оберегания населения от навязчивых услуг недобросовестных целителей. “Необходимость медицинского образования в нетрадиционной медицине признают 98% врачей и 75% пациентов. При этом большинство врачей считают необходимым включение гомеопатии, фитотерапии, ароматерапии, гирудотерапии, бальнеотерапии, мануальной терапии в программу высшего медицинского образования”²⁰.

¹⁸ Доверие врачам и отношение к врачебным ошибкам. Как россияне относятся к врачебным ошибкам и готовы ли привлекать медиков к ответственности. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10866>

¹⁹ Обязательное медицинское страхование: оценки россиян // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3194. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115852>

²⁰ Худяков А.В., Позднякова Н.Д., Кулигин И.В. Отношение пациентов и врачей к нетрадиционной (народной) медицине // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2013. № 9.

Низкий уровень самосохранительного поведения является еще одной причиной отказа от медицинской помощи, т.е. безответственного отношения к сохранению и поддержанию своего здоровья, ведь здоровье — ресурс, распорядиться которым можно по-разному. Исследование отношения к здоровью с позиции самосохранительного поведения, проведенное в Санкт-Петербурге, показало, что многие жители оказались не готовыми к ситуации “переключения” ответственности за состояние своего здоровья на личностный уровень²¹.

Наше исследование показало, что основная масса респондентов все же разделяет мнение о том, что немалую часть ответственности за свое здоровье несут они сами, что демонстрируют данные табл. 2.

Таблица 2

Влияние на здоровье различных аспектов жизни (в %)

Ответ на вопрос “Как Вы считаете, что в наибольшей степени влияет на здоровье человека?”

Фактор, влияющий на здоровье	%
Условия жизни	37,5
Усилия человека по сохранению здоровья	37,2
Наследственность	28,9
Качество медобслуживания	16,9
Природная среда и экология	40
Вредные привычки	29,2

При этом реальные действия опрошенных по сохранению и улучшению здоровья не свидетельствуют о подлинной значимости данного аспекта их жизни. Так, только 30% респондентов регулярно заботятся о своем здоровье, 38,5% вообще не уделяют времени своему здоровью, 32,6% уделяют до 15 минут в день и лишь 13% уделяют своему здоровью около часа в день.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в плохом самочувствии и ухудшении здоровья россияне склонны винить самих себя (47%). Также респонденты винят государство (13%), уровень развития медицины и качество медицинских услуг (23%), низкий уровень жизни (25%) и плохую экологическую обстановку (28%). Редко, но россияне все же винят в заболеваниях

²¹ См., об этом: Браун В.Дж., Русинова Н.Л. Социальные неравенства в здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1.

плохие условия труда (7%), а также отмечают, что болезни достаются за грехи (4%)²².

Согласно нашему исследованию наибольшую заботу о своем здоровье проявляют лица крайних возрастных групп – 18–30 и 46–60 лет (табл. 3); люди, находящиеся в промежутке между этими возрастными группами, заботятся о здоровье лишь иногда и либо не уделяют ему времени вообще (42,4%), либо уделяют ему не более 15 минут в день (35,6%).

Таблица 3

Систематичность заботы о своем здоровье (в %)

Ответ на вопрос “Как регулярно вы заботитесь о своем здоровье?”

Возраст	Систематичность заботы о своем здоровье		
	Постоянно	Иногда	Никогда
18–30 лет	60	36	4
31–45 лет	29,1	66,7	4,2
46–60 лет	47,8	43,5	8,7

Эти данные в целом подтверждает и вышеупомянутое исследование ФОМ, однако, из данного исследования также становится понятно, что большинство россиян вкладывают в понятие “забочусь о здоровье” прием витаминов и лекарств, лечение уже существующих болезней. Лишь 13% занимаются спортом, 11 – следят за питанием, 9 – ведут активный, здоровый образ жизни, много ходят, гуляют на свежем воздухе, 9% – избегают вредных привычек или стараются от них избавиться²³. Получается, что “здоровье ценно и значимо, но к мерам для его поддержания большинство россиян обращаются в случае безысходности... здоровый образ жизни – это хорошо, но ведут его не многие”²⁴. Оценки факторов, влияющих на здоровье, практически не зависят от пола респондента, разве что женщины чуть выше ставят значимость фактора экологической обстановки.

²² Источник данных: Опрос ВЦИОМ. 2015.12.04. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1020&q_id=70364&date=12.04.2015

²³ Источник данных: Забота о здоровье. Заботятся ли люди о своем здоровье? И кто больше: молодые или пожилые? // ФОМнибус. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 2013. 30 июня. <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10984/>

²⁴ Ситникова С.В. Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4.

Основная причина, которой респонденты объясняют свое невнимание к собственному здоровью согласно нашему исследованию, — отсутствие времени (40% респондентов), и с этим сложно спорить, так как в современных условиях именно свободное время является подлинной ценностью. За последние несколько лет отмечается увеличение доли россиян, страдающих отсутствием или недостатком свободного времени. Абсолютный дефицит этого ресурса был характерен для 16% россиян в 2013 г. (для сравнения в 2007 г. таких было 12%)²⁵.

Среди респондентов, жалующихся на постоянную нехватку времени, 40% совсем не уделяют времени своему здоровью, 37% уделяют здоровью не более 15 минут в день и лишь 13% уделяют ему до 1 часа в день.

Как показало исследование ВЦИОМ, проведенное в 2013 г., отсутствие времени является главной причиной, по которой россияне не занимаются спортом (табл. 4).

Таблица 4

Причины, по которым россияне не занимаются спортом (в %)

Причины отсутствия занятий спортом	%
Отсутствие времени	37
Нет такой потребности	28
Плохое состояние здоровья	23
Отсутствие силы воли	22
Нехватка денег	6
Неразвитость спортивной инфраструктуры	4
Нет возможности заниматься с тренером	3

Источник: Россия спортивная: факты и тренды // ВЦИОМ. 2013.09.04. Пресс-выпуск № 2274. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113837>

Однако пара часов свободного времени каждый день есть у большей части жителей нашей страны (54%)²⁶, и проводят это время россияне согласно своим возможностям, связанным с возрастом, самочувствием, материальным достатком и уровнем культуры. Ин-

²⁵ Чем россияне заняты в свободное время? Сколько свободного времени у россиян и как они его проводят // ФОМ. 2013. Апр. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880>

²⁶ Чем россияне заняты в свободное время? Сколько свободного времени у россиян и как они его проводят? // ФОМ. 2013. Апр. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880>

интересен тот факт, что нашими соотечественниками остаются абсолютно невостребованными те способы проведения свободного времени, которые составляют исходные положения здорового стиля жизни. 25% россиян при ответе на вопрос Фонда “Общественное мнение” “Как вы проводите свое свободное время?” указали, что они смотрят телевизор и лишь 4% занимаются спортом и активно отдыхают, при этом 66% вполне довольны тем, как они проводят это время²⁷. Половина россиян посещала за последний год торговые центры и магазин для своего удовольствия и лишь 11% — спортивные клубы, бассейны, спортивные секции. При ответе на вопрос “Есть ли у вас увлечения, любимые занятия, не связанные с работой, учебой? Если есть, то с чем связаны эти увлечения, чем именно вы занимаетесь?” 46% опрошенных указали в качестве своего “хобби” просмотр телевизора и лишь 10% — спорт, фитнес²⁸. В нашем исследовании не было вопроса, касающегося проведения свободного времени, однако, тот факт, что респонденты находят время на просмотр телевизора, косвенно подтверждает то, что 76,9% опрошенных нами женщин пользуется телевидением как основным источником информации.

Население нашей страны любит смотреть телевизор: 40% россиян привыкли, что телевизор включен всегда, даже если они не планируют что-то по нему смотреть²⁹, и это можно использовать на благо здоровья, а именно — для пропаганды ЗОЖ. С помощью телевидения людям можно подробно рассказать о плюсах и минусах традиционной и нетрадиционной медицины, необходимости ежегодно проходить плановый медицинский осмотр, правильном питании, пользе физической культуры и спорта для здоровья и т.д. Именно по ТВ среднестатистический житель нашей необъятной родины может посмотреть спортивные соревнования, увлечься каким-либо видом спорта, узнать, где в его регионе находятся спортклубы и площадки, что крайне важно, поскольку занятия физической культурой и спортом имеют самую что ни на есть тесную связь со здоровьем человека, люди, регулярно занимающиеся спортом, имеют более высокий индекс самооценки здоровья (табл. 5), а также реже болеют хроническими заболеваниями по сравнению с теми, кто спортом не занимается.

²⁷ Чем россияне заняты в свободное время? Сколько свободного времени у россиян и как они его проводят? // ФОМ. 2013. Апр. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880>

²⁸ Досуг россиян: развлечения и увлечения // Проект “Доминанты”. Опрос “ФОМнибус”. 2012. 16 дек. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846>

²⁹ Добрынина Е. Россияне не могут жить без телевизора // Российская газета. 2013. 21.02.

**Взаимосвязь самооценки здоровья населения и частоты занятий
физической культурой и спортом, 2012 г.**

Как часто Вы занимаетесь физической культурой и спортом?	Индекс самооценки здоровья	Имеются ли у Вас длительно протекающие (хронические) заболевания или состояния? (в %)	
		Да	Нет
Ежедневно	0,641	32,4	67,6
2–3 раза в неделю	0,633	27,6	72,4
Несколько раз в месяц	0,648	29,5	70,5
Примерно раз в месяц	0,648	19,4	80,6
Примерно раз в год	0,624	27,3	72,7
Сейчас не занимаюсь	0,600	34,9	65,1
Никогда не занимался (-ась)	0,570	40,5	59,5

Источник: Данные мониторинга здоровья и самосохранительного поведения населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

Самооценка “здоровья — это оценка индивидом своего физического и психического состояния, ключевой показатель отношения к здоровью”³⁰. Еще Гиппократ определял здоровье как субъективно-психологическое ощущение. По данным отечественных и зарубежных исследований самооценка людьми своего здоровья является показателем, довольно явно коррелирующим с реальными показателями здоровья³¹. Метод самооценок здоровья признан учеными достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга здоровья. Самооценка здоровья включает в себя как наличие или отсутствия заболеваний, так и психологическое благополучие в целом³².

Обратимся к данным социологических опросов касательно самооценок здоровья.

³⁰ Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2012.

³¹ См., например: Мороз И.Н., Плахотя Л.П. Некоторые медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья мужчин // Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции по народонаселению и развитию: тезисы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27–29 ноября 2003 г.). Минск, 2003. С. 145–146.

³² См., об этом: Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3.

По данным Фонда “Общественное мнение” на 2015 г. почти половина россиян оценивают свое здоровье как хорошее (48%), среднее (8%), постоянно плохо себя чувствуют 13% наших соотечественников³³.

По данным комплексного наблюдения условий жизни населения России в 2014 г. хорошим и очень хорошим свое здоровье считают 40,1% населения, удовлетворительным — 49%, плохим и очень плохим — 10,7 и 1,2% соответственно³⁴.

В нашем исследовании большинство опрошенных оценили свое здоровье как удовлетворительное (53,8%), чуть больше трети определили его как хорошее (35,4%) и 1,5% назвали его плохим, оставшиеся респонденты затруднились ответить на данный вопрос. То, что только треть опрошенных нами оценила свое здоровье как хорошее, — крайне невысокий показатель в контексте высокой значимости здоровья, а ведь наши респонденты объявили здоровье самой главной жизненной ценностью, так считает почти половина из них (47,7%), ценность здоровья обогнала даже, хотя и не на много, такие ценности, как дети, семья, заботливые близкие.

Если сравнивать самооценку здоровья россиянами с европейскими показателями, то, к сожалению, сравнение окажется не в нашу пользу. Европейцы, даже жители Восточной Европы, в отличие от населения нашей страны в большей степени склонны оценивать свое здоровье как хорошее, так считает 60—80% из них, и здесь не стоит забывать, что субъективные оценки здоровья в немалой степени формируют поведение людей, т.е. европейцы не только более оптимистичны в оценках своего здоровья, они также прилагают больше усилий для сохранения и поддержания своего здоровья³⁵.

Одним из объяснений сложившейся ситуации может выступать тот факт, что в нашем исследовании респондентами были женщины, а по данным многих социологических исследований они всегда несколько ниже оценивают состояние своего здоровья. Лишний раз подтверждают это и данные ФОМ (табл. 6), и это при том, что в реальности продолжительность предстоящий жизни у российских мужчин значительно ниже, чем у женщин: продолжительность жизни российских женщин в 2015 г. достигла своего исторического максимума — 76,71 года, тогда как продолжительность жизни мужчин

³³ Отношение к здоровью // ФОМнибус. 2015. 11–12 июля. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>

³⁴ Здоровоохранение в России. Статистический сборник. Росстат. М., 2015.

³⁵ См. об этом: *Истягина-Елисеева Е.А.* Анализ отношения к здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3.

составила 65,92 года³⁶, получается, что “женщины болеют чаще, мужчины умирают раньше”.

Таблица 6

Самооценки состояния здоровья по полу (в %)

Ответ на вопрос “Как бы Вы оценили свое здоровье?”

Самооценка здоровья	Мужчины	Женщины
Здоровье хорошее (никогда не болею или болею очень редко, обычно хорошо себя чувствую)	47	31
Здоровье среднее (довольно часто болею или чувствую себя нездоровым(-ой))	42	53
Здоровье плохое (есть хронические заболевания, постоянно плохо себя чувствую)	10	16

Источник: ФОМнибус. 2015. 11–12 июля. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>

Данный феномен получил название “гендерный парадокс здоровья”, он является общемировой тенденцией, характерной для всех цивилизованных стран и объясняется действием целого ряда биологических и социальных факторов. По расчетам специалистов биологический фактор обуславливает разницу в продолжительности жизни мужчины и женщины 1,9–2,1 года³⁷, оставшийся разрыв в продолжительности жизни обуславливают социокультурные факторы — большая ответственность женщины за воспитание детей, более негативная направленность самосохранительного поведения мужчин, представители сильного пола физически более выносливы, но менее защищены перед стрессом, и т.д., иными словами, женский организм — стайер, мужской — спринтер³⁸.

Существование “гендерного парадокса здоровья” подтверждают и данные комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 г. (табл. 7).

Оценивая свое здоровье более критично, чем представители сильно пола, женщины относятся к нему ответственнее и больше о нем заботятся — 77% женщин и 65% мужчин следят за своим здоровьем³⁹.

³⁶ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>

³⁷ См., об этом: *Шилова Л.С.* Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 2.

³⁸ См., об этом: *Римашевская Н.М.* Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 4.

³⁹ Отношение к здоровью. Заботятся ли люди о своем здоровье? И часто ли проходят диспансеризацию? // ФОМнибус. 2015. 11–12 июля. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>

Оценка состояния своего здоровья лицами в возрасте 15 лет и более, 2014 г.
(по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения; в %)

Самооценка здоровья	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Очень хорошее	3,5	4,8	2,6
Хорошее	36,6	40,6	31,9
Удовлетворительное	49	45,3	51,8
Плохое	10,7	8,3	12,4
Очень плохое	1,2	1	1,4

Источник: Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. М., 2015.

В первую очередь данные различия объясняются тем, что “ответственность женщины за здоровье детей определяет существенную социальную значимость ее адекватных ценностных ориентаций, направленных на культуру самосохранительного поведения и выживания рода”⁴⁰. Стоит также отметить, что мужская полоролевая идентификация в большей степени связана с установками на социальные достижения и успех, что одновременно создает страх неудачи, несостоятельности и часто не позволяет обратиться за помощью даже в случаях, когда это необходимо. Женская же полоролевая модель менее регламентирована и при этом более тесно связана с ответственностью за здоровье. Возможно, это связано еще и с тем, что для женщины понятие “здоровье” тесно связано с понятием “красота”. Стремясь обрести красивую фигуру, кожу и волосы, женщины стараются вести правильный образ жизни, они ограничивают потребление нездоровой пищи, меньше курят (в России курят 60,2% мужчин и 21,7% женщин) и пьют алкогольных напитков (так, среди женщин доля трезвенников в 2010 г. составила 34,9%, а среди мужчин 21,8%)⁴¹, и т.д.

Рассмотрим самооценку состояния здоровья опрошенными женщинами в связке с их возрастом. Вполне естественно, что более всего удовлетворена своим здоровьем наиболее молодая группа наших респонденток, 18–30 лет, среди них около 45,8% считают свое здоровье хорошим, и никто не назвал свое здоровье плохим. Возраст и самооценка здоровья находятся в обратной зависимости,

⁴⁰ Гордеева С.С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект // Вестник Пермского университета. 2010. № 2. С. 13.

⁴¹ Рощина Я.М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69365570>

количество негативных самооценок с возрастом увеличивается, а положительных уменьшается. “Молодые люди обычно относятся к проблеме здоровья как к чему-то достаточно важному, но абстрактному, не имеющему к ним прямого отношения”⁴². Часто молодые люди относятся к своему здоровью как к средству достижения определенных целей (заработок, карьерный рост, развлечения и т.д.), а не как к средству жить долго и полноценно.

Здоровье является основополагающей ценностью как общечеловеческой, так и индивидуальной. Ценность здоровья находится в определенном соотношении с другими ценностями личности, такими как семья, материальный достаток, карьерные достижения и др., кроме того, здоровье существенным образом зависит от социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, брачный статус, социально-экономическое положение, уровень образования и т.д.

В весьма тесной взаимосвязи находятся образование и здоровье, о чем свидетельствует масса данных и исследований. Образование обладает большим потенциалом для разрыва порочного круга бедности, плохого состояния здоровья, низкого статуса, передаваемых от поколения к поколению. Люди с более высоким уровнем образования лучше понимают факторы, ухудшающие здоровье, они меньше курят, спиртное употребляют в умеренных количествах, следят за своим питанием и весом, регулярнее посещают врачей и поэтому обладают лучшим здоровьем. При этом они в большей степени возлагают ответственность за свое здоровье на себя (70%), в то время как люди с низким уровнем образования делают это лишь в 30–36% случаев⁴³.

Данные нашего исследования лишний раз подтверждают наличие прямой зависимости между уровнем образования и здоровьем. Так, 43% опрошенных нами женщин, имеющих высшее образование, оценивают состояние своего здоровья как хорошее, среди имеющих среднее общее образование таких 25%, средне специальное — 29%, незаконченное высшее 29%. При этом 98% респонденток с высшим образованием считают, что именно усилия самого человека в наибольшей степени влияют на состояние его здоровья, и 90% — что человек сам хозяин своей судьбы и его действия влияют на то, как складывается его жизнь.

⁴² Радионова Л.В. Здоровьесберегающие технологии в дошкольных образовательных учреждениях. Нижневартовск, 2011. С. 43.

⁴³ Источник: ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1020&q_id=70364&date=12.04.2015/

Данные Фонда “Общественное мнение” также свидетельствуют о наличии зависимости между уровнем образования и здоровьем (табл. 8).

Таблица 8

Взаимосвязь уровня образования и самооценок здоровья (в %)

Ответ на вопрос “Скажите, пожалуйста, как бы вы оценили свое здоровье?”

Самооценка здоровья	Уровень образования		
	Среднее общее и ниже	Среднее специальное	Высшее
Здоровье хорошее	36	36	43
Здоровье среднее	44	52	48
Здоровье плохое	19	11	8

Источник: Отношение к здоровью // ФОМнибус. 2015. 11–12 июля.

Образованные люди “быстрее воспринимают информацию, им легче осознать новые веяния и изменить свое поведение, потому что они хотят сохранить свое здоровье и продолжать наслаждаться радостями жизни (активный досуг, отношения с другими людьми и т.д.), которые, по их мнению, того стоят”⁴⁴.

Нельзя не отметить тот факт, что образованные люди чаще живут в крупных городах, где зарплаты обычно выше, медицинское обслуживание качественнее, снабжение продуктами питания лучше и в связи с этим выше ориентации на позитивно направленное самосохранительное поведение, т.е. сильнее нацеленность на укрепление здоровья, на здоровый образ жизни, и больше средств для этого. “При улучшении социально-экономического благополучия население гораздо больше внимания уделяет именно своему здоровью и в плане отказа от разного рода вредных факторов и образа жизни”⁴⁵.

По данным нашего исследования связь дохода и самооценки здоровья весьма прозрачна: 43,8% оценивающих свои доходы как “выше среднего” считают, что обладают хорошим здоровьем, при этом респонденты из группы по доходам “ниже среднего” лишь

⁴⁴ Rius M. Educación = salud + longevidad // La Vanguardia Ediciones Todos los derechos reservados (Цит. по: ИНОСМИ.РУ. URL: <http://inosmi.ru/world/20120923/199667762.html>).

⁴⁵ Здоровый образ жизни в России: что ему препятствует, что способствует // Сайт Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/24-06-2012/zdorovyi-obraz-zhizni-v-rossii-chto-emu-prepyatstvuet-chto-sposobstvuet>

в 20,2% случаев считают, что обладают хорошим здоровьем. Наши данные подтверждает мнение доктора медицинских наук А. Киселева, который, проанализировав связь между доходами людей и основными показателями здоровья, пришел к выводу, что “состояние здоровья народа отражает уровень доходов, как зеркальная гладь озера — силуэт растущего на берегу леса. Другими словами, наше здоровье — в наших кошельках”⁴⁶.

По нашему мнению, уровень жизни, несомненно, играет немаловажную роль в формировании здоровья, хотя действие этого фактора скорее не прямое, а опосредованное. “Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья”⁴⁷. Низкие доходы не дают возможности обеспечить себя и свою семью качественным питанием, лекарствами, оздоровительным отдыхом, к тому же постоянное отсутствие денег увеличивает количество конфликтных и стрессовых ситуаций в семье, что также пагубно сказывается на здоровье.

От дохода в немалой степени зависит и качество жилья, в котором проживает семья, стесненные жилищные условия, перенаселенность могут служить предпосылками возникновения частых респираторных и аллергических заболеваний, а также влиять на психологический климат в семье, мешать взаимодействию членов семьи и т.д. Комфортность и благоустроенность жилья крайне важны для поддержания здоровья членов семьи на должном уровне.

Жилищные условия имеют большое значение для качества и чувства удовлетворенности жизнью. “Положение семей в жилищной сфере характеризуется статусом собственности жилья, его площадью и качеством”⁴⁸. Семьи с разным числом детей в России имеют несколько разные жилищные условия. Так, с ростом числа детей увеличивается процент домохозяйств, площадь и качество жилья которых не отвечает требованиям нормативов, так как с рождением каждого ребенка площадь, приходящаяся на одного члена семьи, уменьшается, а невозможность улучшить жилищные условия ведет к перенаселенности жилья и сложности планировки личного пространства для всех членов семьи. “Классической нормой жилой площади считается 18 кв. м на одного гражданина,

⁴⁶ Батенева Т. Состояние здоровья народа точно отражает его доходы // Известия. 2005. 25 февр.

⁴⁷ Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

⁴⁸ Гасс Т.А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // Вопросы статистики. 2014. № 3.

42 кв. м на семью, состоящую из двух человек, а также чуть более 30 кв. м для одиноких граждан... Жилищное законодательство (ст. 50 ЖК РФ) указывает, что учетная норма не может составлять менее 12 кв. м в расчете на одного человека”⁴⁹. В реальности же, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), 22% российских детей живут в крайне тесном жилье, когда на одного члена семьи приходится не более 6 кв. м жилой площади⁵⁰.

Проанализируем удовлетворенность наших респондентов своими жилищными условиями. Наши респонденты по удовлетворенности жилищными условиями разбились почти пополам: 49,5% удовлетворены своими жилищными условиями, 44% — нет. При этом контрольный вопрос на эту тему дал несколько иные результаты: частично и полностью удовлетворенных получилось в совокупности — 66,7%, полностью не удовлетворенных — 27,7%.

По данным Фонда “Общественное мнение” около трети россиян (34%), оценивают свои жилищные условия как хорошие, 48% находят их терпимыми, а 16% — плохими. С 2005 г. с 28 до 34% выросло число тех, кто оценивает качество своего жилья как хорошее, меньше стало тех, кто живет в плохих (с 20 до 16%) и терпимых условиях (с 50—48%). При этом, число тех, у кого есть потребность в улучшении жилищных условий семьи, также увеличилось за эти годы с 46% до 61%, и никак не изменилось число тех, что может себе это позволить (9—10%)⁵¹.

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ 23 мая 2013 г., жилищные условия россиян за последние 10 лет, практически никак не изменились (табл. 9), так считают 62% респондентов, несколько улучшились они только у самой высокодоходной части российского общества, чьи доходы на одного члена семьи составляют 150 тысяч рублей и выше на одного человека в месяц.

Рассмотрим влияние удовлетворенности жилищными условиями на самооценку здоровья. Среди тех, кто удовлетворен своими жилищными условиями, 44% считают свое здоровье хорошим, среди неудовлетворенных таких только 28,6%. Плохим свое здоровье считают 0,6% удовлетворенных жилищными условиями и 2,9% неудовлетворенных.

⁴⁹ Жилищный кодекс РФ. Социальная норма площади жилья. URL: http://www.gilkod.ru/article/kvartirnyj_vopros/Sotcialnaya-norma-ploshadi-zhilya.html

⁵⁰ См. об этом: *Шабунова А.А.* Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

⁵¹ Источник данных: ФОМнибус. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 2014. 9 февр. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11356>

Как изменились за последние десять лет жилищные условия вашей семьи?

Жилищные условия	Все опрошен-ные	Пол		Материальное положение семьи		
		Муж-ской	Жен-ский	Очень хорошее, хорошее	Среднее	Плохое, очень плохое
Значительно улучшились	7,00	7,00	7,00	21,00	6,00	3,00
Несколько улучшились	22,00	23,0	22,0	40,00	22,00	12,00
Практически не изме-нились	62,00	65,0	63,0	36,00	65,00	66,00
Несколько ухудшились	6,00	7,0	4,0	2,00	5,00	14,00
Значительно ухудшились	2,00	0	2,0	1,00	1,00	4,00

Источник: Всероссийский опрос ВЦИОМ от 26.05.2013. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=908&q_id=63094&date=26.05.2013

Качество жилищных условий в немалой степени определяется уровнем жизни семьи, ее благосостоянием. Обеспеченные семьи живут в более благоприятных условиях, удовлетворены своими жилищными условиями и состоянием своего здоровья. Наше исследование указывает на прямую связь между удовлетворенностью доходом и жилищными условиями опрошенных, при этом, чем выше оценка уровня благосостояния своей семьи в сравнении с доходами окружающих, тем в большей степени респонденты удовлетворены условиями своего проживания, что и демонстрируют данные табл. 11; если сопоставить удовлетворенность респондентов собственным доходом с удовлетворенностью жилищными условиями, то картина получается еще более четкая: 96% полностью удовлетворенных уровнем своего дохода всецело устраивают их жилищные условия, среди не удовлетворенных своим доходом таких 33%.

Особенный интерес для нас представляет выявление влияния состава семьи на здоровье, так как по данным многих исследований именно этот показатель наряду с доходами семьи и уровнем образования ее членов оказывает наибольшее влияние на состояние здоровья супругов и детей. Наше исследование показало, что матери в неполных семьях оценивают свое здоровье хуже, чем женщины, имеющие мужей. 37,9% женщин, состоящих в зарегистрированном браке, оценили свое здоровье как хорошее, в то время как среди разведенных и разошедшихся это число значи-

тельно ниже и составляет 25%. Влияет семейное положение респонденток и на оценку ими состояния здоровья детей: среди состоящих в браке лишь 7% не удовлетворены состоянием здоровья своих детей, в то время как среди разведенных данный процент более чем в два раза выше и составляет 16,7%.

Таблица 11

Взаимосвязь оценки респондентами дохода своей семьи и удовлетворенности жилищными условиями (в %)

Материальное положение семьи	Удовлетворенность жилищными условиями	
	Да	Нет
Доход ниже среднего	25	75
Доход как у всех	61	39
Доход выше среднего	81	19

Данный факт можно объяснить тем, что материнство в неполной семье сопряжено с рядом жизненных затруднений — социально-бытовой и жилищной неустroенностью, материальными трудностями, дополнительной трудовой занятостью женщины. Возникают серьезные проблемы в социальной среде и системе личностных отношений с противоположным полом, все это не добавляет здоровья данной категории женщин. Дети из неполных семей также болеют чаще своих сверстников из полных семей. “Заболеваемость детей в неполных и негармоничных семьях достоверно выше, чем в полных, и часто болеющих детей у них больше, и эта разница усугубляется с возрастом. Здоровье внебрачных детей хуже, они чаще рождаются недоношенными, позже начинают ходить и говорить, у них чаще бывают острые и хронические заболевания. Дети из негармоничных семей чаще болеют острыми и хроническими заболеваниями”⁵². Судя по результатам лонгитюдного исследования здоровья и развития детей, проведенного В.В. Артеменко и представляющего собой мониторинг четырех когорт семей, в которых родились дети в 1995, 1998, 2001, 2004 гг. в возрастном периоде от 1 года до 13 лет включительно (табл. 12) доля здоровых детей в полных семьях не меняется (она составляет 23%), в неполных — снижается (с 18 до 10%). Детей с хроническими заболеваниями в возрасте 13 лет в полных семьях в два раза меньше, чем в неполных (23% против 38%).

⁵² Багнетова Е.А. Образ жизни родителей и поведенческие привычки старшеклассников // Фундаментальные исследования. 2011. Вып. № 2.

**Распределение детей по группам здоровья в зависимости от состава семьи
(дети 1995 г.р., в % от числа опрошенных)**

Группы здоровья детей	Возраст детей					
	1 год		7 лет		13 лет	
	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья
1 – здоровые дети	23,0	18,2	14,3	10,0	23,0	10,3
2 – дети с функциональными отклонениями	73,0	63,6	64,2	65,0	54,1	51,7
3 – дети с хроническими заболеваниями	4,1	18,2	21,5	25,0	23,0	37,9

Источник: Роль семьи в формировании здоровья детей // Интернет-конференция. Дети и молодежь. 2010.

В заключение следует сказать, что здоровье человека характеризуется гармоничным физическим, психическим и интеллектуальным развитием и особой зависимостью от среды, в которой он живет. Воспринимая здоровье исключительно как отсутствие болезней и игнорируя взаимосвязь физического, психического и социального благополучия, не понимая самой сущности понятия здоровья, культуры заботы о собственном здоровье наши соотечественники не умеют беречь здоровье и не приучают к этому своих детей. Считая здоровье необходимым условием полноты жизни и благополучия, безусловным благом и необходимым элементом счастья россияне полагают, что заботиться об их здоровье должны медицинские работники и обращают на него внимание лишь в том случае, если возникает недомогание. Впрочем, отечественная медицина на протяжении всего своего существования лишь поддерживала и укрепляла данную тенденцию, уделяя внимание лишь здоровью “больного человека” оставляя за рамками своего интереса “здоровье здорового”⁵³, а ведь еще Ф. Бэкон писал “первая обязанность медицины – сохранение здоровья, вторая – лечение болезней”⁵⁴.

⁵³ См., об этом: *Бредихина Н.В.* Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. Вып. № 32 (165).

⁵⁴ Цит. по: Там же.

Формирование ценностного отношения к здоровью и ведение здорового образа жизни в последнее время активно обсуждаются, а изучение здоровья в связи с образом жизни завоевывает все большее внимание специалистов. Становится очевидным, что только усилием медиков с ситуацией не справиться, только система здравоохранения сегодня не в состоянии обеспечить полноценное здоровье человека. Необходимы совместные усилия психологов, работников науки и культуры, социологов, работников сферы образования и, что немаловажно, приобщение самого человека к заботе о собственном здоровье. Необходимо преодолеть иждивенческий подход населения к своему здоровью, а также существующее несоответствие между потребностью человека быть здоровым и усилиями, направленными на сохранение и укрепление своего физического и психического благополучия⁵⁵.

Вместе с тем, не обойтись и без соответствующий государственной политики, способствующей улучшению экологических, социально-экономических и иных факторов здоровья населения, ведь только тогда, когда население чувствует некоторую стабильность, защищенность, уверенность в будущем, своем и своих детей, оно “начинает мотивироваться” на то, чтобы беречь и преумножать свое здоровье, бороться с вредными привычками, вести здоровый образ жизни и т.д. Для государства здоровье населения, его пропаганда и культивирование здорового образа жизни, формирование знаний, ценностей, практических умений, обеспечивающих сохранение здоровья человека, должны стать первоочередной стратегической задачей и фактором национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аронсон П.Я. Социальная интеракция и социальные сети в ситуации болезни: Дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2007.

Артюхов И.П., Медведева Н.Н., Николаев В.Г., Синдеева Л.В., Николаева Н.Н. К вопросу о методологии оценки здоровья населения // Казанский медицинский журнал. 2013. № 4.

Багнетова Е.А. Образ жизни родителей и поведенческие привычки старшеклассников // Фундаментальные исследования. 2011. Вып. № 2.

Браун В.Дж., Русинова Н.Л. Социальные неравенства в здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1.

Бредихина Н.В. Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Челябинск, 2006.

⁵⁵ См., об этом: *Журавлева И.В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.

Бредихина Н.В. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. Вып. № 32 (165).

Гасс Т.А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // Вопросы статистики. 2014. № 3.

Гордеева С.С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект // Вестник Пермского университета. 2010. № 2.

Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.

Завьялов А.Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013.

Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2012.

Истягина-Елисеева Е.А. Анализ отношения к здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3.

Линденбраaten А.Л. Роль ментальной профилактики в охране здоровья населения // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 1.

Линденбраaten А.Л. Наша вина или наша беда? Бессмысленно вычерпывать воду из дырявой лодки // Медицинская газета. 2014.17.01. № 3.

Лисицин Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека – социальная ценность. М., 1988.

Мороз И.Н., Плахотя Л.П. Некоторые медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья мужчин // Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции по народонаселению и развитию: тезисы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27–29 ноября 2003 г.). Минск, 2003.

Москвичева М.Г., Бредихина Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57).

Мунтазири Ниййа. К проблеме связи между формированием привязанности у детей и здоровьем матери // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4.

Подсвинова Т.Е., Белоносов С.С., Швырев С.Л., Зарубина Т.В. Социологический опрос как альтернативный метод оценки здоровья населения // ВНМТ. 2009. № 2.

Радионова Л.В. Здоровьесберегающие технологии в дошкольных образовательных учреждениях. Нижневартовск, 2011.

Римашевская Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 4.

Ситникова С.В. Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Вып. № 4.

Худяков А.В., Позднякова Н.Д., Кулигин И.В. Отношение пациентов и врачей к нетрадиционной (народной) медицине // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2013. № 9.

Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда, 2010.

Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3.

Швецов А.Г., Швецов Д.А. Оценка физического здоровья взрослого населения // Здравоохранение РФ. 2012. № 5.

Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 2.

REFERENCES

Aronson P.Ja. Social'naja interakcija i social'nye seti v situacii bolezni. Dissertacija ... kandidata sociologicheskikh nauk [Social interaction and social networks in a situation of disease. Dissertation ... The candidate of sociological sciences]. SPb., 2007.

Artjuhov I.P., Medvedeva N.N., Nikolaev V.G., Sindeeva L.V., Nikolaeva N.N. K voprosu o metodologii ocenki zdorov'ja naselenija [On the question of methodology for assessment the health of the population] // Kazanskij medicinskij zhurnal [Kazan Medical Journal]. 2013. N 4.

Bagnetova E.A. Obraz zhizni roditel'j i povedencheskie privychki starsheklassnikov [Parents' lifestyle and behavioral habits of high school students] // Fundamental'nye issledovanija [Fundamental Research]. 2011. Vyp. N 2.

Braun V.Dzh., Rusinova N.L. Social'nye neravenstva v zdorov'e [Social inequalities in health] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 1999. T. 2. N 1.

Bredihina N.V. Orientacii naselenija na zdorovyj obraz zhizni: regional'nyj aspekt. Avtoreferat dissertacii ... kandidata sociologicheskikh nauk [Social orientation towards a healthy lifestyle, the regional aspect. Abstract of the thesis ... The candidate of sociological sciences]. Cheljabinsk, 2006.

Bredihina N.V. Rol' institutov sem'i, obrazovanija i zdavoohranenija v formirovanii zdorovogo obraza zhizni naselenija [The role of the family institution in the formation of healthy lifestyle education and health of the population] // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki [Herald of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences]. 2009. Vyp. N 32 (165).

Gass T.A. Zhilishhnye uslovija semej s det'mi: dinamika neravenstvaju [Living conditions for families with children: the dynamics of inequality] // Voprosy statistiki [Statistics Questions]. 2014. N 3.

Gordeeva S.S. Gendernye razlichija v otnoshenii k zdorov'ju: sociologicheskij aspekt [Gender differences in relation to health: sociological aspect] // Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]. 2010. N 2.

Hudjakov A.V., Pozdnjakova N.D., Kuligin I.V. Otnoshenie pacientov i vrachej k netradicionnoj (narodnoj) medicine [Attitudes of patients and physicians towards non-traditional (folk) medicine] // Vestnik psichiatrii i psihologii Chuvashii [Journal of Psychiatry and Psychology of Chuvashia]. 2013. N 9.

Istjagina-Eliseeva E.A. Analiz otnoshenija k zdorovomu obrazu zhizni, fizicheskoj kul'ture i sportu v sovremennoj Rossii [Analysis of attitudes towards a healthy lifestyle, physical culture and sports in modern Russia] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2015. N 3.

Lindenbraten A.L. Rol' mental'noj profilaktiki v ohrane zdorov'ja naselenija [Role of mental prophylaxis in preservation of health of the population] // Vestnik Roszdravnadzora [Herald Roszdravnadzor]. 2015. N 1.

Lindenbraten A.L. Nasha vina ili nasha beda? Bessmyslenno vycherpyvat' vodu iz dyrjavoj lodki [Our fault or our problem? There is no sense in bailing out a leaky boat] // Medicinskaja Gazeta [Medical Newspaper]. 2014.17.01. N 3.

Lisicin Ju.P., Sahno A.V. Zdorov'e cheloveka – social'naja cennost' [Human health – social value]. M., 1988.

Moroz I.N., Plahotja L.P. Nekotorye mediko-social'nye aspekty reproduktivnogo zdorov'ja muzhchin [Some medical and social aspects of reproductive health of men] // Belarus': 10 let posle Kairskoj mezhdunarodnoj konferencii po narodonaseleniju i razvitiju: tezisy resp. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 27–29 nojabrja 2003 g.) [Belarus: 10 years after the Cairo International Conference on Population and Development: theses of republican scientific-practical conference (Minsk, 27–29 November 2003)]. Minsk, 2003.

Moskvicheva M.G., Bredihina N.V. Problema zdorov'ja i zdorovyj obraz zhizni sovremennogo cheloveka (sociologicheskij analiz) [The problem of health and healthy lifestyle among modern men (sociological analysis)] // Vestnik JuUrGU. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki [Vestnik of SUSU. Series: Social and Human Sciences]. 2006. N 2 (57).

Muntaziri Nijja. K probleme svjazi mezhdu formirovaniem privjazannosti u detej i zdorov'em materi [On the problem of interdependence between children's affection and maternal health] // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, psihologija [Vector Science Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology]. 2011. N 4.

Podsvirova T.E., Belonosov S.S., Shvyrev S.L., Zarubina T.V. Sociologicheskij opros kak al'ternativnyj metod ocenki zdorov'ja naselenija [Opinion poll as an alternative method for assessing the health of the population] // VNMT. 2009. N 2.

Radionova L.V. Zdorov'esberegajushhie tehnologii v doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenijah [School health technology in preschool educational institutions]. Nizhnevartovsk, 2011.

Rimashevskaja N.M. Social'naja politika sberezhenija naroda: radikal'noe izmenenie negativnogo trenda zdorov'ja rossijskogo naselenija [Social policy of saving people: a radical change in the negative trend of the Russian population's health] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2010. N 4.

Rol' institutov sem'i, obrazovanija i zdravoohranenija v formirovanii zdorovogo obraza zhizni naselenija [The role of the family institution in the formation of healthy lifestyle education and health of the population] // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki.

2009 [Herald of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences]. Vyp. N 32 (165).

Shabunova A.A. Zdorov'e naselenija v Rossii: sostojanie i dinamika [Public health in Russia: state and dynamics]. Vologda, 2010.

Shabunova A.A., Shuhatovich V.R., Korchagina P.S. Zdorov'esberegajushhaja aktivnost' kak faktor zdorov'ja: gendernyj aspekt [Health preserving activity as a health factor: the gender dimension] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2013. N 3.

Shvecov A. G., Shvecov D.A. Ocenka fizicheskogo zdorov'ja vzroslogo naselenija [Evaluation of the physical health among the adult population of the Russian Federation] // Zdravoohranenie RF [Health]. 2012. N 5.

Shilova L.S. Transformacija zhenskoy modeli samosohranitel'nogo povedenija [The transformation of the female models of self-preservation behavior] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]. 2000. N 2.

Sitnikova S.V. Aksiologicheskie aspekty zdorov'ja sovremennogo gorozhanina [Axiological health aspects of the modern city dweller] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Sociologija. Politologija [News of Saratov University. New episode. Series Sociology. Political science]. 2014. Vyp. N 4.

Zav'jalov A.E. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni molodezhi v sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk [Formation of a healthy life-style among young people in modern Russia. Abstract of dissertation thesis, candidate of sociological sciences]. M., 2013.

Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz [Students health: a sociological analysis] / Otв. red. I.V. Zhuravleva [Ed. by I.V. Zhuravlev]. M., 2012.

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'ju individa i obshhestva [Personal and social attitude towards health]. M., 2006.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

ЛОКАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ

Vershinina Inna Alfredovna, associate professor, chair of modern sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: inna_ver@rambler.ru

LOCALIZATION OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM IN GLOBAL CITIES

В статье рассматриваются основные идеи и работы С. Сассен, в которых она анализирует глобализацию (в том числе социальные, экономические и политические аспекты), глобальные города, миграцию, новые сетевые технологии, а также изменение роли государства, которое является результатом новых транснациональных условий. Выделяются основные характеристики глобальных городов, приводятся их примеры. Мировой экономике по-прежнему требуются производственные площадки, которыми стали глобальные города, причем эта потребность существует даже в таких глобализированных и дигитализированных отраслях, как финансы. Крупные корпоративные фирмы, которые вышли на глобальный уровень, нуждаются в доступе к целому новому комплексу сложных специализированных услуг, которые практически невозможно произвести самостоятельно, как это было прежде. Новая экономическая логика способствует созданию одновременно и высокооплачиваемых, и низкооплачиваемых рабочих мест; однако, рабочих мест со средним уровнем оплаты труда в транснациональных корпорациях гораздо меньше, чем в традиционных. Рассматриваются трансформации социально-экономических систем на глобальном и национальном уровнях, связанные с ними изменения жизни городских сообществ.

Ключевые слова: социологическая урбанистика, урбанизация, глобальный город, неравенство, глобализация, сетевые технологии, миграция.

The article deals with the S. Sassen's research and writing focuses on globalization (including social, economic and political dimensions), global cities, migration, the new networked technologies, and changes within the liberal state that result from current transnational conditions. The main features of the global

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: inna_ver@rambler.ru

cities are examined on examples. The global economy is far from being placeless, has and needs very specific territorial insertions, and that this need is sharpest in the case of highly globalized and electronic sectors such as finance. Large corporate firms needed access to a whole new mix of complex specialized services almost impossible to produce in-house as had been the practice. This new economic logic would generate high-level jobs and lowwage jobs; it would need far fewer middle-range jobs than traditional corporations. The transformation of the socio-economic systems at the global and national levels, the associated changes of urban communities life is considered.

Key words: *urban sociology, urbanization, global city, inequality, globalization, networked technologies, migration.*

С. Сассен предлагает использовать понятие “глобальный город” для обозначения центров принятия политических и экономических решений, значимых для мира в целом. Она считает, что “глобальный город представляет собой стратегическое пространство, в котором глобальные процессы происходят на территории государства, а глобальная динамика преодолевает государственные институциональные меры”¹. Глобальные города следует отличать от сотен других городов на планете. Их не так много, хотя число их растёт. В 2007 г. С. Сассен пишет про “примерно сорок больших и малых глобальных городов”², в 2016 г. — уже про сотню подобных экономических центров³. Таким образом, экономическая система современного мира подвижна и динамична. И глобальные города, вернее, их сети, приобретают все большее значение: “В действительности, организационная составляющая современной глобальной экономики представляет собой сеть из... глобальных городов, в которых она размещается и постоянно обновляется”⁴. Однако чтобы город можно было считать глобальным, ему недостаточно просто быть частью мировой экономики. Необходимо, чтобы он обладал всем набором ресурсов, которые позволяют управлять экономическими процессами и обслуживать глобальные операции фирм и рынков.

Термин “глобальный город” в работах С. Сассен противопоставляется другому — “мировой город”. Следует отметить, что термин “мировой город” был введен в научный оборот П. Геддесом в начале XX в. для обозначения городов, играющих особую роль в мировом

¹ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001. P. 347.

² Sassen S. Seeing like a city // The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / Ed. by R. Burdett, D. Sudjic. L.; N.Y., 2007. P. 281.

³ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs // City & Community. 2016. June. Vol. 15. N 2. P. 98.

⁴ Sassen S. Seeing like a city. P. 281.

развитии⁵. В 1966 г. была опубликована монография П. Холла “Мировые города”⁶, которая дважды переиздавалась. П. Холл считает мировыми крупные города, активно участвующие в политической, экономической и культурной жизни. Мировые города – многофункциональные центры, одновременно играющие несколько ролей – центров политической власти, международной торговли, следовательно, центров банковских, страховых и связанных с ними финансовых услуг, центров современной профессиональной деятельности во всех сферах (в медицине, образовании, науке и так далее), центров сбора и распространения информации, центров демонстративного потребления предметов роскоши для меньшинства и товаров массового производства для большинства, центров искусства, культуры и развлечений, а также вспомогательных видов деятельности, которые их обслуживают⁷. Виды деятельности, выполняемые мировыми городами, приобретают все большее значение, они берут на себя новые функции, добавляя их к уже существующим.

Термин “мировой город” активно популяризировали на рубеже XX–XXI веков Дж. Фридман и П. Тейлор⁸, однако, сам П. Холл стал оперировать понятием, предложенным С. Сассен, – “глобальный город”⁹. Важно подчеркнуть, что для П. Холла разница между глобальными и мировыми городами не очевидна, в то время как С. Сассен явно противопоставляет их друг другу. Она пишет, что в научном обиходе существует несколько терминов, близких друг к другу – “мировые города”¹⁰, “супергорода, или метрополисы”¹¹, “информациональные города”¹². Однако по мнению С. Сассен, важнейшими понятиями, позволяющими понять специфику современного этапа развития, должны стать “глобальный город” и “регион глобального города”. «Впервые использовав термин “гло-

⁵ *Geddes P.* Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. L., 1915. P. 46–59.

⁶ *Hall P.* The world cities. L., 1966.

⁷ *Hall P.* Christaller for a global age: redrawing the urban hierarchy // *GaWC Research Bulletin*. 2001. Oct. N 59. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb59.html> (accessed: 27.12.2016).

⁸ *Friedmann J., Wolff G.* World city formation: an agenda for research and action // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1982. N 6. P. 309–344; *Friedmann J.* The world city hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17. P. 69–83; *Taylor P.J.* World city Network: a global urban analysis. L., 2004.

⁹ *Hall P.* The global city // *International Social Science Journal*. 1996. Vol. 147. P. 15–23.

¹⁰ *Hall P.* The world cities.

¹¹ *Braudel F.* The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th century. Vol. III. L., 1984.

¹² *Castells M.* The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford, 1989.

бальный город” (1984)¹³, я осознанно попыталась подчеркнуть его отличие от других: особенность глобальности и того, как она конструирует современность. Я не стала останавливаться на известном альтернативном варианте — термине “мировой город”, потому что у него был очевидный противоположный признак — он относится к типу города, который известен нам на протяжении многих веков, и, возможно, в еще более ранние периоды, вероятнее, в Азии, чем на Западе. Исходя из этого, можно предположить, что большинство современных глобальных городов являются также мировыми городами, но на самом деле существуют глобальные города, не являющиеся мировыми в полном понимании этого термина»¹⁴, — заключает исследовательница.

Например, С. Сассен указывает на то, что Майами — один из глобальных городов, который, однако, не входит в число мировых, так как не обладает соответствующим историческим и культурным наследием: “...тот факт, что Майами приобрел функции глобального города, начавшие развиваться в конце 1980-х гг., не дает ему права считаться мировым городом в старом смысле этого слова”¹⁵. Большинство глобальных городов, по ее мнению, являются одновременно и мировыми, но есть и исключения (например, уже упомянутый Майами). Мировой город — статус, приобретаемый благодаря историческому и культурному развитию, а глобальный город — характеристика совершенно определенного исторического этапа, связанного с выполнением ключевых функций в мировой экономической системе.

С. Сассен отмечает любопытный факт: самые сильные, богатые и использующие информационные технологии экономические субъекты в эпоху глобализации, возможно, более чем когда-либо раньше нуждаются в “центральных местах” (*central places*)¹⁶, которыми стали глобальные города. Крупные корпорации могут заниматься производством в любом месте, однако, они также нуждаются в доступе к целому комплексу новых сложных специализированных услуг, которые как раз и предлагают глобальные города. Глобальные города — это своего рода пограничные пространства, которые позволяют глобальным корпоративным субъектам интегрироваться в национальную экономику¹⁷.

¹³ Sassen S. The new labor demand in global cities // Cities in Transformation / Ed. by M.P. Smith. Beverly Hills, 1984.

¹⁴ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. XIX.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 97.

¹⁷ Ibid. P. 98.

По мнению С. Сассен, принципиальное отличие мировых городов в предшествующие эпохи от глобальных сегодня заключается в том, что глобальные города стремятся к высокой специализации в обслуживании определенного набора глобальных рынков и глобальных фирм: “Мы можем видеть, что Нью-Йорк контролирует кофе, Лондон — платину, а Шанхай, намного менее влиятельный финансовый центр, сейчас управляет рынком меди”¹⁸. Даже наименее влиятельные из глобальных городов отличаются тем, что изобретают новые инструменты или услуги, благодаря чему строят новые рынки, часто на основе одного товара. Дифференциация функций существует даже между Нью-Йорком, Лондоном и Токио, которые подробно анализируются С. Сассен в работе “Глобальные города”. Нью-Йорк, по ее мнению, стал “Кремниевой (Силиконовой) долиной” для финансовых операций, Лондон рассматривается многими как перевалочный пункт, где инвесторы даже из беднейших стран могут надеяться на включение в глобальную экономику, а Токио специализируется на экспорте сырья, которым, в первую очередь, является капитал¹⁹. Также различаются между собой функции европейских финансовых центров (Лондона, Парижа и Франкфурта) и американских (Нью-Йорка и Чикаго). С. Сассен считает, что невозможно рассматривать единственный отдельно взятый глобальный город, поскольку каждый из них функционально связан с другими. И в этом состоит еще одно их отличие от мировых городов. Одновременная географическая дифференциация и концентрация, характерная для сети глобальных городов, по мнению С. Сассен, является одним из ключевых элементов в организационной структуре мировой экономической системы²⁰.

В “Глобальном городе” С. Сассен выдвинула и обосновала тезис о том, что мировая экономика остро нуждается в конкретных территориальных единицах, особенно для функционирования сильно глобализированных и дигитализированных секторов, таких, как финансы. Этот тезис противоречил широко распространенным к 1991 г. представлениям, что мировая экономика преодолела территориальные ограничения и привязанности. В 1980-е гг. распространение новых коммуникационных технологий привело к тому, что возникают сомнения относительно того, что именно города

¹⁸ *Sassen S.* Seeing like a city. P. 288.

¹⁹ *Sassen S.* The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 100.

²⁰ *Sassen S.* The global city: introducing a concept // *The Brown Journal of World Affairs*. 2005. Winter/Spring. Vol. XI. N 2. P. 33.

будут продолжать оставаться экономическими центрами²¹. В то время как многие говорили об уходе компаний из городов, С. Сассен неожиданно для себя выясняет, что в Нью-Йорке открывается множество необычных маленьких фирм из разных стран мира²². Поэтому в Нью-Йорк по-прежнему тянутся мигранты, поскольку количество рабочих мест не сокращается, а наоборот, растет. С. Сассен фиксирует новую экономическую логику, которая начала формироваться в рамках еще активной и динамичной старой экономики. Новые процессы были не для всех очевидны, однако, в XXI в. они стали намного более явными, поэтому С. Сассен по-прежнему продолжает развивать идеи, сформулированные в 1991 г. в “Глобальном городе”.

Корпорации просят льготы и привилегии, так как имеют ложное представление, что, если они их не получают, то легко покинут город. Однако С. Сассен считает, что разделение труда между ключевыми финансовыми центрами привело к тому, что они далеко не всегда являются взаимозаменяемыми, т.е. конкуренция между ними меньше, чем кажется на первый взгляд. Угроза корпораций покинуть город в случае неполучения льгот или привилегий, по ее мнению, не более, чем бравада. Город нужен корпорациям не менее, чем они ему²³.

С. Сассен пытается понять, каковы пределы мобильности небольших фирм и крупных корпораций в глобальной экономике. Оказывается, территориальными единицами, занимающими центральную позицию (*central places*) вследствие обеспечения функционирования мировой экономики, стали глобальные города, которые необходимы компаниям, ориентированным на международный рынок. Потребность транснациональных корпораций в услугах, предлагаемых глобальными городами, ведет к тому, что в них появляется все больше рабочих мест в разных секторах экономики и с разным размером оплаты труда.

Для того чтобы город мог считаться глобальным, большая часть рабочих мест в нем должна быть ориентирована на международный рынок: “Глобальный город — это функция международной сети стратегических площадок”²⁴. Вовлеченность в мировую экономику приводит к тому, что связи глобальных городов со своим регионом и даже государством ослабевают. Традиционная урбанистика утверждает, что, наоборот, город является главным посред-

²¹ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 103.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 101–102.

²⁴ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. 348.

ником между региональной и национальной экономиками²⁵, однако, по мнению С. Сассен, это не подтверждается статистическими данными. Глобальный город характеризуется выполнением, прежде всего, экономических функций. Этого достаточно для включения его в состав глобальных городов, хотя впоследствии может привести к росту роли города в других сферах, в том числе в политической и культурной.

С. Сассен утверждает, что основой для систематизации различных данных, в том числе и статистических, а следовательно, и для создания теории глобального города стали семь следующих гипотез.

1. Глобализация способствует географической рассредоточенности экономической деятельности, с одной стороны, и одновременной ее интеграции, с другой стороны. Чем больше дифференциация операций фирмы по разным странам, тем сложнее ее стратегические функции, которые выполняются в штаб-квартире (центральном офисе) корпорации, связанные с управлением, координацией, обслуживанием и финансированием сети операций. Таким образом, географическая “разбросанность” различных видов деятельности является ключевым фактором роста значения центральных корпоративных функций.

2. Эти функции становятся настолько сложными, что они все чаще передаются штаб-квартирами крупных транснациональных компаний на аутсорсинг: центральные офисы “покупают” выполнение своих стратегических функций в узкоспециализированных фирмах, предоставляющих необходимые им услуги (юридические, проведение PR-кампаний, программирование и другие). Еще десять лет назад эти функции выполняли в штаб-квартире корпорации, сегодня их передают специализированным сервисным фирмам-субподрядчикам. Фирмы, работающие на глобальных рынках, покупают все больше различных услуг, чтобы не “производить” их самостоятельно.

3. Специализированные сервисные фирмы оказывают сложные услуги на рынках с довольно высокой долей неопределенности, где они представлены либо самостоятельно, либо через штаб-квартиры корпораций, на которые они работают. Значение скорости во всех совершаемых операциях постоянно растет, что приводит к созданию условий для агломерационного развития. Множество фирм и широкий круг специализированных функций превращают городскую среду в информационный центр. Пребывание в городе предполагает крайне напряженное и плотное информационное окружение.

²⁵ *Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 2012. P. 92.*

4. Чем больше функций штаб-квартиры корпораций передают на аутсорсинг фирмам-субподрядчикам, тем свободнее транснациональные компании становятся в выборе места расположения своего центрального офиса, где выполняется все меньший объем работы. Главное отличие глобальных городов от других — это наличие сектора профессиональных специализированных услуг, которые определяют основные преимущества данных производственных площадок. Распространенное представление о том, что большое число штаб-квартир международных корпораций — одна из главных характеристик глобального города, является не совсем верным. Во многих странах главные деловые центры по-прежнему являются одновременно местами концентрации штаб-квартир международных компаний, но это происходит скорее из-за недостатка альтернативных вариантов для размещения последних. В странах с развитой инфраструктурой за пределами основного делового центра наблюдаются агломерационные эффекты, штаб-квартиры корпораций могут выбирать из нескольких вариантов месторасположения.

5. Специализированные сервисные фирмы, оказывающие услуги международным компаниям, должны обладать сетью филиалов, либо иметь возможности предложить какие-то другие формы сотрудничества на местах, поскольку налицо усиление трансграничных взаимодействий. Это вполне может быть началом формирования транснациональных урбанистических систем. Рост глобальных рынков финансовых и других специализированных услуг, потребность в трансграничных сервисных сетях, резкое увеличение международных инвестиций, снижение роли государства в регулировании мировой экономической деятельности — все это указывает на существование транснациональных сетей городов. Таким образом, сети городов становятся более сложными и разветвленными, необходимо рассматривать уже не глобальные города по отдельности, а более сложные образования. Экономические судьбы глобальных городов становятся все менее зависимыми от их национальных экономик. В транснациональных урбанистических сетях крупнейшие деловые центры приобретают особое значение, но в этих системах нет такого понятия, как отдельный глобальный город. И в этом состоит кардинальное отличие глобальных городов от бывших столиц империй.

6. Растущее число профессионалов высокого уровня и высокоприбыльных специализированных сервисных фирм в глобальных городах ведет к усилению территориального и социально-экономического неравенства. Стратегическая роль специализированных услуг повышает ценность профессионалов, которые их оказывают, и, соответственно, уровень оплаты их труда. Их заработные платы

быстро и неуклонно растут. Международные корпорации оплачивают не только высокое качество стратегических услуг, но и скорость их оказания. Однако структура вознаграждений сотрудников других секторов, в частности, сферы производства, демонстрирует противоположную динамику: заработные платы сокращаются. Таким образом, в глобальных городах концентрируются как высокооплачиваемые, так и низкооплачиваемые рабочие места.

7. Одним из следствий процесса, описанного в шестой гипотезе, становится рост неформального сектора экономики. Многие виды экономической деятельности, на которые есть спрос в глобальных городах, приносят невысокий доход, не позволяющий конкурировать за различные ресурсы с высокоприбыльными сервисными фирмами, занимающими лидирующие позиции. Полный или частичный уход в неформальный сектор становится одним из способов выживания в этих условиях²⁶.

С. Сассен убеждается в том, что услуги стали центральными компонентами в процессе функционирования как сервисных, так и товаропроизводящих компаний, даже если сама их продукция изменений не претерпела. Расширение возможностей использования разного рода услуг стало следствием кардинальной реорганизации экономики, носившей не только технический, но и пространственный характер²⁷. На мировом рынке возникает потребность в ряде специализированных услуг, что в свою очередь способствует развитию самого мирового рынка.

Глобальные города, являясь производственными площадками, вынуждены создавать инфраструктуру, удовлетворяющую потребности крупных корпораций. Качество и количество предлагаемых услуг значительно отличаются от стандартного набора, существующего в обычных крупных городах. Глобальные города почти неизбежно вынуждены выходить далеко за рамки привычных стандартов оказания услуг, так как между ними также существует ожесточенная конкуренция. С. Сассен сравнивает глобальные города с Кремниевой (Силиконовой) долиной²⁸, полагая, что другие города уже не в состоянии конкурировать с ними. Но это не означает, что число глобальных городов не будет расти. По словам С. Сассен, сейчас их насчитывается чуть больше сотни, однако, “глобальная экономика продолжает глобализоваться”²⁹, поэтому функции глобальных городов востребованы, а значит их количество должно

²⁶ *Sassen S.* The global city: introducing a concept. P. XIX–XX.

²⁷ *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. P. 126.

²⁸ *Sassen S.* The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 98.

²⁹ *Ibid.*

увеличиваться. Город можно сделать глобальным, хотя процесс этот является сложным и многогранным. Необходимо обеспечить оказание юридических, бухгалтерских, логистических, а также широкого спектра других услуг, учитывающих разнообразные культуры ведения предпринимательской деятельности в зависимости от страны и сектора экономики. Для того чтобы процесс превращения города в глобальный был успешен, он должен быть расположен на пересечении интересов в различных секторах экономики. Тогда возможно создать пространство, где специалисты и руководители из различных стран и культур взаимно дополняют друг друга, ликвидируя пробелы в знаниях, даже если они не собирались этого делать. Глобальные города — это, в первую очередь, высокоспециализированные и специализированные системы знаний³⁰.

По мнению С. Сассен, наличие сети глобальных городов — одно из условий развития финансового сектора: “Финансы не могли бы стать столь сложными и инновационными (мягко говоря), если бы не было сети глобальных городов”³¹. Глобальные города помогают аккумулировать и накапливать капитал, и чем более успешно они этому способствуют, тем более привлекательными они становятся для последующих инвестиций. Причем инвестиции распространяются не только на экономически значимые объекты, но на весь город в целом (кафе, рестораны, цветочные магазины и т.д.). Например, музеи глобальных городов, получив доступ к ряду сложных юридических, бухгалтерских и страховых инструментов, могут участвовать в международных обменах и выйти на новый для себя уровень.

С. Сассен полагает, что анализируя ее теорию глобальных городов, исследователи сосредоточивают свое внимание на отдельных аспектах и не могут увидеть всю картину целиком³². В данной связи она считает необходимым самостоятельно выделить основные положения своей ключевой работы “Глобальный город”, чтобы правильно расставить акценты и избежать недопонимания. Так, С. Сассен выделяет четыре блока проблем, которые считает основополагающими для понимания своей теории.

1. Аутсорсинг. При выходе компании на глобальный уровень необходимо решение ряда новых управленческих, логистических и т.п. задач, которые требуют значительных объемов информации и знаний. Корпорации проще заплатить за необходимые услуги узкоспециализированным фирмам, чем нанимать штатных со-

³⁰ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 99.

³¹ Ibid. P. 98.

³² Ibid. P. 100.

трудников, которые могут их оказать, как было принято в XX в. Передача выполнения ряда функций другим фирмам (аутсорсинг) позволяет минимизировать расходы и дает дополнительные конкурентные преимущества на рынке отдельных стран. Например, если компания собирается начать свою деятельность в Монголии, выгоднее передать бухгалтерский учет и юридическое сопровождение местным компаниям, хорошо знающим законодательство страны, чем нанимать эксперта в штат компании. Для фирм, работающих в нескольких десятках стран, аутсорсинг является одним из основных способов решений сложных задач, минимизирующим затраты и усилия³³.

2. Локализация. В 1980-е гг. была довольно популярна точка зрения, согласно которой рост цифровых технологий ведет к тому, что такие сектора, как финансы, перестают нуждаться в территориальной привязке и могут базироваться в любом месте. С. Сассен оспаривает этот тезис, поскольку уже в первой своей работе 1988 г. “Мобильность труда и капитала: исследование международных инвестиций и трудовых потоков” обращает внимание на тот факт, что даже в наиболее стремительно развивающихся и оцифровывающихся отраслях экономики существуют ограничения подвижности, в частности финансов, т.е. функционирование корпораций, нуждающихся в юридических, бухгалтерских, страховых и прочих услугах пока не может осуществляться исключительно в цифровом пространстве (*digital space*)³⁴.

С. Сассен пытается создать глобальную карту мест функционирования передовых секторов мировой экономики, предполагающих постоянное пересечение границ. Она сосредоточивает свое внимание, в первую очередь, на фирмах, предоставляющих свои услуги и продукты в цифровом виде по всему земному шару. Причем ее интересуют, прежде всего, компании, ориентированные не на потребителей, а на другие фирмы и организации (такие, как фондовые рынки и т.д.).

С. Сассен несколько лет собирает данные о функционировании транснациональных корпораций и обслуживающих их фирм. Исследовательница говорит, что когда она только начинала изучение глобальной экономики, она не думала о той роли, которую играют в ней города. Однако С. Сассен приходит к выводу, что в 1980-е гг. наблюдается отчетливый рост концентрации специализированных услуг, обслуживающих глобальную экономику, в ограниченном числе

³³ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 99–100.

³⁴ Ibid. P. 100–101.

ключевых городов. В трех из них — Нью-Йорке, Лондоне и Токио — сосредоточивается от 60 до 70% финансовых и других услуг, оказываемых транснациональным корпорациям. Остальные концентрируются в еще примерно 20 городах, традиционно рассматриваемых в качестве значимых экономических центров (Париж, Амстердам, Милан, Сингапур и т.д.). При этом Лондон и Нью-Йорк привлекают фирмы из различных стран, а компании, обосновавшиеся в Токио, с большой долей вероятности создают вторичные штаб-квартиры в Нью-Йорке и Лондоне, а также в других глобальных городах. С 1980-х гг. число глобальных городов растет, сегодня С. Сассен выделяет их около сотни, причем они значительно различаются по объему функций, выполняемых в глобальной экономической системе.

3. Поляризация. Глобализацию сопровождает растущее социальное неравенство. Эта проблема для ряда исследователей не была очевидной, поскольку джентрификация и архитектурные инновации, безусловно, меняли визуальный облик городов в лучшую сторону. Однако основой этого “процветания” стал рост социальной эксклюзии, в результате которой отдельные люди и целые семьи были прямо или косвенно выброшены из своих домов. За аккуратными фасадами скромных кварталов среднего класса С. Сассен увидела другую историю: увеличение масштабов бедности и ухудшение качества жизни более молодых поколений³⁵. Так, по данным Федеральной резервной системы, в США более 14 миллионов семей потеряли свои дома с 2006 г. по 2014 г.³⁶ Больше всего бездомных в США оказалось в Кремниевой (Силиконовой) долине или в непосредственной близости от нее³⁷. Это преимущественно те люди, которые недавно потеряли работу. Планируя блестящую карьеру, они потратили деньги на ипотечные кредиты, которые не смогли выплачивать.

Теория глобального города акцентирует внимание на экономической и пространственной поляризации из-за непропорциональной концентрации высоких и низких заработных плат. С. Сассен говорит о том, что вследствие глобализации возникает новое неравенство и исчезает средний класс³⁸. При этом глобализация спо-

³⁵ Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its. P. 101.

³⁶ Sassen S. Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all> (accessed: 11.01.2017).

³⁷ Dharssi A. Cities are places where the powerless can shape history: the right to the city in the 21st century // The Global Urbanist. URL: <http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city> (accessed: 11.02.2017).

³⁸ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. P. 361.

способствует росту ценности высокопрофессиональных работников, главным образом в корпоративном секторе, при обесценивании других типов экономической активности. Причем С. Сассен практически не рассматривает безработицу как причину бедности в глобальных городах. Исследовательницу гораздо больше интересуют низкооплачиваемые виды деятельности. По ее мнению, растущие сектора экономики глобальных городов способствуют увеличению числа низкооплачиваемых рабочих мест. Так как одновременно с этим растет число высокооплачиваемых рабочих мест, то глобальные города — наиболее яркие примеры социальной поляризации.

С. Сассен считает, что ею выявлена новая экономическая логика, согласно которой в глобальных городах наблюдается усиление социального неравенства: создаются высокооплачиваемые рабочие места и рабочие места с низким уровнем заработной платы. Низкооплачиваемые рабочие места имеют более важное значение, чем можно было бы предположить с первого взгляда: они обеспечивают поддержание стратегической инфраструктуры глобальных городов. В частности, они гарантируют бесперебойное функционирование домохозяйств работников высшего звена, позволяя им сосредоточиться на достижении глобальных целей.

Необходимо также упомянуть о локализации рабочих мест в глобальных городах и их пригородах, что увеличивает безработицу в соседних населенных пунктах, не являющихся частью агломерации глобального города. Таким образом, возникает необходимость миграции.

Следует отметить, что проблема миграции трудовых ресурсов подробно рассматривается С. Сассен в первой ее монографии “Мобильность труда и капитала: исследование международных инвестиций и трудовых потоков”, один из выводов которой стал неожиданным для многих. Оказалось, что иностранные инвестиции в развивающиеся страны, вопреки сложившимся представлениям, не снижают потенциальный риск всплеска эмиграции. Если новые рабочие места создаются в традиционных секторах экономики, где заработные платы традиционно не очень высоки, то иностранные инвестиции, наоборот, могут повысить вероятность эмиграции рабочей силы³⁹.

С. Сассен возвращается к проблемам бедности, безработицы и миграции в работе “Вытеснение: жестокость и сложность в глобальной экономике”⁴⁰. Исследовательница считает, что это ее луч-

³⁹ *Sassen S. The mobility of labor and capital: a study in international investment and labor flow. Cambridge, 1988.*

⁴⁰ *Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge, 2014. P. 7–8.*

шая книга⁴¹. Современность, по ее мнению, характеризуется системной эксклюзивностью. В мире все больше неравенства, все больше бедности, все больше беженцев и так далее, особенно на глобальном Юге. Однако города могут возродиться благодаря усилиям местных сообществ. Жители могут отстаивать свое право на город, предотвратить передачу глобальных городов международным корпорациям.

4. Дифференциация. Отсутствие ясности относительно того, какая работа на самом деле выполняется в современных офисных зданиях. С. Сассен считает, что в более ранний период, скажем, в 1960-е гг., “стеклянные башни”, т.е. офисы, расположенные в небоскребах, говорили на понятном языке, поскольку большинство рабочих мест в корпорациях принадлежало секретарям и руководителям. Современные корпоративные здания совершенно иные. В них работают эксперты высокого уровня из самых разных сфер. Работа, выполняемая в разных офисных зданиях, дифференцирована так же, как и функции, выполняемые глобальными городами. Услуги, предлагаемые фирмами и городами, значительно варьируются, а следовательно, глобальные города не становятся одинаковыми, как иногда полагают. В каждом крупном корпоративном центре по всему миру существует множество правил, благодаря которым глобальные города стали таковыми и продолжают ими оставаться, конкурируя друг с другом⁴².

Эти четыре блока проблем следует рассматривать как разные стороны одного и того же процесса — формирования глобальной урбанистической системы, состоящей из сети стратегических городов. С. Сассен рассматривает городское пространство именно как стратегическое. Она полагает, что тезис о значимости городов подтверждается данными о сделках с недвижимостью. С середины 2013 г. до середины 2014 г. корпорации приобрели недвижимость в 100 ведущих городах мира на сумму 600 миллиардов долларов США; с середины 2014 г. до середины 2015 г. эта цифра возросла до 1 триллиона долларов США⁴³. Причем в большинстве случаев покупателями выступают зарубежные компании. Лидируют, значительно оторвавшись от остальных по суммам сделок, пять городов⁴⁴:

1. Нью-Йорк (74 799 870 615 долларов США).
2. Лондон (55 206 679 357 долларов США).

⁴¹ *Dharssi A.* Cities are places where the powerless can shape history: the right to the city in the 21st century.

⁴² *Sassen S.* The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 102.

⁴³ *Ibid.* P. 105.

⁴⁴ *Ibid.* P. 106.

3. Токио (37 971 179 153 долларов США).
4. Лос-Анджелес (37 457 376 509 долларов США).
5. Сан-Франциско (32 355 485 613 долларов США).

Париж, расположившийся на шестом месте по объему инвестиций в недвижимость, может похвастаться гораздо более скромными результатами — 22 955 312 136 долларов США. За ним следуют Чикаго (20 036 200 994 долларов США), Вашингтон (18 515 548 212 долларов США), Даллас (16 296 780 618 долларов США) и Атланта (16 022 394 226 долларов США).

Очевидно, что наиболее привлекательными для инвесторов являются города США. Семь городов из первой десятки — американские. Интересно, что в первой тройке оказались именно те города, которые С. Сассен вынесла в 1991 г. в подзаголовок своей работы — Нью-Йорк, Лондон и Токио. Причем, даже последовательность, в которой они расположены, не изменилась.

Однако необходимо понимать, что сумма сделок с недвижимостью — лишь один из множества критериев, по которым глобальные города сравнивают друг с другом. Но С. Сассен считает этот момент чрезвычайно важным для анализа текущей ситуации. Она полагает, что при сохранении нынешних темпов приобретения недвижимости, произойдет системная трансформация в структуре собственности на землю в глобальных городах (от общественной к частной), изменится их историческое значение. Подобное преобразование, по ее мнению, будет иметь серьезные последствия для справедливости, демократии и прав личности⁴⁵. В частности, облик ныне космополитичных городов может кардинально измениться.

“Глобальность” города, как подчеркивает С. Сассен, не исчерпывается только наличием телекоммуникационной инфраструктуры и присутствием транснациональных корпораций. Глобальный город также характеризуется определенной культурной составляющей: “О глобальных городах больше нельзя говорить только в терминах корпоративных башен или корпоративной культуры их деловых районов... В их пространство вписана не только доминирующая корпоративная культура, но также многообразие других культур и идентичностей. Изменение очевидно: доминирующая культура может быть только одной из частей города”⁴⁶. Одна из причин этого явления — интенсивная миграция, которая уже превратила Нью-Йорк, Лондон, Берлин и другие глобальные города в космополитичные. При этом в каждом городе интернационализация имеет

⁴⁵ *Sassen S.* Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all> (accessed: 11.01.2017).

⁴⁶ *Sassen S.* Seeing like a city. P. 281.

свои особенности: в Нью-Йорке она очевидна, в Лондоне она имеет глубокие корни, но менее отчетлива, в Шанхае она почти не видна для представителей западных стран, но это не означает, что ее нет, она проявляется, например, в миллионах мигрантов из других районов Китая⁴⁷. Способность городов создавать историю, культуру и многое другое сегодня оказалась под угрозой из-за резкого роста инвестиций со стороны корпораций.

Крупномасштабные вложения могут привести к редевелопменту в интересах корпораций и утрате городов для их жителей⁴⁸. Недвижимость появляется, в том числе, и в результате джентрификации, когда старые строения сносятся, а на их месте возводятся новые, более роскошные и с большим числом этажей. Прежние жители выдавливаются из привычных для них районов крупными корпорациями. Это происходит не только в результате сноса их жилья, но и с помощью косвенных методов, например, с помощью сокращения количества общественно значимых, но не сверхприбыльных учреждений, которые вытесняются корпоративной собственностью. Вместо организаций, необходимых жителям города, в инвестиционно привлекательных районах появляются корпоративные штаб-квартиры или охраняемые роскошные жилые комплексы. Часть из них пустует, так как инвесторы порой покупают не столько квадратные метры, которые собираются использовать, сколько право доступа к городскому пространству в условиях, когда все большее число городов повышает свою значимость в мировой экономике⁴⁹. Инвестирование в объекты недвижимости в глобальных городах является неизбежным следствием того огромного значения, которое корпорации придают этим производственным площадкам.

По мнению С. Сассен, подобные преобразования разрушают “ткань города”, воздвигают высокие, порой непреодолимые стены, что может иметь необратимые последствия⁵⁰. Она утверждает, что, несмотря на рост плотности застройки и людей, подобные процессы в чем-то сходны с дезурбанизацией. Переход от малого и/или общественного к огромному и частному ведет к утрате общественной ткани улиц и площадей в результате реализации мега-проектов. Город приватизируется, а потому фрагментируется и теряет свою целостность.

Глобальные города теряют разнообразие людей, социальных слоев и культур. Новые владельцы недвижимости — физические и юри-

⁴⁷ *Sassen S.* Seeing like a city. P. 289.

⁴⁸ *Sassen S.* Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all.

⁴⁹ *Sassen S.* The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs. P. 105.

⁵⁰ *Sassen S.* Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all.

дические лица (бизнесмены и международные корпорации) из разных стран, но это вовсе не означает, что они представляют собой множество различных культур и традиций. По мнению С. Сассен, все они представляют собой одну культуру — новую глобальную культуру успешности, вследствие чего они удивительно однородны, независимо от того, насколько разнообразны их страны происхождения и родные языки⁵¹. Это один глобальный “корпоративный” субъект, влияние которого растет. Сегодня крупномасштабные сделки по приобретению корпорациями городского пространства в его разнообразных формах ведет к сокращению разнообразия. Города расширяются за счет постоянного увеличения числа схожих роскошных высотных зданий.

Большая часть городских изменений традиционно основывается на исключении того, что было раньше. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня. Глобальные города превращаются из мультикультурных и гетерогенных в гомогенные, унылые, однотипные, управляемые корпорациями. Об опасности реализации подобного сценария предупреждали американские урбанисты еще в середине XX в. Наиболее яркими фигурами, участвовавшими в борьбе с корпорациями, отнимавшими город у его жителей, были Л. Мамфорд и Дж. Джекобс⁵².

С. Сассен считает, что перемены, вызванные глобализацией, приводят к теоретическим и методологическим инновациям, требуют отказа от прежних аналитических категорий и прежних иерархий. Она говорит о формировании совершенно новой исследовательской программы, касающейся проблем городов и целого комплекса разнообразных самостоятельных проблем, с ними связанных. Любые нововведения в социологии способствуют возникновению дискуссий. В изучении глобального города С. Сассен выделяет шесть основных направлений полемики:

- 1) конструкция или модель глобального города, ее обоснованность, объяснительные возможности, “онтологический” статус и вопросы оценки, порождаемые ею;
- 2) финансовая сфера, ее значение в глобальных городах, ее пространственная организация и та степень, в которой возрастающая дигитализация рынков связана с глобальными городами;
- 3) услуги производителям, в частности, их роль в придании городу статуса глобального, их связи или зависимости от производства, их пространственная организация;

⁵¹ *Sassen S.* Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all.

⁵² *Mumford L.* The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego, N.Y.; L., 1989; *Jacobs J.* The death and life of great American cities. N.Y., 1961.

4) отношения между городами, в том числе с проблемами конкуренции, иерархий и сетей;

5) проблема неравенства в глобальных городах, включая неравенство доходов и пространственные формы поляризации;

6) вопрос о том, можно ли считать, что в глобальных городах возникает новый пространственный порядок⁵³.

Увеличение объема инвестиций в глобальные города способствует переходу от преимущественно частной собственности к корпоративной. Огромные офисные здания, торговые центры и жилые комплексы вытесняют маленькие улицы, общественные пространства и здания меньшего размера. В глобальных городах в настоящее время все меньше и меньше возможностей для жителей, чтобы собраться вместе, образовав сообщество. Корпорации приобретают новые права, а граждане их теряют. С. Сассен так же, как и А. Лефевра, Д. Харви и многих других, волнует вопрос о том, кому принадлежит право на город. Города не могут стать собственностью тех, у кого больше денег и кто может купить городское пространство. Повсеместная джентрификация разрушает городские сообщества, поднимая цены на недвижимость. С. Сассен призывает местные сообщества воспротивиться этому и вернуть себе глобальные города.

Идеи С. Сассен начинают развивать и другие авторы. Например, американский политолог П. Ханна говорит о растущей связи между городами вследствие развития разного рода сетей: транспортных, энергических, коммуникационных и т.д. Он утверждает, что современный мир эволюционирует от географии к “коннектографии”⁵⁴, которая сильно напоминает глобальную урбанистическую систему С. Сассен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERECES

Braudel F. The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th Century. Vol. III. L., 1984.

Castells M. The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford, 1989.

Dharssi A. Cities are places where the powerless can shape history: the right to the city in the 21st century // The Global Urbanist. URL: <http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city> (accessed: 11.02.2017).

Friedmann J. The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17.

Friedmann J., Wolff G. World city formation: an agenda for research and action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. N 6.

⁵³ *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. P. 346.

⁵⁴ *Khan P.* Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. L., 1915.

Hall P. Christaller for a global age: redrawing the urban hierarchy // GaWC Research Bulletin. 2001. Oct. N 59. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb59.html> (accessed: 27.12.2016).

Hall P. The global city // International Social Science Journal. 1996. Vol. 147.

Hall P. The world cities. L., 1966.

Jacobs J. The death and life of great American cities. N.Y., 1961.

Khanna P. Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

Mumford L. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989.

Sassen S. The new labor demand in global cities // Cities in Transformation / Ed. by M.P. Smith. Beverly Hills, 1984.

Sassen S. The mobility of labor and capital: a study in international investment and labor flow. Cambridge, 1988.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001.

Sassen S. The global city: introducing a concept // The Brown Journal of World Affairs. 2005. Winter/Spring. Vol. XI. N 2.

Sassen S. Seeing like a city // The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / Ed. by R. Burdett, D. Sudjic. L.; N.Y., 2007.

Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 2012.

Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge, 2014.

Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs // City & Community. 2016. June. Vol. 15. N 2.

Sassen S. Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all> (accessed: 11.01.2017).

Taylor P.J. World city Network: a global urban analysis. L., 2004.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

В.Г. Лукьянов, докт. философ. наук, проф. кафедры социологии и религиоведения факультета истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия*

НА ПУТИ К СОЦИОЛОГИИ МУЗЫКИ: ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Л.Л. САБАНЕЕВА

Lukianov Vyacheslav Georgievich, doctor of sciences (philosophy), professor, professor of the Sociology and religious department, Faculty of history and social sciences at the A.I. Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: vglukianov2008@yandex.ru

TOWARDS SOCIOLOGY OF MUSIC: FROM THE SCIENTIFIC HERITAGE OF L.L. SABANEEV

Автором проведен анализ идей Л.Л. Сабанеева (1881–1968) — профессора Московского университета, известного русского музыковеда, музыкального критика, пианиста и композитора, эмигрировавшего за рубеж в 1926 г., чье теоретическое наследие остается почти неизученным. Однако работы ученого по теории и истории музыки до сих пор представляют интерес: он обосновал необходимость социологического подхода к изучению музыки и тем самым анализа музыкального искусства в контексте социальной жизни. В отличие от своих современников-музыковедов (Б.В. Асафьева, Р.И. Грубера и др.), которые, хотя и поставили задачу освоения социологического подхода, но реализовали ее далеко не сразу, Сабанеев опубликовал свои труды по истории музыки в середине 1920-х гг., попытавшись раскрыть рассматриваемую проблематику на новой методологической основе. В статье показано, что, выступая за обновление методологии отечественного музыкознания в 20-е гг. XX в., Сабанеев разработал особый понятийный аппарат (“производство” и “потребление” музыки, “среда или потребитель музыкального искусства”, “музыкальное — звуковое — сознание”, “вкусовая группа”, “стиль” — индивидуальный, групповой, “стиль школы”, “стиль эпохи” и др.), с помощью которого сумел реализовать задачу освоения социологического подхода в музыкознании. Выдвигается положение о том, что введение Сабанеевым терминов “оттиск духа”, “тип чувствования”, “миросозерцание”, “музыкальное созерцание”, “звуковое мироощущение”, “мировоззрение” во многом превосходит современное представление о картине мира (включающей в себя три компонента — мировосприятие, мироощущение и мировоззрение), которая находит свое воплощение в произведении искусства. Зна-

* Лукьянов Вячеслав Георгиевич, e-mail: vglukianov2008@yandex.ru

чимой для современного этапа развития социологии музыки является попытка Сабанеева представить типологию слушателей музыки, которая для своего времени оказалась новаторской. Если значительно позднее по времени Т.В. Адорно поставил задачу “теоретического установления определенных типов слушания музыки в условиях современного общества”, то Сабанеев не ограничился этой задачей. Он попытался рассмотреть проблему и в историческом аспекте, разработав концепцию формирования и обновления “вкусовых групп”. Своими трудами Сабанеев, пытаясь раскрыть связь музыки “с общекультурной жизнью”, несомненно, внес важный вклад в формирование методологических основ науки о музыке. Автор полагает, что этот вклад в большой мере касается социологии музыки: Сабанеев во многом предвосхитил будущее развитие именно данной научной дисциплины, разработав понятийный аппарат, позволивший ему раскрыть “социологические предпосылки, которыми музыка обуславливалась”.

Ключевые слова: Л.Л. Сабанеев, социологический подход к изучению музыки, социология музыки, производство и потребление музыки, вкусовая группа, типология слушателей музыки.

The author analyzes the ideas of L.L. Sabaneev (1881–1968) – Professor of Moscow University, a well-known Russian musicologist, music critic, pianist and composer who emigrated in 1926. His theoretical ideas remain almost unexplored. However, his works on the theory and history of music are still interesting: he substantiated the need of sociological approach to the study of music and the analysis of music in context of social life. Unlike his contemporaries, musicologists (A.V. Lunacharsky, B.V. Asafiev, R.I. Gruber, etc.), who, although set the task of the development of the sociological approach, but did not implement it at once, Sabaneev published his works on the history of music in the mid 20-ies, he tried to reveal this problem on the new methodological basis. The article shows that, Sabaneev suggested to renew the methodology of domestic musicology in the 20-ies of the XX century. Sabaneev developed a special conceptual apparatus (“production” and “consumption” of music, “the environment or the consumer of the musical arts”, “musical (sound) consciousness”, “taste group”, “style” – individual, group, “school style”, “style of the epoch”, etc.), by means of which he was able to realize the task of development of the sociological approach in musicology. There presented a statement that the introduction by Sabaneev such terms as “impression of the spirit”, “a type of feeling”, “world vision”, “musical vision”, “audible world perception”, “world outlook” in many ways anticipates the modern idea of picture of the world (which includes three components – world outlook, world perception and worldview), which finds its embodiment in the work of art. Sabaneev’s effort to present a typology of music listeners, which turned out to be innovative in its time became valuable for the present stage of sociology of music development. Much later T.W. Adorno put the problem “theoretical establishment of certain types of music listening in today’s society”, but Sabaneev did not confine this task. He tried to consider the problem in historical perspective, developing the concept of formation and updating of “taste groups”. Trying to uncover the connection between

music and “a common cultural life”, Sabaneev with his works has undoubtedly made an important contribution into the formation of the methodological foundations of the science about music. The author believes that this contribution to a large extent relates to the sociology of music: Sabaneev largely anticipated the future development of this scientific discipline, having developed a conceptual apparatus that allowed him to reveal “the sociological preconditions in which music is determined”.

Keywords: L.L. Sabaneev, sociological approach to the study of music, sociology of music, production and consumption of music, the taste group, a typology of music listeners.

В XX в. происходит бурное развитие отраслевых социологий, в том числе и социологии искусства (в рамках которой формируются социология литературы, социология кино и др.). На границах музыкознания, эстетики, социологии и психологии возникает социология музыки. Важную роль в ее становлении сыграли не только социологи, но также и представители других сфер научного знания, в том числе музыковеды. Одним из первых отечественных ученых, попытавшихся после 1917 г. разработать и использовать социологический подход в изучении истории музыкального искусства, был Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968) – профессор Московского университета, известный русский музыковед, музыкальный критик, пианист и композитор, эмигрировавший за рубеж в 1926 г. Видимо, в связи с последним обстоятельством его теоретическое наследие остается почти неизученным¹. Вместе с тем, труды Сабанеева по теории и истории музыки до сих пор представляют интерес: он обосновал необходимость социологического подхода к изучению музыки и тем самым анализа музыкального искусства в контексте социальной жизни.

Подчеркнем, что в 20-е годы XX в. целый ряд исследователей – А.В. Луначарский (1875–1933), Б.В. Асафьев (1884–1949), Р.И. Гру-

¹ Только в последние годы появились публикации, посвященные его творческому наследию. См., например: *Шербакова А.И.* Сабанеев о музыке и музыкантах: из истории русской музыкальной критики // *Лики культуры, искусства и музыки в информационном пространстве XXI века. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции* / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2015. С. 40–45; *Масловская Т.Ю.* Сабанеев о прошлом (вместо предисловия) // *Воспоминания о России. М., 2005. С. 6–14; Она же. Л.Л. Сабанеев. Музыкальное образование в контексте культуры* // *Музыкальное образование в контексте культуры: вопросы теории, истории и методологии. Материалы X Международной научной конференции 1–3 ноября 2010 года. М., 2012. С. 20–24; Проскурина И.Ю.* А. Глазунов глазами Л. Сабанеева (рецептивные тексты 1920–1930-х гг.) // *Художественный текст: явное и скрытое: сборник научных материалов* / Ответ. ред. Л.А. Купец. Петрозаводск, 2007. С. 284–288.

бер (1895–1962) и др. — выдвинули задачу освоения социологического подхода в музыкознании. Луначарский даже подчеркивал, что без социологического подхода “все остальные подходы, все остальные построения в области искусствоведения рассыпаются”². Свое видение проблематики социологии музыки Луначарский реализовал в 1927 г. в книге “Вопросы социологии музыки”³. Важную роль в освоении социологического подхода сыграл Б.В. Асафьев. В работах 1927 г. он ввел понятия “социология музыки” и “музыкальная социология”, очертил основную задачу социологии музыки — выяснить, “чем была, есть и будет музыка в жизни, в бытовом и общественном укладе”, а также предмет социологии музыки⁴. Фактически, его работа “Музыкальная форма как процесс”, в особенности вторая книга этой работы — “Интонация”, и стали его реальным вкладом в разработку проблематики социологии музыки⁵.

В отличие от своих современников-музыковедов, которые хотя и поставили задачу освоения социологического подхода, но реализовали ее далеко не сразу (Б.В. Асафьев — в 1930-е и 1940-е гг.⁶, Р.И. Грубер — в 1940-е и 1950-е гг.⁷), Сабанеев опубликовал свои труды по истории музыки в середине 1920-х гг., попытавшись раскрыть рассматриваемую проблематику на новой методологической основе. Среди его трудов, опиравшихся на социологический подход, — “История русской музыки” (1924 г.) и “Всеобщая история музыки” (1925 г.)⁸. Кроме того, ему принадлежат такие работы как “Психология музыкально-творческого процесса”, “Музыка речи. Эстетическое исследование”, “Что такое музыка”, “Музыка после Октября”, “Организация музыкальной науки” и др., а также книги и очерки, посвященные выдающимся деятелям в сфере музы-

² Луначарский А.В. В мире музыки. Статьи и речи / Сост., ред. Г.Б. Бернандта, И.А. Саца. М., 1971. С. 202.

³ Там же. С. 117–226; см. также: Лукьянов В.Г. Социология музыки: к истории становления научной дисциплины. СПб., 2016. С. 29–48.

⁴ Программа семинария по социологии музыки, составленная Б.В. Асафьевым, 1927 г. // Из истории советского музыкального образования: Сборник материалов и документов 1917–1927 / Отв. ред. П.А. Вульфус. Л., 1969. С. 272–273; Глебов И. [Асафьев Б.В.] О ближайших задачах социологии музыки [предисловие] // Мозер Г.И. Музыка средневекового города. Л., 1927. С. 7–21.

⁵ Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книга первая. М., 1930; Он же. Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация. М.; Л., 1947; см. также: Лукьянов В.Г. Указ. соч. С. 49–67.

⁶ Асафьев Б.В. Указ. соч.

⁷ Грубер Р.И. История музыкальной культуры. Т. 1. С древнейших времен до конца XVI века. Ч. 1. М.; Л., 1941; Он же. История музыкальной культуры. Т. 2. Ч. 1. М., 1953; Он же. История музыкальной культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.

⁸ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. М., 1924; Он же. Всеобщая история музыки. М., 1925.

кальной культуры — С.И. Танееву, А.Н. Скрябину, С.С. Прокофьеву, С.В. Рахманинову, А.Б. Крейну, К. Дебюсси, М. Равелю и др.⁹

Задача настоящей статьи — раскрыть особенности разработки Сабанеевым социологического подхода в музыкознании и его вклад в становление социологии музыки.

Как утверждал Сабанеев, для “наивных историков музыки... музыкальное искусство разворачивается вне условий времени и пространства, на какой-то особенной планете, населенной одними музыкантами, и не подлежит влияниям не только экономических и социальных условий, но даже и воздействию общекультурных факторов”¹⁰. Ученый выступил против простого “исторического коллекционирования”, против истории музыки как собрания биографий “и едва ли не анекдотов о музыкальных деятелях”, против “собирания материалов без всякой попытки связать их в единство некой мыслью”¹¹. В отличие от “наивных историков музыки” Сабанеев исходил из того, что “художественная мысль всегда есть функция социологической обстановки”¹².

Возможность перехода истории музыки из «детской “биографической” стадии» к новой стадии своего развития ученый видел в освоении марксистской методологии. Правда, такой переход, по его словам, “нельзя было сразу ожидать”. Задача “историков новой формации” состоит в том, чтобы связать музыку “с общекультурной жизнью”, чтобы музыка “сошла из заоблачных высот на землю; история ее стала уже историей стилей, а не синтетической биографией”, чтобы “появились попытки связать музыкальное искусство и с социальной базой, рассмотреть те социологические предпосылки, которыми музыка обуславливалась”¹³. Данная задача, с его точки зрения, может быть решена лишь на следующей стадии развития истории музыки — стадии “социологического изучения музыки, как феномена”¹⁴.

⁹ Сабанеев Л.Л. Клод Дебюсси. М., 1922; *Он же*. Психология музыкально-творческого процесса // Искусство. 1923. № 1. С. 195—212; *Он же*. Музыка речи. Эстетическое исследование. М., 1923; *Он же*. Морис Равель. Характеристика его творческой деятельности и очерк его жизни. М., 1924; *Он же*. Что такое музыка. М., 1925; *Он же*. Музыка после Октября. М., 1926; *Он же*. Александр Абрамович Крейн. М., 1928; *Он же*. Воспоминания о Скрябине. М., 2000; *Он же*. Воспоминания о Танееве. М., 2003; *Он же*. Воспоминания о России. М., 2005; *Sabaneyeff L. Modern Russian composers*. N.Y., 1927; *Sabaneev L. The organization of musical science* // *The Musical Times*. 1929. Sep. 1. Vol. 70. N 1039. P. 785—787.

¹⁰ Сабанеев Л.Л. Музыка после Октября. С. 48.

¹¹ Там же.

¹² Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 3.

¹³ Сабанеев Л.Л. Музыка после Октября. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 55.

Таким образом, уже в начале 20-х гг. XX в. ученый выступил за обновление методологии музыкознания, что получило свое выражение в выдвижении Сабанеевым целой системы понятий: “производство” и “потребление” музыки, “*среда или потребитель* музыкального искусства”, “музыкальное (звуковое) сознание”, “вкусовая группа”, “стиль” (“индивидуальный”, “групповой”, “стиль школы”, “стиль эпохи”) и др.

В связи с необходимостью анализа конкретной проблематики истории музыки Сабанеев посчитал важным сначала рассмотреть некоторые “*общие вопросы*”, которые долгое время “оставались в тени”, но которые требовали своего осмысления. Так, с его точки зрения, в полной мере не были изучены “закономерности и зависимости *общего характера*”. Среди них следующие: «1) вопрос о зависимости музыки от социологической обстановки и классовых группировок; 2) вопрос о расслоении музыкально-творческого феномена по отдельным группам — проблема “потребителей” и “поставщиков” музыки; 3) вопрос о зависимости самого творчества от технического уровня эпохи, от “индустрии”; 4) вопрос о *филогенезе* музыкальных организмов и их чисто “биологической жизни”, с чем в связи стоит очень серьезный вопрос о *жизненности* этих организмов, способности их бороться со временем»¹⁵.

Отметим, что пытаясь освоить социологический подход к анализу музыкального искусства, выдвигая в этой связи в 1920-е гг. особую систему понятий, Сабанеев не отказывается от ранее принятой им еще в 1912 г. установки: наука о музыке должна встать “на почву науки естественной”, главная задача науки о музыке — “изучение музыкальных организмов”¹⁶. Так, обращаясь уже в 1924 г. к анализу русской музыки, он рассматривает ее “как органическое следствие ряда общеисторических условий, определяющих *типы чувствования*, из которых рождаются музыкальные организмы, в своем бытии обнаруживающие черты, аналогичные до известной степени биологическим организмам”¹⁷.

Такая установка не была случайной для Сабанеева — автора научных работ по математике и зоологии. Вместе с тем, попытка совместить в рамках одной методологии естественнонаучный и социологический подходы при изучении истории музыки представляется достаточно уязвимой, но не лишенной основания, поскольку музыка — явление многогранное и, несомненно, требует междисциплинарного анализа. Однако встает вопрос: насколько

¹⁵ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 4.

¹⁶ Сабанеев Л.Л. Наука о музыке // Музыка. 1912. № 74. С. 376.

¹⁷ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 5.

оправдано использование заимствованных из биологии терминов (“музыкальный организм”, «музыкальные “виды”», “естественный отбор”, “дегенерация”) при анализе музыки?

По словам ученого, история музыки “как культурный феномен существенна и важна только тогда, когда она приводится в ту или иную причинную связь с факторами, ее развитие обуславливающими”, а это означает что “необходимо поставить музыкальное искусство и его развитие в *связь* с общими социологическими условиями и с условиями восприятия, как *ими обуславливаемое*”¹⁸.

Представляется, что “социологическая установка” стала для Сабанеева теоретической основой анализа истории музыкальной культуры, позволив связать “в единство некой мыслью” многочисленные, часто разрозненные факты. Утверждая важность “социологической установки”, Сабанеев не игнорирует и другие факторы, оказывающие влияние на развитие музыкальной культуры: например, он говорит об “антропологических” и “физиологических факторах” развития “звукового сознания”¹⁹.

Как отмечает Сабанеев, история музыки есть “история музыкальных стилей”, которые зависят «от эпохи, от круга лиц, “потребляющих” музыку, от этнографических условий и других реальных причин, вплоть до наиболее материальных, как-то уровень техники звукоизвлечения в данную эпоху»²⁰. Более того, он полагал, что сама история музыки представляет собой “*обоснование стиля социологическими условиями и типами восприятия*”²¹. Представляется в этой связи, что понятие “стиль” оказывается центральным в рассмотрении Сабанеевым истории музыки в рамках социологического подхода.

Данное понятие получает у Сабанеева следующую трактовку: «*тип* музыки или ее *стиль* есть совокупность признаков, объединяющих группы явлений в музыке. Этот стиль находится в теснейшей зависимости от типа той *группы*, которая является потребителем данной музыки. Мы можем сказать, что группа обуславливает стиль, и, обратно, стиль “подбирает” себе группу потребителей, ему соответствующую»²². Сабанеев пытался раскрыть механизм зарождения нового стиля: мелкие “мутации” стиля могут вырастать в “новаторские сдвиги стиля и в зарождение совсем новых стилей”. Вся музыкальная история есть история таких небольших мутаций или “усовершенствований то в конструкции инструмента,

¹⁸ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. М., 1925. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 19–20.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 4.

²² Там же. С. 13.

то в технике творчества, в способах воплощения, то в манере игры, то в звуковой записи” и др.²³.

Поскольку на стиль “влияют личные характеристики того лица, которое продуцирует музыку” — композитора или исполнителя, мы имеем дело с “*индивидуальным стилем*”, который представляет собой некоторую равнодействующую индивидуальных запросов композитора или исполнителя, с одной стороны, а с другой — “запросов группы потребителей”. Если же возникает общность приемов творчества целой группы лиц, тогда возникает “*стиль школы*” (например, такие школы как нидерландская, неаполитанская, “русский кучкизм”, вагнеризм и т.д.). Всякая школа отражает определенный “групповой вкус”. Довольно часто “групповой вкус потребителя объединяет и более широкие стилевые группировки: стиль эпохи, который более или менее ярко проявляется в сочинениях... современников”²⁴.

С точки зрения Сабанеева, «стиль эпохи есть функция “тона чувствования”, а этот последний теснейшим образом сплетен с *общим историческим* — уже не музыкальным только — процессом»²⁵. О чем здесь идет речь?

Речь идет о взаимосвязи искусства и общества. Однако в отличие от представителей вульгарного социологизма (а в 20-е гг. XX в. многие его современники зачастую стояли именно на этих позициях), Сабанеев не абсолютизировал зависимость музыки от экономики, классов и т.п. Он вводит термин “тон чувствования”, что дает ему возможность показать сложность механизма опосредствования связи искусства и общества.

Ученый утверждает, что в музыке дается “как бы *оттиск* духа (типа чувствования) данного автора, творца музыки, и, поскольку он сам отображает тип чувствования своего класса или группы, дается слепок с типа чувствования и всей этой группы”²⁶. Так, характеризуя творческую личность А.Н. Скрябина, он пишет: “Скрябин был сыном своей эпохи, своего века и своей среды. Как все гениальные личности, он особенно характерен для среды, *особенно ярко отражал ее идеологию*”²⁷.

Представляется, что введение Сабанеевым терминов “*оттиск* духа”, “тип чувствования”, “миросозерцание”²⁸, “музыкальное

²³ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 26.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 4—5.

²⁶ Там же. С. 3—4.

²⁷ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 6.

²⁸ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 204.

созерцание”²⁹, “звукосозерцание”³⁰, “звуковое мироощущение”³¹, “мировоззрение”³² во многом предвосхищает современное представление о картине мира (включающей в себя три компонента — мировосприятие, мироощущение и мировоззрение), которая находит свое воплощение в произведении искусства.

Система понятий, с помощью которых ученый пытался реализовать социологический подход к музыке, включала также понятие “музыкальное (звуковое) сознание”. Он полагал, что развитием музыкального (звукового) сознания “обусловлен весь прогресс искусства”³³. Само музыкальное сознание, с точки зрения ученого, развивается под воздействием антропологического, физиологического и социологического факторов.

По Сабанееву “музыкальное (звуковое) сознание” способно развиваться как в коллективной плоскости (т.е. для “всей массы потребителей в целом” и для отдельных групп потребителей), так и в плоскости индивидуальной (“для каждого индивидуума персонально”³⁴). Ту эволюцию, которую человечество проделывало в течение нескольких тысяч лет, каждый из нас проделывает в течение одной жизни или даже части жизни. При этом каждый индивид “проходит приблизительно те *стадии звукового сознания, которые проходило человечество в своем историческом пути* — проходит ритмическую стадию, стадию примитивно-мелодическую, стадию гармоническую и стадию полифоническую”³⁵.

Сабанеев указывает на то, что существует зависимость “музыкального (звукового) сознания” от среды. Окружающая человека музыкальная среда, т.е. то, что он постоянно воспринимает, “продвигает его сознание в звуковой области, но не сразу, а постепенно”. Как он утверждает, «пробуждающиеся и развивающиеся элементы нового сознания *изменяют вкус к прежним продуктам* и заставляют искать нового воплощения. Это искание обоюдно: и со стороны потребителя, и со стороны производителя... звуковое сознание развивается обычно частями, “дозами” в какой-нибудь частной области и заставляет искать новизны именно тут»³⁶. Любой “прирост” звукового сознания приводит к тому, что восприятие “продуктов прошлого” происходит “в свете новых сознаний”

²⁹ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 29.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Там же. С. 62, 73, 75.

³² Там же. С. 76.

³³ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 17.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 17–18.

(например, стиль Дебюсси способствовал новому пониманию произведений старых французских мастеров).

Данная проблематика впоследствии получила свою детальную разработку в теории интонации Б.В. Асафьева, который использовал понятия «"круг звукоидей" эпохи», "массовое общественное сознание", "сознание данной общественной среды", "общественное художественное сознание"³⁷. Асафьев показал значимость для массового музыкального сознания "устного словаря интонаций", утверждая, что этот словарь представляет собой ту "нить Ариадны", благодаря которой слушатель может проникнуть «в состояние сознания композитора и в смысл его концепций. Этот "устный музыкально-интонационный словарь" эпохи представляет собой изменчивый комплекс музыкальных представлений, благодаря которому оказывается возможным общение композитора со слушателем. Конечно, в массовом музыкальном сознании нельзя обнаружить целые музыкальные произведения ("разве что у профессионалов и редких любителей"), но в нем «отлагается сложный, очень изменчивый комплекс музыкальных представлений, в который входят и разнообразные "фрагменты" музыки, но который, в сущности, составляет "устный музыкально-интонационный словарь"»³⁸.

Сабанеев отмечает, что "*тип звукового сознания* у лиц, продуцирующих музыку, вообще выше типа сознания у остальных, конечно учитывая общий уровень вкуса" (иначе говоря, "сознание производителя сильно *упреждает* в развитии звуковое сознание потребителя"), в силу чего зачастую возникает «явление *разрыва* между звуковым сознанием профессиональной группы и масс, при чем создается как бы специфическое искусство "для профессионалов"»³⁹.

Подчеркнем, что позднее Асафьев также указал на возможное «явление *разрыва*», раскрыв его причины. Асафьев различал слух музыкантов-профессионалов и слух непрофессионалов, указывая, что существует временной лаг в развитии их слуха, поскольку слух профессионалов значительно опережает слух "воспринимающей массы". Он полагал, что кроме особых технических сложностей восприятия здесь «действуют еще более *тормозы культурно-исторического порядка: слух профессиональный* (особенно композиторский, даже когда композитор почти неотделим от исполнителя и теоретика, как это долго было в Европе) *слишком опережает слух воспринимающей массы*. Отсюда неизбежность формального "изошренчества" и "одиошчества" новаторов, если они выбирают путь субъективных исканий, создавая свой звукоязык, избегая обще-

³⁷ Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая / Ред., вст. ст. и коммент. Е.М. Орловой. Л., 1971. С. 267, 268, 319.

³⁸ Там же. С. 357.

³⁹ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 10–11.

признанных — несущих всем понятный смысл — интонаций. Эти одинокие опыты иногда так и поглощаются забвением, и никто к ним не возвращается, а иногда подхватываются и делаются “слышимыми” (им удивляются!), потому, что процесс слухового восприятия — с других позиций — привел к тем же находкам уже *подготовленного историко-культурным развитием слушателя*»⁴⁰ (выделено мной. — В.Л.).

Представляются весьма значимыми для современной науки размышления Сабанеева о возможности передачи с помощью музыки различного рода идей и шире — идеологии. Следует отметить, что данной проблематики в той или иной степени касались многие исследователи. Позиция Сабанеева в этом вопросе отличалась стремлением к научной строгости: «...по отношению к “чистому” звуковому искусству надо вообще быть очень осторожным в применении термина “идеология” по той простой причине, что музыка, как это совершенно ясно, не может сама по себе никакой идеи выразить»⁴¹. По мнению ученого, *«идеология привносится в музыку текстом и сюжетом, т.е. посторонними музыке элементами*. В этом смысле для некоторых эпох и классов характерно стремление к “привнесению” в музыку идеологии, а для других — является характерным стремление к освобождению музыки от всяких идеологий»⁴².

Предвосхищая развитие социологии музыки, Сабанеев вводит понятия «музыкальное “производство”» и “потребление” музыки»⁴³. Отметим, что данные понятия спустя десятилетия использовал в своих работах Т. Адорно (1903—1969)⁴⁴. Сабанеев указывает на то, что с того времени, когда возникает музыкальное искусство общество выделяет из своей среды особую группу людей — “продукторов музыки”. Музыкальное производство, как отмечает ученый, включает в себя сочинение музыки и ее исполнение. На первобытной стадии эти виды деятельности “совмещаются в одном лице, которое служит и сочинителем и исполнителем”⁴⁵. На поздних этапах происходит “расслоение типа творца-сочинителя от типа исполнителя”⁴⁶.

Как и “всякий другой продукт производства”, музыкальное произведение *“имеет свой круг сбыта”* — имеется в виду *“среда или потребитель музыкального искусства”*, т. е. “совокупность тех людей, которые являются пассивными участниками музыкального

⁴⁰ Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая. С. 237.

⁴¹ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 35—36.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 8, 18, 46, 51.

⁴⁴ Адорно Т. Избранное. Социология музыки. М., 2008. С. 12, 22, 34.

⁴⁵ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 8.

⁴⁶ Там же.

исполнения”⁴⁷. Сабанеев использует для обозначения реципиентов целый ряд терминов: “потребительские группы”, “группы потребителей”, “вкусовая группа потребителей”, “круги потребителей” и др. Музыковед отмечал: «Существование подобных кругов потребителей обуславливает круг произведений, создаваемых в расчете на этот круг, иногда инстинктивно и подсознательно (просто вследствие того, что сам автор принадлежит этому кругу), иногда же сознательно, как бы “угодная” вкусу (что бывает часто, когда автор — сам чужой в этом кругу)»⁴⁸. С точки зрения ученого, эти круги не совпадают ни с человечеством, ни “со всей массой народа”. Они “замкнуты” и “немногочисленны”. Каждый “круг” включает в себя “совокупность лиц одного вкусового типа, причем самый тип этот создается социологическими условиями внутри группы и степенью музыкальной (звуковой) сознательности”⁴⁹ (по Сабанееву, “звуковая сознательность” — это умение “с той или иной степенью остроты и полноты разбираться в звуковых сочетаниях и комплексах”⁵⁰).

Подчеркнем, что значительно позже в своей работе “Социология музыки” (1963 г.) А. Зильберман (1909–2000) дал подробную характеристику “социомзыкальных групп” (“socio-musical groups”), раскрыв их структуру, функции и особенности поведения⁵¹.

По мысли Сабанеева, каждая такая “вкусовая группа потребителей”, обладающая определенным “типом чувствования”, «имеет свою музыку, которую воспринимает и переживает предпочтительно и преимущественно... Все множество человеческих индивидуальностей таким образом распадается на такие “вкусовые группы”»⁵². Каждая группа имеет характерные особенности своего “звукосозерцания”. В рамках какого-либо класса можно “встретить представителей решительно всех вкусовых групп”, с одной стороны, а с другой — “в каждой вкусовой группе мы видим представителей разных классов”⁵³. Вместе с тем, отмечает Сабанеев, “класс, как социолого-экономический комплекс, дает все же известный отпечаток на вкусовых группах. Есть группы, в которых *преобладают* элементы определенного класса и, наоборот, почти отсутствуют элементы иного класса”⁵⁴.

⁴⁷ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 11.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 11–12.

⁵¹ Silbertmann A. The sociology of music. L., 1963.

⁵² Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 4.

⁵³ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 12.

⁵⁴ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки.

Подчеркнем, что в 1979 г. вышла книга выдающегося французского социолога П. Бурдьё (1930–2002) “Различение: социальная критика суждения вкуса”, в которой он обратился к изучению проблематики эстетического вкуса, утверждая, что не только гастрономические вкусы, но и вкусы эстетические выступают как знак социальных различий⁵⁵.

Поскольку музыкальное произведение имеет “свой круг сбыта”, произведение создается “в расчете на этот круг”. Однако, если в результате социальных изменений, “разрушаются классы и группы, служившие до той поры потребителями музыкального искусства, то тем самым обычно” погибает и музыкальная культура, возникшая в этой среде и в расчете на нее (например, именно так погибла музыкальная культура Средневековья, “гибнет народная песня, утрачивая своего потребителя, который переходит на урбанистические формы музыки”⁵⁶).

С другой стороны, «“высокие” художественные создания как их принято именовать, обычно отличаются тем свойством, что они охватывают не только современные им круги потребителей, но сохраняют и в будущем эти круги, иногда даже расширяя их»⁵⁷.

В этой связи отметим, что если Т. Адорно поставил задачу “теоретического установления определенных типов слушания музыки в условиях современного общества”⁵⁸, то Сабанеев не ограничился этой задачей. Он попытался рассмотреть проблему и в историческом аспекте: как утверждает ученый, его задачей при написании истории музыки является “социологическое обоснование развития вкусовых групп музыкального восприятия”⁵⁹.

По Сабанееву, на протяжении истории происходит формирование и обновление “вкусовых групп”. Так, в эпоху Средневековья доминирует “церковная вкусовая группа”. Наряду с группой “клерикальной”, существуют “группа *феодалная со вкусом к музыке торжественной и пышной*”, “группа *профессиональная*”, которая обслуживает две предыдущие, а также “группа широкой публики”, которая потребляет в основном песню и оперу⁶⁰. В эпоху зарождения капитализма происходит “сдвиг” музыкального искусства в сторону “интимности” (возникает искусство, рассчитанное не на религиозное воздействие, а на “увеселение” в минуты отдыха).

⁵⁵ Бурдьё П. Различение. Социальная критика суждения вкуса // Экономическая социология. 2005. Т. 6. №. 3. С. 25–48.

⁵⁶ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 23.

⁵⁷ Там же. С. 15.

⁵⁸ Адорно Т. Указ. соч. С. 11.

⁵⁹ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 5.

⁶⁰ Там же. С. 44–45.

Также Сабанеев выделил и другие типы вкусовых групп (“эмоциональные”, “эстетные”, “академические группы”, “интеллигентские группы”), полагая, что они различаются “почти исключительно тем, чего его члены ищут в музыке”⁶¹. Что касается “величины вкусовых групп”, то, с точки зрения Сабанеева, не следует думать, что группы потребителей музыки являются многочисленными: «...только широко демократическая — “народная” — имеет внушительную числовую характеристику, остальные, в сущности, настолько малочисленны, что охватывают только ничтожную часть населения»⁶².

Подчеркнем, что у Т. Адорно типология слушателей опирается на три основания: 1) “сообразность или несообразность слушания услышанному” — например, “эксперт”; 2) жанровые ориентации — например, “джазфан”; 3) “вкус”, “симпатии и антипатии”, а также “привычки слушателей” — например, “рессантиментный” слушатель⁶³. У Сабанеева типология опирается на одно основание — “вкус” группы к музыке. Представляется в этой связи, что типология Т. Адорно охватывает все группы общества (“совокупность всех людей, как слушающих, так и не слушающих музыку”), в то время как типология Сабанеева охватывает лишь те группы, которые музыку слушают. Вместе с тем, на наш взгляд, для своего времени концепция Сабанеева оказалась новаторской: впервые в отечественной науке о музыке была представлена типология слушателей музыки.

Наряду с обновлением “вкусовых групп” происходит, по мнению музыковеда, также и “перемена вкуса” в одной и той же группе: “потребительская среда, какую бы вкусовую группу она ни представляла, всегда имеет стремление к *перемене вкуса*... она ищет и требует новизны”⁶⁴. Это стремление к восприятию все “новых ощущений обуславливает прогресс искусства и появление все новых и новых мутаций”⁶⁵. Эта “смена вкусов”, характерная для всей истории музыки, отмечена также и возвращением к вкусу предшествующего периода. Сабанеев объясняет “периодизмами вкусов” явления “*ретроспективных течений*”. С его точки зрения, “вся музыкальная жизнь с этими сменяющимися вкусами и требованиями представляется как бы рядом приливных и отливных волн, причем ритмы этих эпох довольно однородны и приблизительно соответствуют 30—40 годам — среднему возрасту *поколения*”⁶⁶. По мнению

⁶¹ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 32.

⁶² Там же. С. 35.

⁶³ Адорно Т. Указ. соч. С. 11—26.

⁶⁴ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 28.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Сабанеев Л.Л. Всеобщая история музыки. С. 29.

ученого, настоящий момент отмечен «огромным размером вкусовых “дистанций” между широким потребителем музыки (массой) и между квалифицированными ценителями»⁶⁷.

Наконец, Сабанеев показал связь музыкального искусства с бытом: “В своей глубинной основе музыка теснейшим образом связана с *бытом*: она есть часть быта. И потому, естественно, она отражает бытовые условия тех социологических групп, которые она обслуживает”⁶⁸. Например, быту деревни соответствует народная музыка, быту церкви — соборное хоровое начало, быту дворца — “музыка парадная, увеселительно торжественная” и др.⁶⁹

Отмечая позитивные аспекты процесса формирования методологии научного анализа музыки Сабанеева, нельзя не обратить внимания на то, что в своих работах он вольно или невольно допускал суждения в духе вульгарного социологизма. Это касается, прежде всего, его размышлений о творчестве ряда композиторов, например, П.И. Чайковского. Так, он полагал, что «более основательной можно счесть связь эмоционального тона творчества Чайковского с элегической скорбью дворянского класса... сам он, обезземеленный дворянин, разоренный, но с утонченной психикой, экономически нежизнеспособный, но с тонкими потребностями, был живым носителем идеологии деклассированного дворянства, оппозиционного “из досады” к правительству, сдавшему часть его позиций новому классу»⁷⁰. В этой связи подчеркнем, что А.В. Луначарский, также стремившийся освоить социологический подход к музыкальному искусству, выступил в защиту П.И. Чайковского, которого было принято в 20-е гг. XX в. ругать “сентиментальным, слезливым интеллигентом”. Как отмечал Луначарский, П.И. Чайковский — это “великий композитор”, занимающий на самом деле “исключительное место в русской музыке”⁷¹.

Завершая рассмотрение концепции Сабанеева, отметим, что своими трудами, пытаясь раскрыть связь музыки “с общекультурной жизнью”, ученый, несомненно, внес важный вклад в формирование методологических основ науки о музыке. Вместе с тем, представляется, что этот вклад в большой мере касается прежде всего социологии музыки. Сабанеев во многом предвосхитил будущее развитие именно социологии музыки, разработав такой понятийный аппарат, который в значительной степени позволил ему раскрыть “социологические предпосылки, которыми музыка обуславливалась”. Предложенные ученым понятия (“производство” и

⁶⁷ Там же. С. 38.

⁶⁸ Там же. С. 34.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Сабанеев Л.Л. История русской музыки. С. 54–55.

⁷¹ Луначарский А.В. Указ. соч. С. 129–130.

“потребление” музыки, “музыкальное (звуковое) сознание”, “вкус-
совая группа”) позднее в том или ином виде вошли в понятийную
систему современной социологии музыки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Т.* Избранное. Социология музыки. М., 2008.
- Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. Книга первая. М, 1930.
- Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интона-
ция. М.; Л., 1947.
- Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. Книги первая и вторая /
Ред., вст. ст. и коммент. Е.М. Орловой. Л., 1971.
- Бурдье П.* Различение. Социальная критика суждения вкуса // Эконо-
мическая социология. 2005. Т. 6. № 3.
- Глебов И.* (Асафьев Б.В.) О ближайших задачах социологии музыки
(предисловие) // Мозер Г.И. Музыка средневекового города. Л., 1927.
- Грубер Р.И.* История музыкальной культуры. Т. 1. С древнейших вре-
мен до конца XVI века. Ч. 1. М.; Л., 1941.
- Грубер Р.И.* История музыкальной культуры. Т. 2. Ч. 1. М., 1953.
- Грубер Р.И.* История музыкальной культуры; Т. 2. Ч. 2. М., 1959.
- Лукьянов В.Г.* Социология музыки: к истории становления научной
дисциплины. СПб., 2016.
- Луначарский А.В.* В мире музыки. Статьи и речи / Сост., редакция и
комментарии Г.Б. Бернандта, И.А. Саца. М., 1971.
- Масловская Т.Ю.* Сабанеев о прошлом (вместо предисловия) // Воспо-
минания о России / Сост. и предисл. Т. Масловской, коммент. С. Прохо-
това. М., 2005. С. 6–14.
- Масловская Т.Ю.* Л.Л. Сабанеев. Музыкальное образование в контек-
сте культуры // Музыкальное образование в контексте культуры: вопросы
теории, истории и методологии. Материалы X Международной научной
конференции 1–3 ноября 2010 года. М., 2012. С. 20–24.
- Программа семинария по социологии музыки, составленная Б.В. Аса-
фьевым, 1927 г. // Из истории советского музыкального образования:
Сборник материалов и документов 1917–1927 / Отв. ред. П.А. Вульфус.
Л., 1969.
- Проскурина И.Ю.* А. Глазунов глазами Л. Сабанеева (рецептивные тек-
сты 1920–30-х гг.) // Художественный текст: явное и скрытое: сборник
научных материалов / Ответ. ред. Л.А. Купец. Петрозаводск, 2007. С. 284–288.
- Сабанеев Л.Л.* Наука о музыке // Музыка. 1912. № 74.
- Сабанеев Л.Л.* Клод Дебюсси. М., 1922.
- Сабанеев Л.Л.* Психология музыкально-творческого процесса // Ис-
кусство. 1923. № 1. С. 195–212.
- Сабанеев Л.Л.* Морис Равель. Характеристика его творческой деятель-
ности и очерк его жизни. М., 1924 (а).
- Сабанеев Л.Л.* История русской музыки. М., 1924 (б).
- Сабанеев Л.Л.* Всеобщая история музыки. М., 1925 (а).
- Сабанеев Л.Л.* Что такое музыка. М., 1925 (б).
- Сабанеев Л.Л.* Музыка после Октября. М., 1926.

Сабанеев Л.Л. Александр Абрамович Крейн. М., 1928.

Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2000.

Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Танееве. М., 2003.

Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / Сост. и предисл. Т. Масловской, коммент. С. Грохотова. М., 2005.

Щербакова А.И. Сабанеев о музыке и музыкантах: из истории русской музыкальной критики // Лики культуры, искусства и музыки в информационном пространстве XXI века. Сб. мат-в I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2015. С. 40–45.

REFERENCES

Adorno T. Izbrannoe. Sociologija muzyki [Selected. Sociology of music]. M., 2008.

Asaf'ev B.V. Muzykal'naja forma kak process. Kniga pervaja [Musical form as a process. The first book]. M., 1930.

Asaf'ev B.V. Muzykal'naja forma kak process. Kniga vtoraja. Intonacija [Musical form as a process. The second book. Intonation]. M.; L., 1947.

Asaf'ev B.V. Muzykal'naja forma kak process. Knigi pervaja i vtoraja [Musical form as a process. Books first and second] / Red., vst. st. i komment. E.M. Orlovoj [Ed. by E.M. Orlova]. L., 1971.

Burd'e P. Razlichenie. Social'naja kritika suzhenija vkusa [Distinction. Social criticism of the judgment of taste] // Jekonomicheskaja sociologija [Economic sociology]. 2005. T. 6. N 3.

Glebov I. (Asaf'ev B.V.) O blizhajshih zadachah sociologii muzyki (predislovie) [On the immediate problems of the sociology of music (preface)] // Mozer G.I. Muzyka srednevekovogo goroda [Music of a medieval city]. L., 1927.

Gruber R.I. Istorija muzykal'noj kul'tury. T. 1. S drevnejshih vremen do konca XVI veka. Ch. I. [History of musical culture. T. 1. From ancient times to the end of the XVI century. Part I]. M.; L., 1941.

Gruber R.I. Istorija muzykal'noj kul'tury. T. 2. Ch. 1. [History of musical culture; T. 2. Ch. 1]. M., 1953.

Gruber R.I. Istorija muzykal'noj kul'tury; T. 2. Ch. 2 [History of musical culture; T. 2. Ch. 2]. M., 1959.

Lukianov V.G. Sociologija muzyki: k istorii stanovlenija nauchnoj discipliny [Sociology of music: the history of the formation of scientific discipline]. SPb., 2016.

Lunacharsky A.V. V mire muzyki. Stat'i i rechi [In the world of music. Articles and speeches] / Sost., redakcija i kommentarii G.B. Bernandta, I.A. Saca [Comp., ed. by and comments G.B. Bernandt, I.A. Sats]. M., 1971.

Maslovskaja T.Ju. Sabaneev o proshlom (vmesto predislovija) [Sabaneev about the past (instead of the preface)] // Vospominanija o Rossii [Memories about Russia] / Sost. i predisl. T. Maslovskoj, komment. S. Grohotova. M., 2005. S. 6–14.

Maslovskaja T.Ju. L.L. Sabaneev. Muzykal'noe obrazovanie v kontekste kul'tury [Sabaneev. Musical education in the context of culture] // Muzy-

kal'noe obrazovanie v kontekste kul'tury: voprosy teorii, istorii i metodologii. Materialy X Mezhduna-rodnoj nauchnoj konferencii 1–3 nojabrja 2010 goda [Musical education in the context of culture: questions of theory, history and methodology. Materials of the Xth International Scientific Conference on November 1–3, 2010]. M., 2012. S. 20–24.

Programma seminarija po sociologii muzyki, sostavlenaja B.V. Asaf'evym, 1927 g. [The program of the seminary on the sociology of music, compiled by B.V. Asafiev, 1927] // Iz istorii sovetskogo muzykal'nogo obrazovanija: Sbornik materialov i dokumentov 1917–1927 [From the history of Soviet music education: Collection of materials and documents 1917–1927] / Otv. red. P.A. Vul'fius [Ed. by P.A. Wulfius]. L., 1969.

Proskurina I. Yu. Glazunov glazami L. Sabaneeva (retseptivnye teksty 1920–30-kh gg.) [Glazunov through the eyes of L. Sabaneyev (receptive texts of 1920–30s)] // Khudozhestvennyi tekst: yavnoe i skrytoe: sbornik nauchnykh materialov [Artistic text: explicit and hidden: a collection of scientific materials] / Otv. red. L.A. Kupets [Ed. by L.A. Merchant]. Petrozavodsk, 2007. S. 284–288.

Sabaneev L.L. Nauka o muzyke [The science of music] // Muzyka [Music]. 1912. N 74.

Sabaneev L.L. Klod Debjussi [Claude Debussy]. M., 1922.

Sabaneev L.L. Psihologija muzykal'no-tvorcheskogo processa [Psychology of the musical and creative process] // Iskusstvo [Art]. 1923. N 1. S. 195–212.

Sabaneev L.L. Moris Ravel'. Harakteristika ego tvorcheskoj deja-tel'nosti i ocherk ego zhizni [Maurice Ravel. Characteristic of his creative activity and a sketch of his life]. M., 1924 (a).

Sabaneev L.L. Istorija russkoj muzyki [History of Russian Music]. M., 1924 (b).

Sabaneev L.L. Vseobshhaja istorija muzyki [The general history of music]. M., 1925 (a).

Sabaneev L.L. Chto takoe muzyka [What is music]. M., 1925 (b).

Sabaneev L.L. Muzyka posle Oktjabrja [Music after October]. M., 1926.

Sabaneev L.L. Aleksandr Abramovich Krejn [Alexander Abramovich Crane]. M., 1928.

Sabaneev L. The organization of musical science // The Musical Times. 1929. Vol. 70. N 1039. Sep. 1. P. 785–787.

Sabaneev L.L. Vospominanija o Skrjabinе [Memories of Scriabin]. M., 2000.

Sabaneev L.L. Vospominanija o Taneeve [Memories of Taneev]. M., 2003.

Sabaneev L.L. Vospominanija o Rossii [Memoirs about Russia] / Sost. i predisl. T. Maslovskoj, komment. S. Grohotova. M., 2005. M., 2005.

Sabaneveff L. Modern Russian composers. N.Y., 1927.

Shherbakova A.I. Sabaneev o muzyke i muzykantah: iz istorii russkoj muzykal'noj kritiki [Sabaneev about music and musicians: from the history of Russian musical criticism] // Liki kul'tury, iskusstva i muzyki v informacionnom prostranstve HHI veka. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Faces of culture, art and music in the information space of the 21st century. Sat. mat-in the I International Scientific-Practical Conference] / Pod obshhej red. S.S. Chernova [Ed. by S.S. Chernov]. Novosibirsk, 2015. S. 40–45.

Silbermann A. The Sociology of Music. L., 1963.

А.Н. Ильин, канд. филос. наук, доц. кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия*

ПРИНЦИП ПЕРМАНЕНТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Il'in Alexey Nikolaevich, candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of practical psychology Omsk state pedagogical University, Omsk, Russian Federation, e-mail: ilin1983@yandex.ru

THE PRINCIPLE OF PERMANENCE IN A CONSUMER SOCIETY

В обществе потребления доминирует императив, требующий перманентно обновлять личную систему вещей (принцип перманентности). Производство обслуживает не просто потребности, а рост потребностей. Оно ориентируется на изготовление все большего количества в том числе малополезных вещей, но обладающих престижным статусом и символической полнотой. В статье проводится сравнительный анализ общества производства и общества потребления на предмет господствующего отношения к вещам. Раскрываются две формы старения вещей: физический износ и моральное устаревание. Многие рекламируемые вещи специально создаются низкокачественными для их быстрой смены потребителем. Или же инфраструктура моды и рекламы призывает постоянно покупать новые вещи, чтобы находиться в тренде, быть модным, подчеркивать свой социальный статус. Понятие современности охватывает крайне короткий промежуток времени. Сегодняшняя роскошь завтра становится нормой, а новизна — архаикой. Возникает эффект ускоряющейся истории. Даже если потребности удовлетворены, инфраструктура «обнаруживает» новые потребности. Выстраивается причинно-следственная цепь: растут обороты производства и реклама производства — создаются новые потребности — человек потребляет результаты производства и тем самым способствует его дальнейшему наращиванию. Символизм — не устойчивая характеристика конкретного товара. Символ модной элитарности переходит от одного поколения вещей к другим, ни в одном из них не находя себе постоянного места локализации. Поэтому символический «срок годности» вещей истекает быстрее их физического срока годности. При стремительном развитии технологий и появлении новых поколений товаров подчеркивание статуса возможно посредством перманентного приобретения самых новых гаджетов. Самопрезентация — процесс, основанный на перманентном использовании товарной новизны. В этом заключен эффект вещной геронтофобии. Формируется явление вещной перманентности, которую можно определить как инспирированное культурой потребления стремление обновлять ассортимент имеющихся

* **Ильин Алексей Николаевич**, e-mail: ilin1983@yandex.ru

в распоряжении потребителя вещей в соответствии с требованиями меняющейся моды и постоянно возникающими коммерческими предложениями новых моделей вещей. Фиктивность стремления к потребительскому са-мопозиционированию заключена в том, что: 1) она носит всего лишь вещный (фетишистско-инфантильный) характер, 2) она принципиально неудов-летворима, так как современная экономика создает на каждое удовлетво-ренное желание новое, которое тоже требует удовлетворения. Возникает бессмысленная цепь фиктивности, которая поддерживает разрыв между новой потребностью и ее удовлетворением. Впадая в зависимость от вещной перманентности, потребитель подчеркивает свою независимость, в чем заключается один из парадоксов консюмеризма. В статье также рассматривается вопрос о деструктивном влиянии принципа перманент-ности на экологию.

Ключевые слова: принцип перманентности, культура потребления, общество потребления, экология.

In a consumer society dominated by the imperative that requires permanent update personal system of things (the permanence principle). The production serves not just the needs and growth needs. It focuses on production of a growing number of including the minimum useful things, but having a prestigious status and a symbolic completeness. A comparative analysis of the companies of pro-duction and the consumer society on the basis of the dominant attitude to things. Disclosed two forms of things aging: physical deterioration and moral obsoles-ence. Many things advertised specially created low-quality for quick change by the user. Or the infrastructure of the fashion and advertising calls for to con-stantly buy new things to be always in trend, be fashionable, to emphasize their social status. The concept of modernity encompasses extremely short period of time. Today the luxury of tomorrow is becoming the norm, and novelty — archaic. There is an effect of accelerating history. Even if the needs are met, the infra-structure “discovers” new needs. Builds a causal chain: growing production and advertising production speed — creates new needs — a person consumes produce results and thus contributing to its further increase. Symbolism — not a stable characteristic of a particular product. The symbol of the fashion elite goes from one generation to the other things, none of them, not finding a permanent place of localization. Therefore, the symbolic “shelf life” of things to expire soon their physical expiration date. In terms the rapid development of technology and the emergence of new generations of products emphasizing the status is possible through the permanent acquisition of the newest gadgets. Self-presentation — a process based on the permanent use of marketable novelty. This concluded the effect of corporeal gerontophobia. Formed permanence phenomenon, which can be defined as a culture inspired by the desire to use to update the range of ava-ilable consumer items in accordance with changing fashion and constantly emerging commercial offers new models of things. Fictitious commitment to con-sumer redefining itself lies in the fact that: 1) it is just the thing (fetish-infantile) the nature, 2) it is fundamentally not satisfied because the modern economy creates for each new desire satisfied, which also demands satisfaction. There is a senseless chain of fictitious, which maintains the gap between the new require-ment and satisfaction. Falling into dependence on the proprietary permanence, consumer stresses its independence, what is one of the paradoxes of consumerism.

The article also discusses the destructive influence of the principle of permanence on the environment.

Keywords: *the principle of permanence, consumer culture, consumer society, ecology.*

Общее представление о принципе потребительской перманентности

Культура потребления абсолютизирует в качестве основной ценности социальный статус, а в качестве средства его поддержания — самопозиционирование при помощи модных брендовых вещей. Чувство статуса предписывает осуществление высокочрезвычайных потребительских практик, и потому для получения хорошей репутации и поддержания статуса (профилактики угрозы нисходящей мобильности) необходимо ввергаться в праздность потребления. Но потребительские достижения быстро обесцениваются: некогда считавшееся элитным утрачивает свой престиж, и место элитарности занимает нечто новое, требующее новых расходов.

Советскими социологами было описано, как буржуазная система в целях манипуляции массами ради достижения социальной атомизации и деполитизации, снижения протестности, а также решения кризиса перепроизводства создает экономику ускоренного обращения товаров (в том числе длительного пользования) и форсирует постоянное обновление вещей¹. Однако авторы рассматривали господство такого явления именно в США и Западной Европе. Сегодня назрела необходимость описать принцип перманентного обновления вещей и его социальные, культурные, политические, психологические и экологические последствия в современных российских (и шире — мировых) условиях.

Еще в 1950-е гг. в США, как пишет О.А. Феофанов, автомобильные компании в своей рекламе стали убеждать американцев, что более двух лет ездить на одной машине — позорно. Тогда появилась шутка, что автомобиль следует менять, когда его пепельница наполнилась окурками². Все “рецепты и приспособления для удвоения долговечности” имеют небольшой срок годности, и они теряют привлекательность в условиях постоянного появления новых предложений; рынок предложений широк и конкурентен. В этом заключается геронтофобия консюмеризма. То, что недавно было признаком моды, а значит, социального признания и уважения, очень скоро становится признаком архаичности, антимоды, социального порицания. Не столько сама вещь теряет свою способность

¹ См.: Глазычев В. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М., 1970; Феофанов О.А. США: реклама и общество. М., 1974.

² Феофанов О.А. Указ. соч.

приносить удовольствие, сколько мода, реклама и факт появления новых вещей говорят о том, что она утратила эту способность, что эстафета перешла ее аналогам, спроектированным и получившим место совсем недавно. Реклама дает реципиенту возможность “узнать” свои желания, познакомиться с ними. Человек, который действительно соответствует моде, — это тот, кто вынужден соответствовать ей всегда.

Поддержание статуса становится не одномоментным явлением, а постоянным процессом. Современность быстро обращается в не-современность, ее смещает новая современность, и процесс уходит в бесконечность, увлекая потребителя в погоню за временем, за модой и соответствующими ей трендами, что требует новых финансовых растрат. Сегодняшняя роскошь завтра становится нормой, и состояние удовлетворенности постоянно ускользает от своей поимки. Нет укорененного стандарта соответствия. Стандарт — позитивная погоня за стандартом. Поэтому жизнь консюмера полна потребительских побед, но Победы как таковой нет, поскольку априори не достигается окончательный триумф. Не предполагается финишной черты, символизирующей окончание гонки. Или же, как отмечает З. Бауман, эта черта, это обещание благополучной жизни, всегда удаляется, опережая самых стремительных бегунов, и становится неуловимой; желание покупать — навязчивость, которая превратилась в пристрастие и больше не воспринимается как навязчивость³.

Согласно принципу потребительской перманентности, успешный и уважающий себя человек должен обладать гаджетами самых последних моделей и брендовыми вещами. От него требуется постоянно менять гаджеты, чтобы “идти в ногу со временем”, несмотря на то, что имеющиеся у него их прежние аналоги еще вполне функциональны. Потребителю надлежит находиться в “активном режиме”, в перманентном состоянии поиска и приобретения новых моделей самоидентификации, мониторинга имиджей и брендов, а “помогает” ему в проявлении чувствительности к новинкам реклама. Он обречен на бесконечное скитание по торговым пространствам и местам развлечений. Это скитание лишено смысла и ведет в никуда, но реклама из раза в раз наделяет его смыслом. Потребитель как бы превращается во фланера, гуляку. Рекламные сообщения представляют собой бесконечный, неостановимый и не приносящий удовлетворения поток нарратива, оборотной стороной которого выступает такой же бесконечный, неостановимый и не приносящий удовлетворения циркулятивный поток потребительского поведения.

³ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

Цикл “потребление—выброс—потребление” становится основой жизни, а каждая новая вещь всегда выглядит лучше предыдущей. Главным способом функционирования общества потребления выступает этот цикл, сводящийся к постоянному преждевременному уничтожению вещей. Потребителю трудно представить, что он будет пользоваться пять лет одним и тем же сотовым телефоном. Ему кажется необходимым менять телефон не тогда, когда он пришел в негодность с технической стороны, а когда он вышел из моды — или когда потребителя убедили в том, что его телефон вышел из моды. “Сегодня можно наблюдать рождение, рост и смерть вещей, в отличие от предшествующих обществ, в которых вещи переживали людей и передавались последующему поколению”⁴.

Потребительское внимание к вечно появляющемуся новому — это мутирующее внимание, которое время от времени изменяет самому себе при взгляде на очередную новизну. Так формируется явление вещной перманентности, которую можно определить как *инспирированное культурой потребления стремление обновлять ассортимент имеющихся в распоряжении потребителя вещей в соответствии с требованиями меняющейся моды и постоянно возникающими коммерческими предложениями новых моделей вещей*.

Инфраструктура потребления, успешно воспитывая консюмеризм в многочисленных реципиентах, обеспечивает круговорот благ (и того, что реклама назвала благами), поддерживает нескончаемое переваривание в себе медиа-образов, вещей, природных ресурсов, а также самих пойманных на идеологическую приманку потребителей.

Страстность, соблазнительность, аддиктообразность консюмеризма, его насыщенность знаками престижа — одно из отличий данного типа поведения от экономически функционального поведения. Почти каждая только что появившаяся на рынке модель расценивается как научно-техническое изобретение, которое в обязательном порядке следует приобрести — предмет массового обожания, фетиш, формирующий отношение к себе не как к ценному в быту предмету, а как к гаджету, реализующему рекламные потребительские фантазии. Самовосхваление путем акцентации внимания на новое приобретение стало некоей социальной нормой. Чтобы быть просто одетым, нужен всего лишь один костюм, а чтобы быть просто модным, необходимо практически бесконечное число костюмов, где каждому из них — “свое” время.

Потребление, таким образом, не сводится к простой покупке товаров. Это еще конструирование идентичности, исполнение роли

⁴ Жукова О.И., Жуков В.Д. Антиномичный характер науки в условиях современного социума // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 204.

в театре социальной жизни, соответствие ожиданиям референтной группы. Но так как идентичность формируется перманентно, исходя из непрерывной смены “престижных” гаджетов и информации о них, потребитель не осознает в достаточной степени *свою* идентичность. Вместо ее осознания и целостного проектирования своего Я он скорее плывет по течению, запущенному инфраструктурой консюмеризма.

В США выбрасывается огромное количество различных товаров сегодня, поскольку их место займут более модные заменители завтра. Это указывает на социально-экономическую поляризацию; в одном месте выбрасывают вполне употребимые продукты, а в другом умирают от голода. Наличие в стране “богатых” свалок говорит о специфике культуры и психологии проживающего этноса. Характер выброшенных вещей — критерий для определения характера цивилизации.

Если ранее временной интервал между появлением технических изобретений составлял годы и десятилетия, теперь он составляет месяцы или даже недели. Этот процесс ускоренного обращения гаджетов (равно как и поток информационного перенасыщения) говорит об убыстрении истории.

Сравнительный анализ отношения к вещам в обществе производства и в обществе потребления

В обществе производства (советская социальная система) вещьественная среда подлeжит минимальным изменениям, ей свойственно постоянство, а сами вещи переживают своих владельцев, переходят из поколения в поколение, связывая их друг с другом. При этом они как бы сохраняют дух личности, пропитываются самостью прошлых владельцев. Была распространена практика донашивания, когда вещи передавались от отца к сыну, от матери к дочери, от старшего брата к младшему. Также люди использовали методологию натурального обмена, выстраивая некую социальную сеть на уровне родственных, соседских, дружеских или товарищеских отношений. Наиболее часто менялась и передавалась детская одежда, поскольку дети из нее вырастали значительно раньше, чем она успевала изнашиваться.

Сегодня, в условиях господства принципа “купи и выброси сразу, как вещь выйдет из моды”, самого понятия “прежние владельцы” не существует. Во-первых, владелец один, и множественное число неуместно. Во-вторых, он может быть прежним — и единственным.

В СССР многие предметы быта покупались впрок, “на вырост”, “про запас”. Причинами этому служили в первую очередь

товарный дефицит, отсутствие широкой потребительской инфраструктуры, не-потребительский контент в масс-медиа, непотребительская политика воспитания народа. Выбрасывались вещи только тогда, когда приходили в полную дисфункциональность, утрачивали свои полезные качества, когда из них уже ничего нельзя было выжать, да и то перед выбросом обычно увозились на дачу, где из них еще получалось извлечь какую-то пользу. Дефицит не позволял выбрасывать “раньше времени”. Доступ к эксклюзивным вещам (блат) имелся далеко не у каждого, он требовал личных связей, знакомств, вовлеченности во взаимные услуги с продавцами. Вообще, существовала “экономика продавцов”. Именно у продавцов был доступ к эксклюзиву, и потому они, как сегодняшние их коллеги, не проявляли маркетинговую коленопреклонность перед покупателем, не действовали сообразно принципу “покупатель всегда прав”. Прав был продавец, ибо на каждый произведенный товар покупатель найдется, и ни с чем останется целая очередь желающих приобрести такой же товар. Покупателей было много, а товаров мало. В рекламе и маркетинге не было нужды. Сейчас, напротив, наблюдается профицит товаров, поэтому производители стремятся с помощью рекламы и маркетинга сбыть произведенное, инициировать гиперспрос.

Квартиры (кладовки, антресоли) и дачи заполнялись вещами, которые на первый взгляд полностью утратили свои полезные свойства. На вопрос “Зачем они нужны?” обычно отвечали “Пока не знаю, но думаю, что в хозяйстве пригодятся”. Поэтому вполне подходит для зарисовки облика советского быта известная метафора про чемодан без ручки, который неудобно нести, но жалко выбрасывать. Хотя советский человек стремился к обладанию, это обладание было принципиально иное, чем то, которым проникнут потребитель. Советский человек продлевал вещам жизнь и вместо символической ценности акцент делал на их функциональности. Фигурировал целый дискурс журналов и пособий, которые печатали полезные советы и “маленькие хитрости” по продлению жизни вещам — предметам одежды и обуви, бытовой техники и хозяйственной утвари в самом широком смысле.

Даже когда вещь, на первый взгляд, приходила в негодность, к ней применялась практика пошива. Практиковались штопки на одежду, которая сносилась, но которой можно придать новую жизнь путем починки. Для продления срока носки использовался целый арсенал средств. Это сейчас, в условиях товарного изобилия, навык шитья не настолько актуален, а в советское время каждая женщина должна была уметь шить. Шитье и кройка выступали важнейшими умениями женщины, показателями ее состоятельности. В женских журналах печатались рецепты выкроек, проводи-

лись курсы кройки и шитья, выпускались книги и пособия по швейному делу. Возник целый нарратив, состоящий из слов: подшить, перешить, перекроить, подделать, приспособить, подогнуть, приделывать, привернуть, подогнать к фигуре и т.д. Все это помогало вещам “сопротивляться времени”. Как отмечают О. Бредникова и З. Кутафьева, до конца 1980-х гг. советская промышленность выпускала специальные приспособления для штопки носков вместо того, чтобы производить большой объем самих носков. Если сейчас многократное использование полиэтиленовых пакетов и трехлитровых банок именуется проявлением экологического сознания, то ранее считалось несколько иной формой рациональности⁵.

В СССР не было магазинов second hand, но секондхендность и селфмэйдность выступали характеристиками всего общества, где понятие одноразовости вещи просто отсутствовало, где вещь рассматривалась как бессмертная и вечно подлежащая использованию, где из каждого товара буквально выжимали потребительские свойства. Вещь могла сопровождать человека почти всю его жизнь, становиться частью его биографии, а потом переходить по наследству и интегрироваться в биографию другого человека. Так вещь обретала собственную историю. В наше время не предполагается биографичность вещи, ее вращивание на длительное время в жизнь человека. Именно советский социум был обществом бережливости, “выжимки максимальной полезности из вещей”. В нем износ или поломка не были поводом для выброса вещей, поскольку господствовала идеология “старой вещи”, которая должна служить максимально долго.

Из-за дефицита и недостаточного качества товаров пользовались стратегией “бери, пока дают”, и поэтому приходилось часто ремонтировать вещь, доделывать ее так, чтобы превратить скорее в более функциональный, чем в более символический объект. Обувь и одежда изнашивались, одежда ушивалась, неудобные аксессуары переделывались владельцем, изготавливались украшения, декоративные элементы интерьера и т.д.⁶ Таким способом вещам придавалась индивидуальность, но владелец следовал цели не столько

⁵ Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html>

⁶ См.: Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/ger85.html#_ftn2; Гурова О.Ю. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9.html>; Мищенко Т.А. “Новая советская женщина”: роль потребительницы в условиях дефицита // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36). Ч. 2. С. 126–131; Орлова Г. Апология странной

выделиться с помощью индивидуализированной вещи путем практики доделывания, устранения вещной стандартизованности, до-производства, а сделать вещь более подходящей под его, например, телесные параметры. Поэтому индивидуализм и уникальность вещи выступали скорее побочными явлениями, необходимыми не для символизации, а для функционализации, равно как творческий процесс в отношении предметов обладания являлся вынужденным в условиях дефицита. Впрочем, с помощью того же творчества создавались подделки под фирменные труднодоступные вещи (элемент вещного символизма наблюдается ведь в любом обществе, даже если оно не является потребительским). Мастерству придавалась высокая оценка, в то время как его отсутствие порицалось. Восхвалялась не только экономность, но и деятельная активность, творчество, склонность к новациям.

Культура потребления, напротив, не приемлет бриколажа (*bricoleur*, фр. — “мастер на все руки”, “умелец чинить и создавать вещи из подручных средств”), стратегий “сделай сам” и “продли жизнь вещи” и вместо прямой функциональности вещи и ее индивидуальности акцент ставит на символичности. Вместо ориентации на созидание утверждается ориентация на присвоение.

В обществе производства даже когда вещь полностью утрачивала свою функциональность и приходила в абсолютную негодность, она не умирала, не выходила из поля применения, а меняла свои функции. Сношенную до не-реставрируемости одежду не торопились выбрасывать, а определяли ей новую роль в области быта — например, роль тряпки. Это было особенно актуально, поскольку тряпки нельзя было купить. Тряпки не производились, следовательно, вещь не могла изначально быть тряпкой, она могла только ей *стать* — и стать исключительно после долгой жизни в качестве именно того предмета с его функциями, каким она была изначально произведена. Старые чулки использовали для хранения лука. Из стершейся зубной щетки делали крючок для полотенец. Из металлических деталей конструктора изготавливали крепления для полочек. Так одна вещь трансформировалась в другую, для которой было уготовано совершенно иное предназначение и совсем иные “обязанности”. Создавалась масса “вторичных” вещей, которыми полнился советский быт.

Фундаментом для перевоплощения предметов быта служили знания из серии “сделай сам”. Фундаментом не для перевоплощения вещи, а для удлинения ее срока годности, служили знания из серии “доделай сам”. Конечно, разведение этих видов знаний но-

сит условный характер, хотя существовали две формы работы с физически устаревшими вещами, которые не приветствуются в обществе потребления. Первая называется “сделать”, т.е. придать вещи новые функции или создать на основе нескольких вещей новую — этакий алхимический способ. Вторая называется “доделать”, т.е. вернуть вещи утраченные функции без придачи ей новых. Данные знания, данный “дискурс бытового производства”, публиковались в различных газетах и журналах, переносились из уст в уста. В отличие от рекламы, призывающей купить, выбросить и снова купить, эта информация призывала самостоятельно вовлечься в производство или допроизводство. При реализации этих знаний на практике пользователь становился производителем (или до-производителем, в случае реализации стратегии “доделай сам”). Так различие между этими двумя ролями стиралось. Теперь, в условиях товарного изобилия, многие знания обрели забвение.

Вещи покупаются и выбрасываются для того, чтобы их заменили другие вещи — более усовершенствованные эквиваленты. И это несмотря на то, что подлежащие выбросу вещи не утратили своей полезности. Они просто утратили модность, а значит, статусность, хотя служить могут еще долго. Потребительская идеология противится практике ремонта вещей как набора способов продления жизни вещам. Она старому предпочитает новое. Предлагается вместо ремонта старой вещи (мебели, одежды, обуви, автомобиля, сантехники, электроаппаратуры и других предметов быта) купить новую, последнюю модель. Ремонт представляется нецелесообразным, так как вещь все равно вышла из моды и потому потеряла свой символический статус. Маргинализируются такие практики, как починка, вторичное использование, превращение вещи в материал для создания другой вещи и т.д. С помощью ремонта из сломавшейся вещи нельзя сделать ее более совершенный эквивалент, который уже появился в продаже и фактом своего существования притягивает к себе интерес потребителя и автоматически отталкивает интерес от своего предшественника. К тому же зачастую продукт экономически выгоднее заменить, чем отремонтировать.

Две формы старения вещей в обществе потребления

Внедрение дизайна в производственный процесс, постоянное изменение дизайна, конституирующее желание приобрести товар самой последней марки, создало производство товаров кратковременного потребления, чтобы стимулировать все новые продажи. Не товар приспосабливается к нуждам потребителя, а нужды — к товару: “...сегодня приносит прибыль именно ошеломляющая скорость обращения, рециркуляции, старения, демпинга и замены,

а не прочность и длительная надежность изделия”⁷. Принцип намеренного устаревания вещей проявляет себя в двух формах. К первой относится быстрый физический износ, запрограммированная поломка, целенаправленно “вложенная” в товар производителем. Вторая форма – символический износ, который обеспечивается модным дискурсом.

“Сломаться” вещь способна как физически, так и символически. С одной стороны, законодатели стандартов осуществляют символическое устаревание вещей. С другой, сам технологический процесс выстроен так, чтобы предмет не работал слишком долго. Культурное старение изделий происходит намного раньше их физического износа, хотя зачастую производители специально закладывают срок (*product death-dating*, т.е. “время смерти продукта”) в произведенную вещь, давая ей возможность функционировать ограниченное время, чтобы рынок сильно не насыщался ее аналогами, и происходил оборот вещей. Символическое устаревание происходит как с эстетической стороны, когда появляется обладающий теми же функциями, но обновленным дизайном, продукт нового поколения, так и с технологической стороны, когда новый продукт обновляется дополнительными функциональными особенностями. Это устаревание напоминает денежную инфляцию, только в данном случае приходится говорить о товарной инфляции.

С перманентным искусственно инициируемым устареванием, с внедрением в саму технологическую структуру “программы одноразовости”, которая работает на постоянный производственный процесс, мир также устаревает. Мир стал одноразовым с возведением в культ принципа искусственного устаревания, с внедрением его в саму технологическую структуру. Э. Тоффлер выделяет одноразовость как критерий разделения прошлого общества, базирующегося на постоянстве и неизменности, и нового, базирующегося на недолговечности. Пока общество было устойчивым, каждый предмет имел свое назначение долгое время, и потому производители стремились сделать свой продукт более прочным и долгоживущим. Теперь, помимо предметов, меняются реальные люди (знаменитости), их характеры, имиджи, и отношение к ним у потребителя становится все более переходным и неустойчивым вследствие постоянного усиления скорости, с которой создаются и забываются имиджи реальности⁸.

Качественная продукция, сделанная “на века”, перестает пользоваться спросом, так как в ее отношении потребитель думает “зачем она мне, все равно на следующий год выйдет из моды”. Поэтому

⁷ Бауман З. Указ. соч. С. 20.

⁸ Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997.

приверженность отжившим свой срок вещам рассматривается как признак бедности и невовлеченности в “крутое” сообщество потребления. Из-за включенной “системы быстрого морального устаревания товаров” теряется смысл производить вещи высокого качества и, соответственно, долгосрочной надежности. Императив увеличения прибыли строится не на качестве товаров, а на стимулировании потребителей приобретать постоянно, с оглядкой на быстрый выход из моды уже приобретенного.

Деструктивный потенциал принципа перманентности

С одной стороны, потребитель делает выбор из огромного массива товаров. С другой — он не выбирает навязчивость делать выбор и покупать, ибо это не обсуждается. Зависимость от покупок, не представляясь такой, все равно остается зависимостью и вместе с тем обязательным условием подчеркивания статуса и конструирования идентичности. Консюмеризм предлагает множество трендов, т.е. областей реализации потребительского поведения, и множество продуктов, ждущих своего покупателя. Но он навязывает всего лишь один метатренд — реализацию покупательского поведения, которое должно быть не одномоментным, а постоянно возобновляемым, и которое является не средством удовлетворения нормальных потребностей, а способом, позволяющим человеку осуществлять самосимволизацию (позиционирование “для других”) и самоидентификацию (позиционирование “для себя”). *Внадаля в зависимость от консюмеристского метатренда, человек подчеркивает свою независимость*, что характеризует один из основных парадоксов общества потребления.

Производство постоянно обновленных моделей (далеко не всегда они отличаются принципиальной новизной) есть сомнительный вариант прогресса, так как оно вряд ли стоит тех колоссальных ресурсов, которые на него затрачиваются. Прогресс ради потребления не является подлинным прогрессом, поскольку он, заставляя технику двигаться вперед, этим движением еще больше закабляет потребительскую зависимость человека от новых гаджетов, от целого интертекста цивилизации гаджетов, которые к тому же продаются за цену, неадекватно высокую относительно затраченных на их производство ресурсов.

Безудержное потребление не только ослепляет человека, не давая возможности различать важное и второстепенное. Оно определяет “одномерный” характер человека, массифицирует его, лишает рефлексии и критической способности. Поэтому все для него становится одноразовым. То, что появилось сегодня, — интересно, а то, что было вчера, — устарело. Речь идет о хронологическом или

анти-историческом критерии оценок, поскольку с гегемонией потребительской китч-культуры и принципа перманентности приходит конец истории. Ф. Джеймисон, видимо, подразумевал похожий эффект, когда писал об исчезновении чувства истории, о том, что социальная система лишается способности удерживать свое прошлое, начиная жить в повторяющемся настоящем, в условиях повторяющихся изменений⁹.

Процесс забвения старого и блиц-возникновения нового, которое моментально сменяется другим новым, происходит циклически, как и топовые “горячие десятки” нынешние приходят на смену еще совсем недавним. Он превращается в рециркуляцию (не только гаджетов, но и продуктов искусства), в последовательность маленьких рождений и смертей, как бы отменяющую большую смерть, откладывающую ее на завтра, после чего снова на завтра и так далее. В этом откладывании нет ничего мистического и трансцендентного, оно не имеет ничего общего с направленным на спасение религиозным сознанием, но оно проникнуто некоей бытовой мифологией. Циркуляция вещей помогает отделиться от одиночества. Консьюмер нуждается в постоянной насыщенности жизни событийностью и в оценивающих его потребительский успех других людей. “Вещевая и развлекательная событийность” есть средство достижения чувства собственной полноценности, подчеркивания индивидуальности перед собой и другими, восхищенная оценка которых нужна потребителю.

Смысл тенденций консюмеризма (в первую очередь рекламы) — сделать потребителя недовольным тем, что он уже имеет, чтобы подтолкнуть к большему потребительству, пробудить некое архаическое, регрессивное недовольство, близкое скорее к детскому капризу, чем к логическому зрелому решению. Возбуждается отвращение к себе-настоящему, который пока не имеет необходимого продукта, и симпатия к себе-будущему, который приобрел товарное средство формирования “Я-концепции”. Люди в момент “необладания” товаром ощущают себя ущербными и неполноценными, что указывает на их зависимость от моды, дизайнерских ловушек и вообще культуры потребительства. Неясно, о какой тогда свободе говорят рекламисты и прочие глашатаи потребления.

Хитрость принципа перманентности заключена в том, что всевозможные штуковины создаются постоянно, и этот процесс уходит в бесконечность. А значит, культивация отвращения к себе также, как и прогресс технологий, продолжается. Имеет место следующая взаимосвязь: отвращение—покупка—счастье—отвращение—покуп-

⁹ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4 (25). С. 63—77.

ка—счастье... Капиталистической системе необходимо перманентно обновлять потребности общества, чтобы поддерживать в нем постоянный покупательский гиперспрос. Так она расширяет саму себя, используя механизмы моды и рекламы. Не имеющие достаточной ценности вещи представляются более ценными, чем действительно нужные вещи. Господствует негласный императив “все менять, чтобы сохранять систему”.

Общество потребления — это общество соблазна постоянной нехваткой, стимулирующей бесконечность покупок. Даже если потребности удовлетворены, система масс-медиа “обнаруживает” в их носителе новые, требующие удовлетворения, потребности, чтобы продукция находила сбыт, а потребителю мерещилось вдалеке нечто притягательное и непотребленное. Выстраивается причинно-следственная цепь: наращиваются обороты производства и реклама производства — создаются новые потребности — человек потребляет результаты производства и тем самым способствует его дальнейшему наращиванию. Нет никакого преувеличения в следующей мысли: корпорации заинтересованы, чтобы люди покупали их продукцию, сразу же ее выбрасывали, а потом покупали вновь. Потребитель становится “перерабатывателем” все большего количества товаров. Капитализм основан на экспансии, для реализации которой необходимо непрерывное обновление потребностей как можно большего количества людей.

На первый взгляд все потребности человека должны удовлетворяться. Однако вместе с их удовлетворением неизменно приходит новый голод, так как немедленная реализация вспыхнувшей потребительской одержимости недолговечна; удовольствие призвано в конечном счете приводить к разочарованию, а последнее “лечится” с помощью погружения в еще большее удовольствие. *Бедность заключается не столько в отсутствии финансовой возможности включаться в перманентный процесс покупок, сколько в постоянном чувстве нехватки.*

Для “экономического роста” необходимо, чтобы удовлетворение потребительского желания было быстрым и как можно более краткосрочным (потребил — переключился), и сразу же возникала переакцентация внимания на другое желание, требующее безотлагательного удовлетворения. Передышка тут неуместна. Вместо нее требуются все новые искушения, череда искушений и соблазнов, поддерживающая потребителей в возбужденном состоянии, а их образ жизни — в состоянии *consumer travelling*, т.е. бесконечного потребительского путешествия, процесса ради процесса. Процесс не должен застаиваться, вставать на тормоза, а потребитель призван превращаться в ребенка, которому в силу его возрастных осо-

бенностей хочется всего и сразу, и который рутине и ожиданию предпочитает непоседливость и быструю скорость переключения. Потребкульт насыщает, но не удовлетворяет, не позволяет завершить метатешталт, поскольку предлагает бесконечную цепь гешталтов. Он сулит счастье, солидность, престиж, кайф, блаженство, статус, но не дает покоя, поскольку постоянно меняет объекты, связанные с этими ценностями. Так, если сначала в качестве гарантии статуса он предлагает один объект, то позже статусным представляется другой. Потребкульт обещает, соблазняет, привлекает, но и обманывает.

Каждый новый модный товар (становясь модным, товар становится массовым, охватывающим широкую аудиторию) может представляться как конечная цель потребления, которая удовлетворит актуальную потребность и прекратит дальнейшее потребление и производство. Однако впоследствии чары этого товара рассыпаются, поскольку он станет достоянием многих и производство вскоре предложит еще более новый и усовершенствованный гаджет, требующий индивидуального призвания, которое перейдет в социальное призвание. Оно, в конечном счете, своей массовостью (значит, не-эксклюзивностью) разочарует людей в предмете, и это разочарование подогреется новыми моделями предмета. Соблазн замещается соблазном, фетиш — фетишем. Желание ведет не к удовлетворению, а к производству желания; *консюмеризм — тенденция, конституирующая перманентное желание желать*. Новое на короткое время фетишизируется, затем его постигает дефетишизация, после чего в качестве фетиша выступает нечто иное, ставшее ненадолго новым и модным. Потребитель при этом не чувствует принуждения и давления по отношению к себе; он скорее считает, что все его коммерческие действия — результат собственного выбора и свободного волеизъявления.

Время для общества потребления утрачивает смысл. Культура без идеологии будущего, без идеалов, ориентированных вперед, не предполагает стратегических целей и горизонтов планирования. В ней не находится места ни личным проектам будущего, кроме пресловутого накопления материальных благ, ни каким бы то ни было проектам новых социально-исторических рубежей. Вместо них приходят расточительство, гонка за быстро сменяющейся модой, маниакальное стремление покупать новые модели уже имеющихся товаров и жизнь в кредит. Эти явления в некотором роде компенсируют отсутствие идеалов, отсылающих вперед, ценностное ослабление хронотопа, предполагающего будущее.

Если в традиционной культуре ощущение уюта и комфорта вызвали старые обжитые вещи, то теперь — новые. Привязанность

возникает даже не к ним, а к самому процессу обновления. Посредством перманентного вещного обновления консюмер не дает покинуть себя знакам и символам, которые приходят к нему с новыми гаджетами, затем теряют свою яркость с модным устареванием этих гаджетов, но потом снова зажигаются подобно нимбу при покупке самых новых моделей.

Человек потребляет не столько вещи, сколько знаки, но посредством вещей. Поэтому термин “вещизм” остается актуален, но, наверное, более актуальным выступает термин “знакизм”, раскрывающий абсолютизацию знаков, которые несут в себе вещи. При существовании товарного (вещного) фетишизма имеет место знаковый (символический) фетишизм, восстание взбесившихся знаков. Человек сам создал вещи, сам наделил их знаками, а потом стал им преклоняться. Только преклонение это лишено религиозно-мистического чувства, но ему свойственна все та же сакральность.

Производство “живет именно непрочностью и недолговечностью вещей, на этом основаны его логика и стратегия. Экономика стабильных и качественных вещей немыслима: экономика развивается, только выделяя из себя опасность, загрязнение, износ, неудовлетворенность, Obsессию”¹⁰. Гонка за обновлениями указывает на ротационный характер потребительства. “Культ Нового — главный движитель колесницы прогресса, которую человек вначале толкал, потом погонял, а теперь, привязанный к ней, не поспевает, спотыкается и падает”¹¹. Возникает некий культ изменчивости, скоростности, относительности, амнезии.

Срок службы производимой продукции не превышает тот, который необходим для сохранения цикличного потребления. Чем дольше товар используется, тем это хуже для циклического потребления и рыночной системы экономики, долговечность товаров обратно пропорциональна экономическому росту. Поэтому износ, запланированное устаревание товаров считаются экономически выгодными, но они абсолютно нерациональны с точки зрения природопользования, поскольку имеющаяся модель рынка, основанная на быстрой смене продукции, требует значительных природных ресурсов. Очевидна бессмысленность расточительности, т.е. растущих скоростей и объемов производства-сбыта, и ее разрушительное влияние на общественную психологию, экологию и экономику. Заметим попутно следующий отдающий экологическим

¹⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 312.

¹¹ Кутырёв В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 21.

трагикомизмом факт: упаковка от пищевого продукта, срок годности которого составляет всего несколько дней и который употребляется за десять минут, сохраняется сотни лет. Массивы товаров в экономике запланированного устаревания создаются на непродолжительное время, а массивы мусора — на длительный период. *Общество потребления — общество избыточной нехватки, профицитного дефицита.*

Логика рынка, на которой в том числе зиждется НТП, решает задачи, выгодные определенному субъекту и носящие сиюминутное значение и тем самым создающие огромные проблемы другим субъектам, а возможно и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Частный экономический актор заинтересован в том, чтобы произведенные им товары интегрировались в цикл “покупка—выброс—покупка” (благодаря запланированной недолговечности или выходу из моды), и чтобы временной интервал между покупкой и выбросом был минимальным. Исходя из позиции собственника, подход по минимизации мер и планированию недолговечности товаров является разумным. С точки зрения интересов общества и природы он оказывается неразумным. Тут можно говорить о двух видах разумности: лично-корпоративной и социальной, которые противоречат одна другой. Суть рынка в максимизации материальных потребностей, а значит, вещизма. Рынок приемлет погоню за прибылями невзирая ни на что. При рынке отсутствуют общие социальные цели, их место занимают меркантильные цели экономических акторов, реализуемые путем эскалации гиперспроса на вещи и присущие им знаки престижа, качества их обладателя. Но с точки зрения экологии и этики рынков — не самоцель, не “священная корова”, а скорее антицель и антиценность.

Более экономично и природосообразно было бы построить процесс производства согласно условию “любой производимый продукт должен быть изготовлен так, чтобы время его использования было максимально долгим”. Но это противоречит экономической выгоде отдельных корпораций, которая пока, к сожалению, значительно перевешивает на чаше весов своего экологического оппонента. *Рыночная цивилизация производит не просто массу одно-разовых и недолговечных товаров, а громадный массив мусора.* Иссякают как природные ресурсы, так и места для хранения отходов. *Значим перевод потребления в сознательное русло, придание значения настоящей пользе от приобретаемого продукта.*

Уровень оценки достижений советской и современной цивилизации отличается кардинально: когда-то люди радовались полету человека в космос, а теперь с неуместным вожделением относятся

к появлению новой модели какого-либо гаджета — эти два стимула для вожделения просто несоизмеримы по своим величинам. Складывается впечатление, что на фоне перманентного научно-технического прогресса, постоянного появления все новых гаджетов и новых их моделей, исчезает само явление величия. Для целой армии потребителей разработка и поступление в продажу новой модели сотового телефона или айфона — предел мечтаний сегодняшнего дня (пока его не заменит более обновленный аналог), высшее проявление величия. Однако это — величие в повседневном, охватывающее многочисленные индивидуальные жизни, но не жизнь человечества в целом. Поэтому возникает вопрос: насколько велико величие появления новой модели гаджета?

Продвижение фиктивных товаров все больше и больше внушает потребителю, что у него есть потребность в их приобретении. Технический прогресс дошел до того уровня, что он значительно опередил антропологический прогресс; теперь товар посредством своей метафункциональности стал намного более сложным и совершенным, чем сам человек. Так технический прогресс (дитя цивилизации) наносит удар по культуре.

Наращивание предметности в мире, приращение к уже имеющимся вещам новых ценно не тогда, когда этот процесс всего лишь удовлетворяет интересы коммерции, а тогда, когда он способствует духовному развитию общества. Но потребитель ориентирован в основном на искусственные и на сугубо материальные потребности. Ему неведом “проект трансцендирования”, устремленность к выходу за “потребностный симулякризм”, в сферу нематериального, духовного. И это естественно, учитывая, что знак престижа и статуса охватывает именно материальную сферу, а инфраструктура потребления постоянно предлагает новые рецепты удовлетворения этих потребностей, забывая про духовную сферу личности. Она “растягивает” материальные потребности, создает для их удовлетворения более утонченные способы, формирует новые надстройки над материальной сферой, которые не переходят в духовную. Так, писк вчерашней моды на ту или иную вещь уже представляется неактуальным, а на его место предлагается не духовный продукт (типа купил новый костюм, теперь и книжку умную почитай), а писк сегодняшней моды. Так иницируется процесс бесконечного развития все новых форм удовлетворения материальных (и фиктивных) потребностей. Как справедливо отмечает В.А. Туев, в условиях гиперболизации вещей, которые представляются необходимыми (модность одежды, сногшибательная скорость автомобиля, изысканность обстановки приема пищи, сверхъестественная ком-

фортабельность жилья), резко тормозятся процессы возвышения потребностей и духовного развития как личности, так и общества¹².

Культура потребления растворяет в себе таинство, сакральность и глубину. Ориентация на фиктивные потребности формирует фиктивные ценности. Статус личности в таких социокультурных условиях определяется вовсе не ее способностями, вкладом в общее дело (самого такого понятия в сознании консюмеров нет), социально полезным трудом, высоким уровнем интеллектуального, морального и эстетического развития. *Самый аутентичный человек — тот, у которого минимализированы материальные потребности и максимализированы духовные.* Но его аутентичность не приемлется культурой потребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Мыслить социологически: Уч. пособ. М., 1996.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
- Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
- Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html>
- Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/ger85.html#_ftn2
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.
- Глазычев В. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М., 1970.
- Гурова О.Ю. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9.html>
- Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999.
- Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография / Под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. СПб., 2012.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4 (25).
- Жукова О.И., Жуков В.Д. Антиномичный характер науки в условиях современного социума // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59).
- Ильин А.Н. Культура, стремящаяся в никуда: критический анализ потребительских тенденций: Монография / Науч. ред. Д.М. Федяев. Омск, 2012.
- Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. № 3.

¹² Туев В.А. Потребление и проблема оптимизации потребностей // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 3–4. С. 87–94.

Ильин А.Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление: Монография. Омск, 2014.

Ильин А.Н. Потребительство как фактор нейтрализации социальных связей и политической активности // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12).

Ильин А.Н. Наше потребительское настоящее: Монография. Омск, 2016.

Кутырёв В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7.

Мищенко Т.А. “Новая советская женщина”: роль потребительницы в условиях дефицита // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36). Ч. 2.

Орлова Г. Апология странной вещи: “маленькие хитрости” советского человека // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html>

Романенко В.В. Коммерциализация сексуальности в контексте общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5 (58).

Тoffлер Э. Революционное богатство. М., 2008.

Тoffлер Э. Футурошок. СПб., 1997.

Тувев В.А. Потребление и проблема оптимизации потребностей // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 3—4.

Феофанов О.А. США: реклама и общество. М., 1974.

Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.

REFERENCES

Bauman Z. Mysl'it' sociologicheski: Uch. posob. [Thinking sociologically: Schoolbook]. М., 1996.

Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo [The individualized society]. М., 2005.

Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid modernity]. SPb., 2008.

Bodrijar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. М., 2000.

Brednikova O., Kutaf'eva Z. Staraja veshh' kak personazh bloshinogo rynka [Old thing as a character a flea market] // Neprikosnovennyj zas. 2004. N 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html>

Debord G. Obshhestvo spektaklja [Society of the Spectacle]. М., 1999.

Deviantnost' v obschestve potrebleniya [Deviance in consumer society]: Kollektivnaya monografiya / Pod red. Ya.I. Gilinskogo, T.V. Shipunovoy [Ed. by Ya.I. Gilinskiy, T.V. Shipunova]. SPb., 2012.

Dzhejmison F. Postmodernizm i obshhestvo potrebleniya [Postmodernism and consumer society] // Logos. 2000. N 4 (25).

Feofanov O.A. SSHA: reklama i obshhestvo [The USA: advertising and society]. М., 1974.

Fromm E. Imet' ili byt' [To have or to be]. М., 1990.

Gerasimova E., Chujkina S. Obshhestvo remonta [Society of repair] // Neprikosnovennyj zas. 2004. N 2 (34). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/ger85.html#_ftn2

Giddens E. Transformacija intimnosti [Transformation of intimacy]. SPb., 2004.

Glazychev V. O dizajne. Ocherki po teorii i praktike dizajna na Zapade [On the design. Essays on the theory and practice of design in the West]. M., 1970.

Gurova O.Ju. Prodolzhitel'nost' zhizni veshhej v sovetskom obshhestve: zametki po sociologii nizhnego bel'ja [Life expectancy of things in Soviet society: notes on the sociology of underwear] // *Neprikosnovennyj zapis*. 2004. N 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9.html>

Il'in A.N. Kul'tura, stremjashhajasja v nikuda: kriticheskij analiz potrebitel'skih tendencij [Culture, aspiring to nowhere: a critical analysis of consumer trends]: Monografija / Nauch. red. D.M. Fedjaev [Ed. by D.M. Fedjaev]. Omsk, 2012.

Il'in A.N. Dekonsolidacija i depolitizacija, harakternye dlja obshhestva potreblenija [Deconsolidation and depoliticization characteristic of consumer society] // *Sociologicheskij zhurnal*. 2014. N 3.

Il'in A.N. Kul'tura obshhestva massovogo potreblenija: kriticheskoe osmyslenie [The culture of a society of mass consumption: critical thinking]: Monografija. Omsk, 2014.

Il'in A.N. Potrebitel'stvo kak faktor nejtralizacii social'nyh svjazej i politicheskij aktivnosti [Consumerism as a factor in the neutralization of social ties and political participation] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2015. N 4(12).

Il'in A.N. Nashe potrebitel'skoe nastojashhee [Our consumer now]: Monografija. Omsk, 2016.

Kutyryov V.A. Filosofija inogo, ili Nebytijnyj smysl transmodernizma [Philosophy of other or Non-existence sense of transmodernism] // *Voprosy filosofii*. 2005. N 7.

Mishhenko T.A. "Novaja sovetskaja zhenshhina": rol' potrebitel'nicy v uslovijah deficita ["New Soviet woman": consumer's role under conditions of deficit] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. N 10 (36). Ch. 2.

Orlova G. Apologija strannoj veshhi: "malen'kie hitrosti" sovetskogo cheloveka [Apologia strange things: the "little tricks" of the Soviet man] // *Neprikosnovennyj zapis*. 2004. N 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html>

Romanenko V. Kommerzializacija seksual'nosti v kontekste obshhestva potreblenija [Commercialization of Sexuality in the Context of Consumer Society] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2011. T. XIV. N 5 (58).

Toffler E. Revoljucionnoe bogatstvo [Revolutionary Wealth]. M., 2008.

Toffler E. Futuroshok [Futureshock]. SPb., 1997.

Tuev V.A. Potreblenie i problema optimizacii potrebnostej [Consumption and problem of optimization of needs] // *Izvestija irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii*. 2003. N 3—4.

Zhukova O.I., Zhukov V.D. Antinomichnyj harakter nauki v uslovijah sovremen'nogo sociuma [Antinomic nature of science in present-day society] // *Vestnik KemGU*. 2014. N 3 (59).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

А.Б. Синельников, докт. социол. наук, канд. экон. наук, доц. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВОДА: ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Sinelnikov Alexander Borisovich, doctor of sociology, Ph.D (in Economics), associate professor of Family sociology and demography department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: sinelka@mail.ru

DIVORCE FOR SUBJECTIVE REASONS: THE SURVEY DATA

По данным социологического телефонного опроса, проведенного исследовательским центром “ДИСКУРС” в мае 2016 г., половина молодых женщин, имеющих детей, полагают, что жена имеет моральное право развестись с мужем, которого она не любит, даже если он ни в чем перед ней не виноват и у них есть дети. В такой ситуации даже идеальное поведение одного из супругов не дает никаких гарантий от развода по требованию другого супруга.

По мнению автора, законы о разводе в России слишком либеральны. Супруги, не имеющие детей от данного брака, при взаимном согласии на развод могут разводиться без суда. Если у них есть дети до 18 лет или если один из супругов не согласен на развод, брак расторгается в суде. Но судья не может отказать в разводе даже тогда, когда только один из супругов требует этого, а другой супруг ни в чем не виноват и не желает разводиться. Автор предлагает в такой ситуации считать инициатора развода виновным если он (или она) не докажет, что другой супруг нарушил правила семейной жизни. Невинновный супруг должен иметь преимущество при разделе собственности и установлении опеки над детьми.

Противники введения более строгих законов о разводе утверждают, что это может уменьшить число браков. Многие люди отказываются вступать в брак. Они боятся потерять квартиры после развода. Развод же всегда возможен, даже и без вины с их стороны. Согласно законодательству Российской Федерации, все имущество супругов, совместно приобретенное во время брака, является общим. После развода оно делится поровну, даже если один из супругов все это время не имел никаких личных доходов. Это правило действует, если нет брачного договора

* Синельников Александр Борисович, e-mail: sinelka@mail.ru

о совместной или раздельной собственности. Но если жених предложит невесте подписать договор об отказе от претензий на квартиру в случае развода, она может быть оскорблена таким недоверием и отказаться от брака с ним. Поэтому число брачных договоров в России очень мало по сравнению с числом браков. Однако можно внести поправку в Семейный Кодекс о том, что при регистрации брака обязательно требуется заключение брачного договора. Если люди будут знать, что заключение брачного контракта необходимо, что это защищает их собственность, и они не потеряют ее в случае развода по вине другого супруга, то число браков увеличится, а число сожителей пар уменьшится.

Ключевые слова: семья, муж, жена, дети, брак, развод, отсутствие любви, моральное право на развод, субъективная причина развода, кризис семьи.

According to sociological telephone survey, conducted by the research centre Discourse in may 2016, half of young women with children believe that his wife has the moral right to divorce her husband, whom she doesn't love, even if he is not guilty in front of her and they have children. In this situation, even perfect behavior of one of the spouses makes no warranties from divorce at the demand of the other spouse.

According to the author, the divorce laws in Russia are too liberal. Spouses with no children from this marriage, mutual consent to divorce can get a divorce without a trial. If they have children under 18 years of age or if one of the spouses doesn't agree to divorce, the marriage is dissolved in court. But the judge may not refuse to divorce even when only one spouse demands it, and the other spouse is innocent and doesn't want to divorce. The author suggests in this situation to recognize the initiator of the divorce is guilty if he (or she) doesn't prove that the other spouse has violated the rules of family life. The innocent spouse should have the benefit, in dividing property and establishing child custody.

Opponents of stricter divorce laws claim that it can reduce the number of marriages. Many people refuse to marry. They are afraid of losing the apartment after divorce. Divorce is always possible, even without guilt on their part. According to the legislation of the Russian Federation, all property of the spouses jointly acquired during marriage is shared. After the divorce, it is divided equally, even if one of the spouses had no personal income all the time of marital life. This rule is valid if there is no marriage contract about joint or separate ownership. But if the groom will offer the bride to sign an agreement for waiver of claims to the apartment in case of divorce, she may be offended by such distrust, and to refuse to marry him. The number of marriage contracts in Russia is very small compared to the number of marriages. However, it is possible to amend the Family Code that marriage registration is required marriage contract. If people know that the prenup is necessary, it protects their property, and they will not lose it in case of divorce for fault of the other spouse, the number of marriages will increase, and the number of cohabitating couples will decrease.

Key words: family, husband, wife, children, marriage, divorce, lack of love, a moral right to divorce, the subjective reason for the divorce, the crisis of the family.

Проведение опроса

В мае 2016 г. исследовательский центр “ДИСКУРС” (руководитель центра Р.С. Кузнецов) провел телефонный опрос на тему “Разработка мер по противодействию абортот и повышению рождаемости” среди 600 женщин, имеющих детей. При реализации этого проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Союзом женщин России.

Автор этой статьи принимал участие в составлении анкеты и в обработке полученных данных. В частности, по его предложению, с учетом того, что проблема рождаемости тесно связана с проблемой прочности браков, в анкету были включены также и вопросы относительно мнений женщин об уважительных причинах развода, чтобы можно было анализировать факторы, влияющие на эти мнения.

Для опроса планировалась квотная выборка по количеству детей в семье (200 женщин от 18 до 30 лет с одним ребенком, 200 женщин от 20 до 33 лет с двумя детьми, 200 женщин от 20 до 35 лет с тремя и более детьми). На первом этапе выборки проводился простой случайный отбор телефонных номеров для дозвона, на втором этапе обеспечивалось соответствие квотам по возрасту женщин и числу детей.

Опрос проводился в 25 субъектах РФ: города Москва и Санкт-Петербург, республики Чеченская, Чувашская и Башкортостан, Алтайский, Красноярский, Пермский, Ставропольский и Хабаровский край, Архангельская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Кемеровская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Самарская, Свердловская, Томская и Челябинская области.

При проведении опроса почти во всех этих регионах возникли трудности с заполнением квоты для женщин с тремя и более детьми. По данным переписи 2010 г., в Российской Федерации насчитывалось 54,6 миллионов частных домохозяйств. В их состав входили лишь 308 тысяч семей, состоящих из молодых (до 35 лет) супругов или незамужних матерей того же возраста с детьми до 18 лет¹.

При случайном выборе телефонных номеров вероятность того, что в семье, куда позвонил интервьюер, есть женщина моложе 35 лет, имеющая трех и более детей, составляет лишь 0,6%. Пришлось по-

¹ Рассчитано по: Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. С. 45, 54.

высить верхнюю возрастную границу для женщин с тремя детьми до 37 лет, но и это мало помогло. Квота на 200 семей данного типа была заполнена главным образом за счет Чеченской Республики, где очень много многодетных семей, и где были опрошены 133 женщины с тремя и более детьми. Из-за этого число респондентов из этой республики, на которую приходится 1% населения РФ², составило 31% от всей выборочной совокупности (186 человек из 600).

Такое смещение сильно влияло на результаты опроса по выборке в целом. Чеченская Республика, а также республики Дагестан и Ингушетия отличаются от Российской Федерации в целом высокими коэффициентами рождаемости, большим процентом многодетных семей и низкой частотой разводов. В других республиках Северного Кавказа из-за большого процента русскоязычного населения демографическая ситуация ближе к ситуации в целом по стране.

По данным Росстата за 2015 г. в целом по России на 100 браков приходилось 53 развода, в Чеченской республике — 13, в остальных 24 регионах, где проводился опрос, — от 43 до 73³. Поэтому при обработке данных вся выборочная совокупность была поделена на две части: Чеченская Республика и остальные 24 региона, суммарные данные по которым можно считать относительно репрезентативными для всей территории РФ, кроме Чеченской Республики, Республики Ингушетия и Республики Дагестан. В статье анализируются данные по 24 регионам. Данные по Чеченской Республике следует рассматривать отдельно.

В 24 регионах РФ 49% опрошенных женщин считают, что когда жена не любит мужа, она имеет моральное право на развод с ним, даже если он ни в чем не виноват и у них есть дети. В Чеченской Республике это мнение высказали лишь 17% женщин. Эти показатели близки к реальной пропорции между числом браков и разводов, которая в 2015 г. составляла 53:100 в целом по РФ и 13:100 в Чеченской Республике.

Особенности графического представления данных

Для наглядного представления о статистической значимости различий между группами на всех рисунках (графиках), на которых сравниваются две группы респондентов, в верхней половине графика приводятся в виде черной горизонтальной полосы данные

² Рассчитано по: Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016. С. 42.

³ Рассчитано по: Естественное движение населения Российской Федерации за 2015 год. (Статистический бюллетень). М., 2016. С. 50.

по той группе, в которой показатель больше, чем в другой. Серая полоса над ним обозначает максимум, серая полоса под ним — минимум. Вероятность выхода показателей за эти рамки при максимальном увеличении объема выборки, и, соответственно, уточнении данных, составляет 10% как для верхней, так и для нижней границы. В нижней половине графика приводятся аналогичные три полосы для той группы, в которой показатель меньше. Если максимум для этой группы меньше минимума для другой, то различие между группами, скорее всего, не случайно. Эта визуализация дает наглядное (хотя и несколько упрощенное) представление о статистической значимости различий между группами (рис. 1).

Также используются t-критерий достоверности различий Стьюдента и доверительный уровень P . Хотя в выборочной совокупности оказалось всего 600 респондентов, но с учетом ошибки выборки возможный диапазон колебаний доли сторонниц развода составляют от 46% до 52% в целом по 24 регионам РФ и от 13 до 20% в Чеченской Республике. Эти два диапазона весьма далеко отстоят друг от друга. $t = 8,79$, $P = 1,000$. Все другие графики относятся к 24 регионам РФ без Чеченской Республики.

Результаты опроса

Не подтвердилась гипотеза о том, что чем больше детей, тем негативнее относятся матери к разводу в случаях, когда муж ни в чем не виноват. Среди женщин, имеющих одного ребенка, одобряют разводы с нелюбимыми мужьями 50%, среди имеющих двух детей — 48%, среди имеющих трех и более детей — 49%. Различия в отношении к разводу в зависимости от числа детей очень малы и статистически не значимы. Хотя структура респондентов по числу детей в выборочной совокупности заметно отличается от соответствующей структуры во всем населении, это почти не влияет на репрезентативность данных об отношении к разводу по всей совокупности в целом, так как этот показатель практически не зависит от числа детей⁴. Каждая вторая женщина активных репродуктивных возрастов считает, что если жена не любит мужа (т.е. отца своих детей), она имеет моральное право развестись с ним, даже когда он ни в чем не виноват.

Не подтвердилась и весьма логичная, на первый взгляд, гипотеза о том, что женщины реже признают моральное право на развод за своими мужьями, чем за самими собой. Оказалось, что 50%

⁴ Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2009. 13 нояб. № 1362.

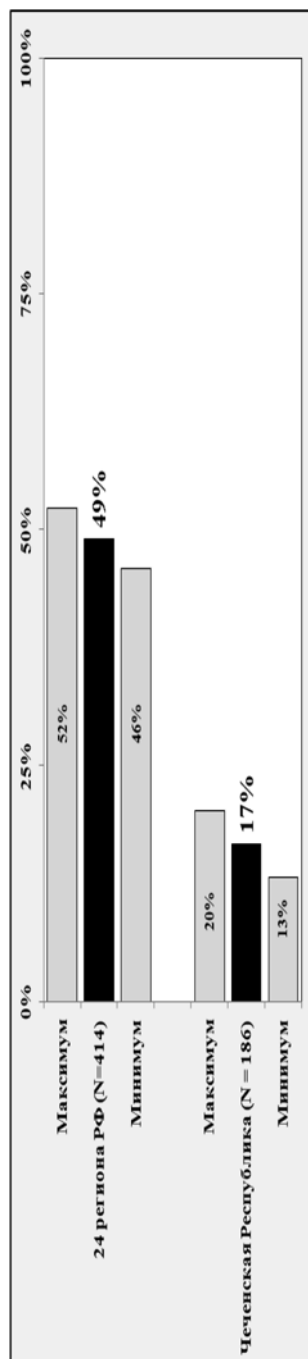

Рис. 1. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, даже если он ни в чем не виноват и у них есть дети (в % к числу респондентов). Чеченская Республика и остальные 24 региона РФ, в которых проводился опрос

Источники информации для построения этого и всех других графиков в статье: данные телефонного опроса, проведенного исследовательским центром «ДИСКУРС».

женщин признают это право и за мужьями, причем в той же самой ситуации, т.е. когда муж разлюбил жену, хотя она ни в чем перед ним не провинилась и у них есть дети. Различие между долями признающих моральное право на развод для мужчин и для женщин (в обоих случаях — по мнению женщин, так как мужчины не опрашивались) очень мало (1%) и статистически не значимо. Из 203 женщин, признающих это право для жены, 197 (97%) признают его и для мужа.

Среди женщин, состоящих в официальном зарегистрированном браке, одобряют развод, вызванный тем, что жена не любит мужа, 47% (диапазон колебаний от 46 до 52%), а среди женщин, которые не состоят ни в зарегистрированном, ни в так называемом “гражданском” браке — 53% (диапазон от 43 до 63%). Эти два диапазона пересекаются, т.е. различие несущественно.

Значительно большим оказалось различие между состоящими в официальном зарегистрированном браке (47%, диапазон от 44 до 51%) и в так называемом “гражданском” браке (сожительстве) (74%, диапазон от 60% до 87%). Минимум для “гражданских” браков (60%) заметно выше максимума для законных браков (51%). Несмотря на небольшое число респондентов, состоящих в гражданском браке, значимость различия между группами несомненна: $t = 2,46$, $P = 0,99$.

Разводы с нелюбимыми мужьями гораздо более приемлемы для женщин, состоящих в “гражданском” браке, чем для тех, у кого есть законные супруги. Вероятно, они потому и не регистрируют брак, что хотят облегчить разрыв отношений, если любовные чувства остынут или если этих чувств никогда не было, а была только надежда полюбить партнера уже в совместной жизни. Родился ребенок, но его мать так и не смогла полюбить его отца — сердцу не прикажешь. Это и привело к разрыву отношений (рис. 2).

Развод, соительство и рождение детей вне брака — массовые и взаимосвязанные явления одного порядка, социально приемлемые в нынешней России⁵. Это симптом кризиса семьи как социального института.

Не подтвердилась и гипотеза о том, что женщины, состоящие в повторном браке, оправдывают развод чаще, чем состоящие в пер-

⁵ Вовк Е. Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 46–60. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-100.pdf> (дата обращения: 06.07.2016); Исупова О.Г. Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. 2013. 02–15.09. № 565–566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php> (дата обращения: 06.07.2016); Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–164

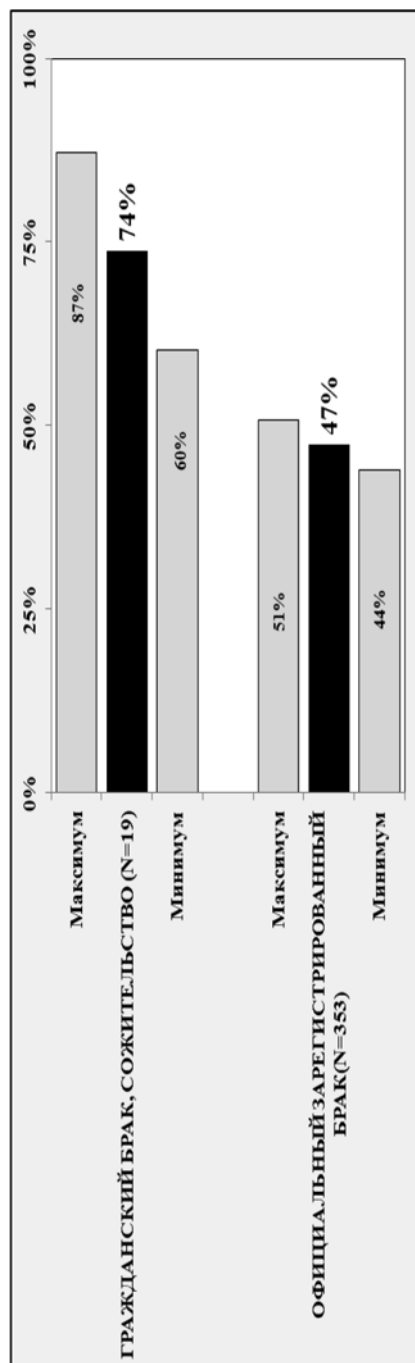

Рис. 2. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, в % к числу женщин, состоящих в официальном браке и в “гражданском” браке (сожительстве)

вом браке. Показатели в этих группах составляют 54% (диапазон от 43% до 65%) и 48% (диапазон от 44 до 51%). Различие между группами мало (6%) и незначимо.

Большинство женщин, состоящих в повторном браке, имеют опыт развода. Вероятность овдовения в этом возрасте во много раз меньше вероятности развода. К тому же у вдов меньше шансов на новое замужество, чем у разведенных, многие из которых просто ушли от одного мужа к другому. Однако далеко не все разведенные вступили в повторный брак и продолжали состоять в нем до момента опроса. Среди 43 респонденток, не состоящих в браке, оказалось 32 разведенных или разошедшихся с мужьями без оформления развода. 16 из них, т.е. 50%, считают, что жена имеет право на развод с нелюбимым мужем. Это лишь на 2% больше, чем среди женщин, состоящих в первом браке. Такое различие статистически не значимо.

Группа женщин, имеющих опыт развода (всего их 72, включая и тех, которые состоят в повторном браке), неоднородна. 52 из них (72%) указали, что сами были основными инициаторами развода. Лишь в 6 случаях из этих 72 (8%) основными инициаторами оказались мужья, а в 14 (20%) случаях инициатива в равной мере исходила от обоих супругов.

Эти данные близки к результатам опроса, проведенного Исследовательским центром портала Superjob.ru 1–3 апреля 2014 г. Было опрошено 1600 респондентов, проживающих во всех федеральных округах РФ и имеющих опыт расторжения брака. 68% среди всех опрошенных женщин и 72% среди женщин от 25 до 34 лет считают, что инициаторами развода были они сами⁶. Такая закономерность характерна даже для разводов в многодетных семьях⁷.

58% женщин, которые сами были основными инициаторами развода, считают, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, даже если он ни в чем не виноват и у них есть дети. Среди женщин, чей брак был расторгнут по инициативе их мужей или по совместной инициативе обоих супругов, это мнение высказали 30%, т.е. вдвое меньше. Диапазон колебаний в первой группе от 49 до 67%, во второй – от 16 до 44%. Эти границы не пересекаются. Несмотря на небольшое число респондентов в обеих группах, двукратное различие между ними значимо ($t = 2,20$, $P = 0,97$) (рис. 3).

⁶ Инициаторами развода чаще становятся женщины // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111521/iniciatorami-razvoda-chasche-stanovyatsya-zhenschiny/> (дата обращения: 06.07.2016).

⁷ Фамилистические исследования. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе: Сб. / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 2009. С. 339–350.

Среди горожанок одобряют разводы с нелюбимыми мужьями 51% (диапазон от 48 до 55%), среди сельских жительниц – только 38% (диапазон от 30 до 45%). Диапазоны не пересекаются, $t = 2,20$, $P = 0,97$. Значимость различий между мнениями городских и сельских женщин неоспорима (рис. 4).

Домохозяйки одобряют разводы реже, чем работающие женщины. 38% из них признают моральное право на развод с нелюбимым мужем (диапазон от 28 до 47%), а среди работающих женщин – 50% (диапазон от 47 до 54%). Эти два диапазона граничат друг с другом, $t = 1,62$, $P = 0,89$. Различие между работающими и домохозяйками – на грани достоверности (рис. 5).

На отношение к разводу влияют не только объективные, но и субъективные факторы, в том числе система ценностей. Вопрос о них был сформулирован в анкете следующим образом:

Что для вас наиболее важно в жизни? Возможно несколько вариантов: 1) финансовое благополучие; 2) досуг, хобби; 3) здоровье; 4) работа; 5) признание; 6) семья и дети; 7) друзья; 8) вера; 9) творчество; 10) свобода; 11) самореализация; 12) благотворительность, общественная деятельность.

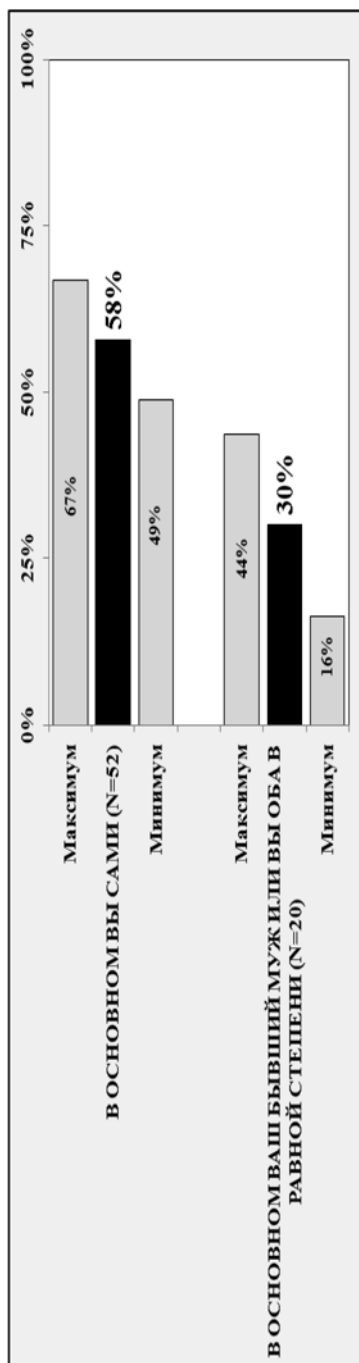

Рис. 3. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, в % к числу женщин с опытом развода, которые были или не были его основными инициаторами

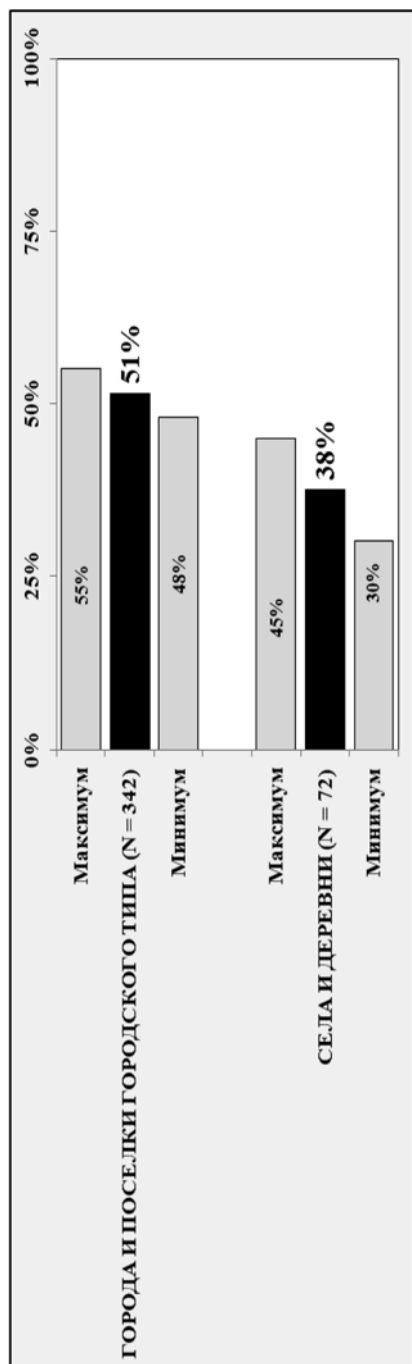

Рис. 4. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, в % к числу городских и сельских женщин

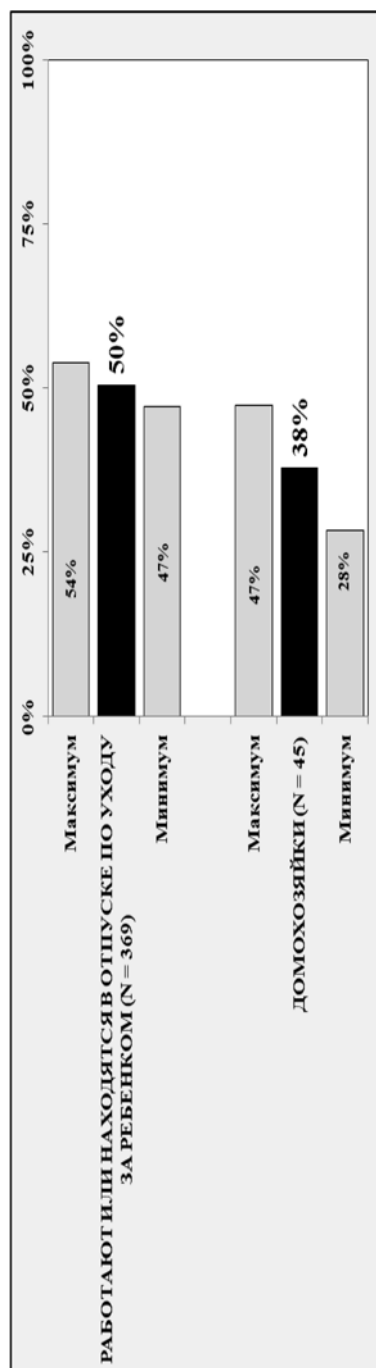

Рис. 5. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, в % к числу работающих и домохозяек

Респонденты могли выбрать из этого списка любое число ценностей, или не выбрать ни одну из них, либо указать какие-то иные ценности.

Религиозная вера может снижать степень морального оправдания развода. Но данные исследования не вполне подтверждают даже и эту давно известную закономерность. Из 414 женщин лишь 22 указали, что для них самое важное в жизни – это вера. Среди них 36% оправдывают развод (диапазон от 23 до 50%), в то время как среди остальных 392 женщин, для которых важнее другие ценности, данный показатель составляет 50% (диапазон от 46 до 53%). Эти диапазоны в значительной степени пересекаются. Значимость различия (14%) не бесспорна: $t = 1,23$, $P = 0,78$.

Но само различие, по-видимому, все же не случайно. При более значительном числе респондентов, в том числе и глубоко верующих, оно могло бы проявиться более четко. Данные исследования “Религия, семья, дети”, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2003–2006 гг. ($N = 1085$), подтверждают ту же закономерность: весьма религиозные люди реже, чем не слишком религиозные и чем вообще неверующие, одобряют разводы, вызванные тем, что один из супругов разлюбил другого и, несмотря на то, что у них есть дети, хочет расторгнуть брак⁸.

Ориентацию на личную свободу, самореализацию и признание принято считать антисемейными ценностями. Однако свободу включают в число наиболее важных для себя ценностей только 25 из 414 женщин-респондентов. 64% из них оправдывают развод, вызванный лишь тем, что жена не любит мужа (диапазон колебаний – от 51 до 77%). Среди остальных 389 женщин данное мнение разделяют 48% (диапазон – от 45 до 51%). Эти диапазоны граничат друг с другом. Судя по показателям $t = 1,57$ и $P = 0,88$ различие между группами – на грани достоверности.

Ценность “Самореализация” включили в число наиболее важных для себя 96 опрошенных женщин. 59% из них признают за женой, имеющей детей, моральное право на развод с нелюбимым мужем, даже если он ни в чем не виноват (диапазон от 53 до 66%). Среди остальных 318 женщин данное мнение разделяют лишь 46% (диапазон от 42 до 50%). Эти диапазоны не пересекаются, а достоверность различия между группами (13%) не вызывает сомнений: $t = 2,34$, $P = 0,98$ (рис. 6).

⁸ Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009. С. 95.

“Антисемейной” оказалась и такая ценность, как “Признание”. Правда, лишь 23 женщины (6% от общего числа опрошенных) считают эту ценность одной из самых важных для себя. 70% из них (диапазон от 57 до 82%) полагают, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем (и отцом своих детей) даже если он ни в чем не виноват.

Среди остальных женщин, для которых признание не является приоритетной ценностью, данное мнение разделяют 48% (диапазон от 45 до 51%). Поскольку диапазоны не пересекаются, $t = 2,15$, $P = 0,97$, значимость различия между группами не вызывает сомнений (рис. 7).

Ориентация женщины на свободу, и особенно на самореализацию и признание, часто вступает в противоречие как с ее семейными обязанностями, так и с интересами мужа. Ради любимого супруга жена может пожертвовать своей свободой, поступиться своими личными интересами, не стремиться к признанию в обществе, и полностью или частично отказаться от самореализации. Если же она не любит мужа, то скорее пожертвует своим браком с ним и таким образом вернет себе личную свободу, возможность для самореализации и общественного признания.

Женщины, для которых важнее всего — семья и дети, чаще признают основанием для развода отсутствие любви к мужу (50%), чем женщины, ориентированные на не столь “семейные”, ценности (41%), хотя различие между группами статистически не значимо. Данный парадокс можно объяснить тем, что некоторые женщины могли понимать под выражением “семья и дети” также и неполную “материнскую” семью⁹, в которой есть мать и ребенок (дети), но нет мужа и отца.

Для кого-то из них это предпочтительней полной семьи, в которой у детей есть хороший отец, а у их матери — верный, добрый и заботливый, но нелюбимый муж. Одни из этих женщин разводятся с мужьями, надеясь со временем встретить любимого человека и создать с ним счастливую семью. У большинства из них эти надежды не сбываются¹⁰. В жизни других женщин такой человек появляется еще до развода, что и разрушает их семью. Далеко не всегда он оказывается столь же добрым, верным и заботливым, как бывший муж. Отчим может успешно заменить детям родного

⁹ Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–108.

¹⁰ Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 142–143. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068 (дата обращения: 06.07.2016).

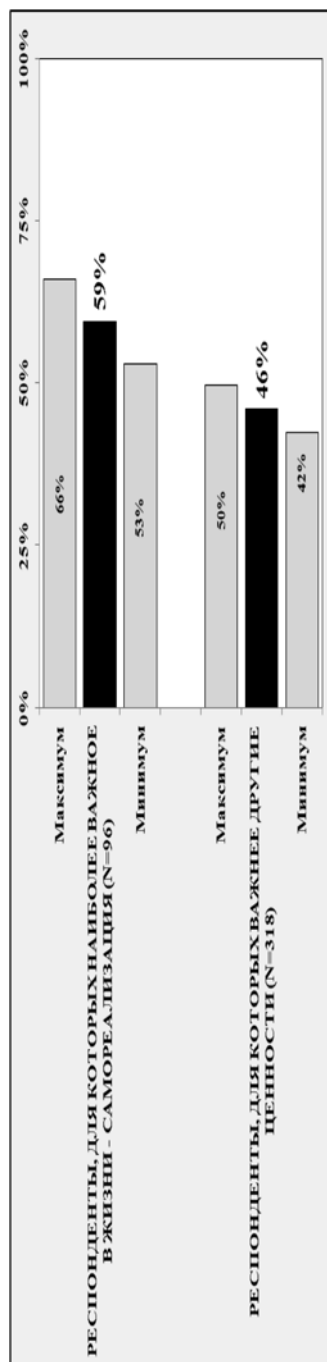

Рис. 6. Доля женщин, считающих, что жена имеет моральное право на развод с нелюбимым мужем, в % к числу женщин, для которых наиболее важное в жизни — САМОРЕАЛИЗАЦИЯ, и к числу тех, для кого важнее другие ценности

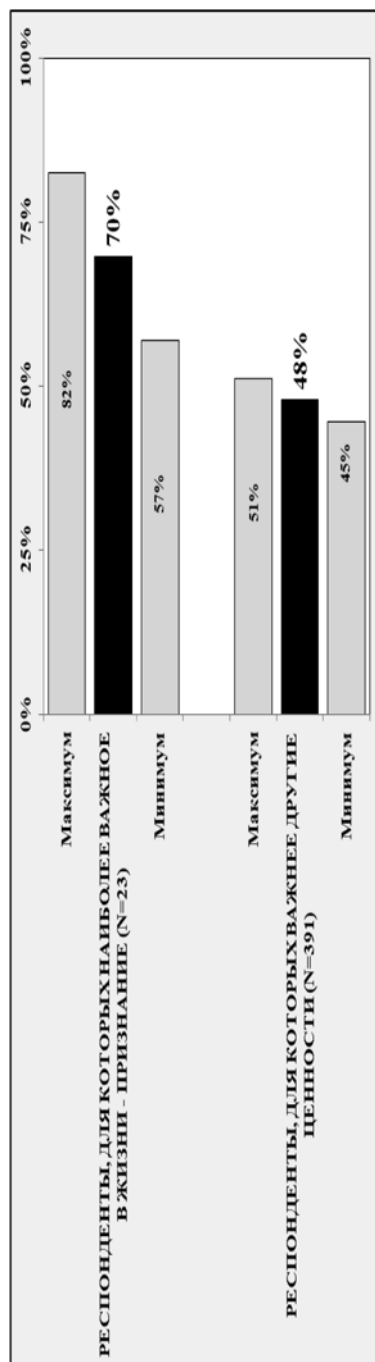

Рис. 7. Доля женщин, считающих, что когда жена не любит мужа, это дает ей моральное право на развод (в % к числу женщин, для которых наиболее важное в жизни — ПРИЗНАНИЕ, и в % к числу тех, для кого важнее другие ценности)

отца, если тот пьянствовал, избивал их и (или) не заботился о них, но не тогда, когда вся “вина” отца — лишь в том, что жена его разлюбила или никогда не любила.

Ориентация на другие ценности (финансовое благополучие, досуг, хобби, здоровье, работа, друзья, благотворительность, общественная деятельность) практически не влияет на мнения о разводе.

Если причиной развода является реакция одного из супругов на неадекватное поведение другого (измена, пьянство, побои, необоснованная ревность, отсутствие заботы о семье, постоянные попреки по любому поводу и вовсе без повода и прочие нарушения правил семейной жизни), то в такой ситуации имеет место *кризис данной конкретной семьи*.

Подобные обстоятельства нередко признавались уважительными причинами для развода даже в консервативных обществах. Виновники развода пользовались дурной репутацией. Им надолго запрещали вступать в новый брак. Детей передавали на воспитание тому из родителей, кто не был виновен в этих нарушениях. Имущество также делилось в его пользу. Только “добросовестный” супруг мог подавать иск о расторжении брака¹¹.

Это стимулировало большинство людей соблюдать правила семейной жизни. Но данный стимул теряет значение, когда уважительной причиной для развода признается то, что один из супругов разлюбил или никогда не любил другого. Он требует и получает развод без вины и согласия другой стороны, не подвергаясь за это ни юридическим, ни моральным санкциям. Мнение об уважительности этой субъективной причины для развода даже в семье с детьми широко распространено в современном обществе, что подтверждается и результатами данного опроса. Это одно из главных проявлений *кризиса семьи как социального института*.

В таких условиях соблюдение правил семейной жизни не гарантирует сохранения семьи и поэтому теряет смысл. Семья, основанная на столь непрочном браке, который может быть расторгнут по капризу одного супруга без вины и согласия другого, никогда не обеспечит ни воспроизводства населения, ни правильного воспитания новых поколений. Люди, которые думают лишь о себе, не только разрушают свои семьи, но зачастую вообще не желают создавать их, чтобы не заботиться о супругах и детях. Из-за этого их

¹¹ Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Указ. соч. С. 81–94; Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–37.

ждет одинокая старость¹². Эта проблема существует и в России¹³, однако даже среди российских демографов и социологов есть люди, которые не видят ничего негативного ни в разводах, ни в отказе от регистрации брака, ни в добровольной бездетности¹⁴.

Из-за невозможности застраховаться от развода и связанной с ним потери собственности многие люди не только в России, но и почти во всех других развитых странах предпочитают браку сожительство. Это приобрело столь массовый и социально одобряемый характер, что во многих государствах парам, не желающим вступать в брак, разрешается заключить договор о “гражданском союзе” (*civil union*). Этот союз дает им права законных супругов на совместное владение собственностью, на ее наследование, на получение пенсии по потере кормильца, и на многое другое¹⁵. Расторгнуть же гражданский союз намного легче, чем развестись.

Для развода в большинстве стран необходима судебная процедура. Нередко она бывает длительной, дорогостоящей, а то и скандальной, особенно тогда, когда один из супругов не согласен на развод и (или) требуется доказать его вину (неверность, пьянство, жестокое обращение с членами семьи и т.п.). Так обстоит дело в государствах, где для развода требуются соответствующие основания. Но “гражданский союз” расторгается без суда, по немотивированному заявлению одной из сторон.

Наши законы о разводе — одни из самых либеральных в мире. Можно развестись без суда, прямо в ЗАГСе, если оба супруга согласны на развод и не имеют общих несовершеннолетних детей. Супруги, имеющие общих детей, разводятся в суде, но даже если муж или жена возражает против расторжения брака, суд может только отложить развод на три месяца¹⁶.

¹² *Klinenberg E.* Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone. N.Y., 2012. P. 85–99.

¹³ *Новосёлова Е.Н.* Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.

¹⁴ *Вишневский А.* Семья эволюирует... // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 256–264; *Исупова О.Г.* “Чайлдфри”, или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427–428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 11.04.2016).

¹⁵ В 2014 г. такие договоры (под разными названиями) можно было заключать в Австралии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Испании, Канаде, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии, Словении, Франции, Чехии, Швеции и 11 штатах США (*Захаров С.В., Исупова О.Г.* Брачность и брачное состояние. Глава 2 // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2014. С. 83–98).

¹⁶ Семейный кодекс Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2016 г. М., 2016.

В таких условиях заключать договоры о “гражданском союзе” нецелесообразно. Расторгнуть такой договор будет не намного труднее, чем развестись. Договоры о гражданском союзе заключаются для разрешения имущественных вопросов. Если у партнеров было какое-то общее ценное имущество, его все равно придется делить — так же, как и после развода.

Другое дело, если законы о разводе станут более строгими. В 2013 г. в Совете Федерации рассматривалось предложение увеличить пошлину за развод с каждого из супругов с 400 до 30 000 рублей. Как сообщило информационное агентство РИА-НОВОСТИ, премьер-министр РФ Дмитрий Медведев заявил: “Идея резкого значительного увеличения госпошлины за расторжение брака должна быть вынесена на общественное обсуждение, в частности, в формате открытого правительства”¹⁷. По этому вопросу было высказано немало аргументов “за” и “против”. В 2015 г. пошлину за развод увеличили до 650 рублей. Но 30 000 рублей — это уже не пошлина, а штраф.

Можно ли вместе с виновником развода штрафовать и другого супруга, который не согласен на расторжение брака и своим поведением не давал для этого никаких поводов? Для применения санкций к одному из супругов необходимо, чтобы суд признал его (или ее) виновником развода. Это потребует внесения изменений в Семейный Кодекс, поскольку он не предусматривает ни выявления виновной стороны, ни санкций против нее.

Если один из супругов категорически отказывается жить с другим, то независимо от причин отказа сохранить семью невозможно¹⁸. Она уже распалась. Поэтому законодательство перешло от принципа *справедливости*, на котором основана любая правовая система, к принципу *целесообразности*. Но представляется целесообразным и то, что инициатор развода должен нести ответственность за разрушение семьи, если не докажет, что этот его шаг спровоцирован неадекватным поведением другого супруга.

Если бывшие супруги обратятся в суд по поводу раздела жилья и другого имущества, то такие вопросы не следует решать в пользу того из них, кто выступал инициатором расторжения брака без вины и согласия другой стороны. Тот же принцип можно будет применять и при разрешении споров между ними о том, с кем оста-

¹⁷ Медведев: идею о повышении госпошлины за развод нужно еще обсудить // РИА Новости. 2013.23 сент. URL: <http://ria.ru/economy/20130923/965241452.html> (дата обращения: 06.07.2016).

¹⁸ Аронс К. Развод: крах или новая жизнь? М., 1995. С. 448; Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2004.

нуты дети. Не каждая женщина решится на развод с мужем, который ни в чем не виноват, если будет знать, что по решению суда он может забрать себе детей.

Вопрос об этом должен стать предметом широкой общественной дискуссии, а соответствующие изменения могут быть внесены в Семейный кодекс лишь тогда, когда данные репрезентативных социологических исследований покажут, что большинство населения поддерживает предлагаемые реформы. Для этого необходимо воздействие на общественное мнение с помощью учебных заведений и средств массовой информации. Отчасти это уже и происходит. В последнее время по российскому телевидению можно видеть немало “просемейных” передач и фильмов. Православная церковь, как и другие традиционные религиозные конфессии, поддерживает семейные ценности, и осуждает как разводы, так и сожительства. Это тоже позитивно влияет на общественное мнение.

Семейный Кодекс РФ (статья 17) запрещает мужу расторгать брак без согласия жены, если она беременна или их ребенку меньше года. В 2015 г. депутаты из законодательного собрания Республики Татарстан предложили внести изменения в кодекс: увеличить с 3 до 6 месяцев срок на примирение супругов, имеющих детей, и продлить действие статьи 17 до достижения ребенком возраста трех лет. В этом есть рациональное зерно, но само предложение основано на “презумпции виновности мужчин”.

Конечно, есть отцы-эгоисты, которые не хотят, чтобы детский плач будил их по ночам. Из-за этого они могут уйти из дома, оставляя своих неработающих жен и детей почти без средств к существованию¹⁹, но не имеют права на развод без согласия жены. Но почему женщин не лишают этого же права? Они тоже не всегда ведают, что творят. Из-за усталости, вызванной бессонными ночами и уходом за младенцем, жена может решить, что от мужа, даже если он и помогает, слишком мало толку, и подать на развод. Но с каждым годом ребенку все больше необходим отец. Не каждая мать найдет для ребенка отчима, который станет лучше не столь уж плохого родного отца²⁰. Она потом сама может пожалеть о своем решении.

Если жена беременна или в семье есть общие дети в возрасте до трех лет, то надо разрешать развод лишь по взаимному согласию супругов, либо в случае доказанной в суде вины одного из них — измена, пьянство, грубое и жестокое обращение с членами семьи,

¹⁹ Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.

²⁰ Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192.

побой, постоянные скандалы и прочие виды поведения, несовместимого с нормальной семейной жизнью.

Дискуссии на эту тему часто сводятся к спору о том, кто больше виноват в разводе — мужа или жены. Но виновных надо искать не только внутри семьи. Можно часто ссориться, но жить вместе, пока не появится кто-то третий. Мужчины чаще разрушают свои семьи, женщины чаще разбивают чужие, но результат один и тот же. Если ограничивать право на развод, то это должно в равной мере касаться как мужчин, так и женщин.

По данным исследования “Религия, семья, дети”, проведенного кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ в 2003–2006 гг., у 93% из 1085 респондентов семейный образ жизни в большой или в очень большой степени ассоциируется с наличием законного супруга²¹. Несмотря на массовость и социальную приемлемость “гражданских браков” почти все респонденты (как верующие, так и неверующие) считают основой семьи законный брак. Большинство детей рождается в браке, и их доля увеличилась с 70% в 2005 г. до 78% в 2015 г.²²

Основной аргумент противников ужесточения бракоразводного законодательства состоит в том, что это увеличит число сожительства. Может встать вопрос об их легитимации путем заключения договоров о “гражданском союзе”, что не предусмотрено Семейным Кодексом.

Согласно законодательству РФ, все имущество супругов, совместно нажитое во время брака, является общим и после развода подлежит разделу пополам, даже если один из них все это время вообще не работал. Это правило действует, если нет брачного договора, определяющего режим совместной или раздельной собственности на все имущество или его отдельные части. Но если жених предложит невесте подписать договор об отказе от претензий на квартиру в случае развода, это будет воспринято как обидное недоверие и может привести к разрыву отношений. Из-за этого число брачных договоров в России составляет лишь 4% от числа браков²³.

Решением проблемы могло бы стать внесение поправки в Семейный Кодекс о том, что при регистрации брака необходимо за-

²¹ Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Указ. соч. С. 58–59.

²² Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. М., 2015. С. 68; Естественное движение населения Российской Федерации за 2015 год. (Статистический бюллетень). М., 2016. С. 12.

²³ Малышева Е. Брачный контракт для среднего класса // Газета. Ру. 2016. 31 марта. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/03/31/8152409.shtml> (дата обращения: 17.11.2016).

ключить брачный договор. Что обязательно, то не обидно. Брак с обязательным заключением договора лучше сожительства без обязательств. Брачный договор, в отличие от договора о сожительстве, не противоречит самой идее брака. Вступление в брак всегда создавало взаимные права и обязанности супругов. Договор же позволяет уточнить и то, и другое с учетом обстоятельств жизни данной семьи (например, бизнеса одного из супругов, на который другой не должен претендовать, в том числе и после развода).

Если заключение брачных договоров станет обязательным, то люди, которым есть что терять, перестанут бояться регистрации в ЗАГСе, законных браков станет больше, а сожителей — меньше. Это будет способствовать укреплению семьи, как основы общества, и может защитить нашу страну от убыли населения в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 год. (Опубликовано 24.01.2013). URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (дата обращения: 06.07.2016).

Аронс К. Развод: крах или новая жизнь? М., 1995.

Вишневский А. Семья эволюирует... // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 256—264.

Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 46—60.

Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99—108.

Демографический ежегодник России. 2015: Ст. сб. М., 2015.

Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2009. 13 нояб. № 1362.

Естественное движение населения Российской Федерации за 2015 год (Статистический бюллетень). М., 2016.

Захаров С.В., Исупова О.Г. Брачность и брачное состояние. Гл. 2 // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2014. С. 83—98.

Инициаторами развода чаще становятся женщины // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111521/iniatori-razvoda-chashe-stanovyatsya-zhenschiny/> (дата обращения: 06.07.2016).

Исупова О.Г. “Чайлдфри”, или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427—428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 11.04.2016).

Исупова О.Г. Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. 2013. 02—15 нояб. № 565—566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php> (дата обращения: 06.07.2016).

Исупова О.Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–164.

Мальшева Е. Брачный контракт для среднего класса // Газета.Ру. 2016. 31 марта. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/03/31/8152409.shtml> (дата обращения 17.11.2016).

Медведев: идею о повышении госпошлины за развод нужно еще обсудить // РИА Новости. 2013. 23 нояб. URL: <http://ria.ru/economy/20130923/965241452.html> (дата обращения: 06.07.2016).

Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2004 (впервые опубликовано: *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: В 2-х т. СПб., 1903).

Новосёлова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.

Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016.

Семейный кодекс Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2016 г. М., 2016.

Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–37.

Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068 (дата обращения: 06.07.2016).

Синельников А.Б. Социально-психологические и демографические последствия замены законного брака сожительством // Социология. 2016. № 1. С. 53–65.

Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009.

Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012.

Фамилистические исследования. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе: Сб. / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 2009.

Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.

Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192.

REFERENCES

Analiticheskij otchet po itogam vyborochnogo nabljudenija reproductivnyh planov naselenija za 2012 god. (Opublikovano 24.01.2013) [Analytical report on the results of selective observation of population reproductive plans for 2012. (Posted on 1/24/2013).]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (accessed: 06.07.2016).

Arons K. Razvod: krah ili novaja zhizn'? [Divorce: A Collapse or a New Life?]. М., 1995.

Churilova E.V. Sostav i blagosostojanie nepolnyh semej v Rossii [Composition and well-being of incomplete families in Russia] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 2015. N 3. S. 78–81.

Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: Stat. sb. [Demographic Yearbook of Russia. 2015: Art. Sat.]. M., 2015.

Deti, chuvstva ili kvartira: radi chego stoit sohranit' neudachnyj brak? [Children, feelings or an apartment: what is it worth to save an unsuccessful marriage?] // Press-vypusk Vserossijskogo centra izuchenija obshhestvennogo mnenija (VCIOM) [Press Release of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VCIOM)]. 2009. 13 noyab. N 1362.

Estestvennoe dvizhenie naselenija Rossijskoj Federacii za 2015 god. (Statisticheskij bjulleten') [Natural movement of the population of the Russian Federation for 2015. (Statistical Bulletin)]. M., 2016.

Familisticheskie issledovanija. T. 2. Million mnenij o sem'e i o sebe: sb. [Family research. T. 2. Million views on the family and about yourself: Sat.]. / Otv. red. A.I. Antonov [Ed. by A.I. Antonov]. M., 2009.

Gurko T.A., Orlova N.A. Razvitie lichnosti podrostkov v razlichnyh tipah semej [Development of the personality of adolescents in various types of families] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 2011. N 10. S. 99–108.

Iniciatorami razvoda chashhe stanovjatsja zhenshhiny [The initiators of divorce are women more often] // Issledovatel'skij centr portala Superjob.ru [Research Center of the portal Superjob.ru]. URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/111521/iniciatorami-razvoda-chashe-standovyatsya-zhenschiny/> (accessed: 06.07.2016).

Isupova O.G. "Chajldfri", ili dobrovol'naja bezdetnost' ["Childfri", or voluntary childlessness] // Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 2010. № 427–428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (accessed: 11.04.2016).

Isupova O.G. My prosto zhivem vmeste [We just live together] // Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 2013. 02–15 sent. N 565–566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php> (accessed: 06.07.2016).

Isupova O. Rossijskie konsensual'nye sojuzy nachala XXI veka (po dannym mezhdunarodnogo sravnitel'nogo issledovanija) [Russian consensual unions of the beginning of the XXI century (according to the international comparative study)] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2015. N 2 (126). S. 153–164.

Klinenberg E. Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone. N.Y., 2012.

Malysheva E. Brachnyj kontrakt dlja srednego klassa [A marriage contract for the middle class] // Gazeta.Ru [Gazeta.Ru]. 2016. 31 marta. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/03/31/8152409.shtml> (accessed: 17.11.2016).

Medvedev: ideju o povyshenii gosposhliny za razvod nuzhno eshhe obsudit' [Medvedev: the idea of raising the state fee for a divorce still needs to be discussed] // RIA Novosti [RIA Novosti]. 2013. 23 sent. URL: <http://ria.ru/economy/20130923/965241452.html> (accessed: 06.07.2016).

Novoselova E.N. Dobrovol'naja bezdetnost' kak ugroza demograficheskoj bezopasnosti Rossii [Voluntary childlessness as a threat to Russia's demographic security] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2012. N 1. S. 99–110.

Rossija v cifrah. 2016. Kratkij statisticheskij sbornik [Russia in figures. 2016. A brief statistical collection]. M., 2016.

Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. Semejnyj vopros v Rossii [Collected works. Family question in Russia] / Pod obshh. red. A.N. Nikoljukina [Ed. by A.N. Nikoljukina]. M., 2004. (vpervye opublikovano: Rozanov V.V. Semejnyj vopros v Rossii: V 2-h t. SPb., 1903).

Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii po sostojaniju na 1 nojabrja 2016 g. [The Family Code of the Russian Federation as of November]. M., 2016.

Shevchenko I.O. Otchim v strukture sovremennoj rossijskoj sem'i [Stepfather in the structure of the modern Russian family] // Sociologija [Sociology]. 2011. N 2. S. 186–192.

Sinel'nikov A.B. Social'no odobnjaemye prichiny razvoda v proshlom i nastojashhem [Socially approved causes of divorce in the past and present] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. 1992. N 2. S. 27–37.

Sinel'nikov A.B. Supruzhestvo, otcovstvo i materinstvo v rossijskom obshchestve [Marriage, paternity and motherhood in Russian society] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2015. N 4. S. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068 (accessed: 06.07.2016).

Sinel'nikov A.B. Social'no-psihologicheskie i demograficheskie posledstviya zameny zakonnoogo braka sozhitel'stvom [Socio-psychological and demographic consequences of replacing legal marriage with cohabitation] // Sociologija [Sociology]. 2016. N 1. S. 53–65.

Sinel'nikov A.B., Medkov V.M., Antonov A.I. Sem'ja i vera v sociologicheskom izmerenii (rezul'taty mezhregional'nogo i mezhhkonnfessional'nogo issledovanija) [Family and faith in the sociological dimension (the results of interregional and inter-confessional research)]. M., 2009.

Social'no-demograficheskij portret Rossii: po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Socio-demographic portrait of Russia: based on the results of the 2010 All-Russian Population Census]. M., 2012.

Vishnevskij A. Sem'ja jevoljuiuet... [The family evolves...] // Inostrannaja literatura [Foreign literature]. 2011. N 5. S. 256–264.

Vovk E. Praktika sozhitel'stv v Rossii: rasprostranennost', smysly, interpretacii [Practice of cohabitation in Russia: prevalence, meanings, interpretations] // Social'naja real'nost' [Social reality]. 2006. N 4. S. 46–60.

Zaharov S.V., Isupova O.G. Glava 2. Brachnost' i brachnoe sostojanie [Marriage and marital status. Ch. 2] // Naselenie Rossii 2012: dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad [Population of Russia 2012: Twentieth Annual Demographic Report] / Otv. red. A.G. Vishnevskij [Ed. by A.G. Vishnevsky]. M., 2014. S. 83–98.

О.В. Кабайкина, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

О.А. Сущенко, асп. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия**

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: В СЕМЬЕ И НА РАБОТЕ

Kabaikina Olga Vladimirovna, post-graduate student of Contemporary sociology department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: kabaykinaov@mail.ru

Sushchenko Olga Alexandrovna, post-graduate student of Family sociology and demography department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: suschenkoolga@ya.ru

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF WOMEN IN A MODERN SOCIETY: AT FAMILY AND AT WORKPLACE

Согласно отчету ООН, вопрос о положении и роли женщины в обществе по важности занимает второе место после глобальных эколого-экономических проблем современности. Мы наблюдаем, как процесс развития гражданского общества влечет за собой неизбежное изменение ролей мужчин и женщин в современном мире, женщины все больше участвуют в принятии решений, разворачивается всесторонняя защита гендерного равенства, учитываются его этнические и социокультурные аспекты. Прежде незыблемая форма семьи, в которой мужчина был кормильцем, меняет свои очертания. Женщина стремится к равноправию в семье, гармоничному распределению обязанностей между супругами. Она стала более независимой, у нее появилось стремление реализовывать себя не только в семье, но и вне ее пределов, на профессиональном поприще. Теперь женщина занимает позиции, на которых раньше можно было видеть только мужчин. И даже при сохранении “стеклянного потолка” женщина все больше упрочивает свои позиции на топ-должностях. Она прокладывает свой путь вверх благодаря своим коммуникативным навыкам. Мужчины отличаются от женщин агрессивным, ориентированным на задание типом поведения, который не подходит новой модели управления, которая становится более востребованной в наше время. Однако при этом женщины, владеющие более подходящими навыками коммуни-

* Кабайкина Ольга Владимировна, e-mail: kabaykinaov@mail.ru

** Сущенко Ольга Александровна, e-mail: suschenkoolga@ya.ru

кации, не могут внедриться в управленческую среду, так как сталкиваются с предписаниями, установленными мужчинами, и необходимостью непосредственно общаться с сильным полом, налаживать экономические партнерские отношения, а для этого перенимать их модели общения. И попадая в мужскую среду, женщины включаются в соревнование за статус и власть, вследствие чего теряют присущий только им способ коммуникации, который даже предписан им гендерными стереотипами. Такое смешение ролей получило название “двойное послание”, когда ты не можешь соответствовать одному типу поведения в связи с окружающими социальными условиями и вынужден лавировать между различными моделями поведения. Не только на трудовом поприще женщина стремится сравняться с мужчинами, но и в семье мы также наблюдаем этот процесс. Для современного общества более привлекательной и соответствующей современным реалиям выглядит модель семьи с двумя работающими родителями. На смену традиционной модели семьи, в которой отец — кормилец, а мать — домохозяйка, приходит иная модель семьи, в которой царят партнерство и равноправие. Женщина XXI в. осознает, что для ее счастья необходимо совмещать главные сферы своей жизни, а именно семью и работу. При этом совмещать гармонично, чтобы разные роли не пересекались друг с другом, и женщина могла себя реализовать в полной мере во всех сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: трансформация социальных институтов, семья, карьера, ролевой конфликт, гендерное неравенство, сфера трудовых отношений, гендерная дискриминация, брачно-семейные отношения, распределение обязанностей в семье, деловая активность, профессиональная социализация, предпринимательство.

According to the UN report, the question of the position and role of women in society is second the most important after the ecological and economic global problems. We observe that the process of development of civil society entails the inevitable changing roles of men and women in today's world, women are increasingly involved in decision-making, there is full protection of gender equality, it includes the ethnic and socio-cultural aspects. Now the unshakable form of the family in which the man was the breadwinner, changes its shape. Woman seeks to equality in the family, to harmonious distribution of responsibilities between the spouses. She has become more independent, she has a desire to realize herself not only in the home but also outside it, in the professional field. Now the woman occupies the positions, which previously only men could have. And even there is the “glass ceiling” women are increasingly consolidates its positions on the top posts. She is making her way to the top because of her communication skills. Men are different from women's by aggressive, task-oriented type of behavior that does not fit the new management model, which is becoming more and more popular nowadays. However, women owning more appropriate communication skills, can't take root in the management environment, because they encounter with the requirements established by the men and the need of directly communicate with the opposite sex, to establish economic partnerships, and to

adopt this model of communication. And getting into the man's environment, the women are included into the competition for status and power, thus losing their unique way of communication, which is even prescribed them by gender stereotypes. This confusion of roles has been called "double bind", when you can't match to the same type of conduct in connection with the surrounding social conditions, and forced to maneuver between different models of behavior. Woman seeks to catch up with men not only in the field of employment, but also in the family, we also observe this process. Model family with two working parents looks more attractive and appropriate to modern realities for modern society. The traditional model of the family, where the father — breadwinner and the mother — a housewife, changes by another model of the family, where there is partnership and equality. Woman of the XXI century knows that for her happiness, it is necessary to combine the main areas of her life, namely, family and work. At the same time she have to combine them harmoniously because different roles must not overlap with each other, and the woman could realize herself fully in all spheres of life.

Keywords: *transformation of social institutions, family, career, role conflict, gender inequality, sphere of work relations, gender discrimination, marriage and family relations, family responsibilities, business activity, professional socialization, entrepreneurship.*

Современное российское общество характеризуется глубокими структурными изменениями. Происходит процесс перестройки социальных институтов, смены общественных ценностей и уклада жизни.

До последнего столетия институт семьи сохранял свою незыблемость как на фоне других социальных образований, так и внутри самого себя. Сегодня мы являемся свидетелями того, как веками выработавшаяся модель брачно-семейных отношений претерпевает коренные изменения, идущие бок о бок с трансформацией социальной системы в целом.

Несмотря на многообразие традиций, особенностей мировосприятия и религиозных предпочтений в разных странах мира, привычные ранее представления о роли женщины в семье претерпели значительную корректировку в сознании представителей большинства культур и наций.

Каково же положение женщины в сегодняшнем мире? Какие роли она играет в семье и на работе? Какие позиции занимает в обществе?

Женщина XXI в. становится независимой во всех отношениях: она единолично планирует свою жизнь, обучается в высших учебных заведениях и занимается трудовой деятельностью, активно ищет себе мужчину, делает выбор, выходить ли ей замуж, жить в гражданском браке или быть одной, получила право на сексуаль-

ную свободу и может контролировать процесс деторождения¹. Женщина как личность все чаще стремится состояться вне дома и семьи, реализовать свои способности и возможности, открыть путь к образованию и саморазвитию, достижению высокого статуса в обществе.

Последствия этих изменений находят свое отражение во взаимоотношении полов и брачно-семейной сфере. Новые представления о сексуальной и супружеской жизни, в частности возросшая нравственная свобода и толерантность к незарегистрированным союзам со стороны общества, привели к тому, что брак перестал рассматриваться в качестве единственной одобряемой формы отношений между мужчиной и женщиной, рождению ребенка не обязательно предшествует заключение брака, увеличилось число сожительства и внебрачных детей. Такая плюрализация типов семьи и родительства меняет нормативность жизненной стратегии российских женщин.

Анализ современных тенденций в развитии института семьи указывает на процессы деинституционализации семейных отношений в мире. Преобразования семьи как социального института сопровождаются растущей популярностью альтернативных форм отношений между полами, таких как материнские семьи, гостевой брак, сожительства, бигамные и полигамные семьи. Подобные явления ведут к росту числа разводов, снижению рождаемости, увеличению числа людей, сознательно выбирающих бездетность или безбрачие².

Анализируя роль женщины в современном обществе, пристальное внимание необходимо обратить на то, что исконные хранительницы очага сегодня стремятся к финансовой независимости. На данный момент наиболее распространенной становится определенная модель семьи, при которой оба супруга ставят на первое место карьеру и лишь потом семью (“двухкарьерный” брак)³. Материальное благосостояние семьи превращается в главную ценность, а дети отходят на второй план. Многие женщины добровольно примеряют на себя новую роль, этому способствуют изменения в сфере наемного труда и бизнеса. Исторически так сложилось, что

¹ Лысенко Л.М., Крякина Е. О роли женщины в современном обществе // The theory and practice of gender studies in world science: materials of the VI international scientific conference on May 5–6, 2015. Prague, P. 84. URL: http://sociosphera.com/files/conference/2015/k-05_05_15.pdf

² Синельников А.Б. Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Демографические исследования. 2006. № 5. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683

³ Тащева А.И. Своеобразие супружеских отношений в “двухкарьерных” и “не карьерных” браках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Педагогика и психология. 2012. Вып. 4. С. 149–155.

руководящие посты занимали преимущественно мужчины, однако, в последнее время, можно наблюдать противоположную тенденцию.

Стремление занять ниши, которые ранее занимали мужчины, упирается в нежелание последних их освобождать, тем самым провоцируя женщин на борьбу с ними за равные права. При этом до сих пор привилегии остаются у мужчин, которые давно освоили эти сферы. Практика, при которой отдается предпочтение одному полу, получила название гендерной дискриминации⁴.

В научной литературе, посвященной теме гендерной дискриминации, уделяется особое внимание именно дискриминации женщин как при устройстве на работу, так и в уровне оплаты их труда в сравнении с мужчинами. Как правило, дискриминация возникает в результате: а) предрассудков в отношении женщин (они не способны работать наравне с мужчинами) и б) стремления избежать дополнительных издержек⁵.

В советское время получило распространение такое явление как “сексуальная типология” (“sex typing”) – неравное распределение женщин по отраслям экономики. Женщины преобладали в образовании (особенно в школах) или медицине, которые финансировались на более низком уровне, чем наиболее продвинутые отрасли производства и науки.

Женщины по-прежнему составляют большинство в отраслях с низкой оплатой труда — в школьном образовании и медицине⁶. На данный момент наблюдается следующий гендерный состав учителей: 88% представителей этой профессии составляют женщины, т.е. у российского образования “женское лицо”⁷. Такая половая диспропорция среди школьных педагогов, по утверждению детских психологов, может деформировать правильное восприятие детьми гендерной модели общества.

В России эта проблема усугубляется в связи с наличием в структуре населения крайне высокой численности неполных семей, особенно материнского формата (мать + дети), в которых нарушена традиционная конструкция семейных отношений и наблюдается выраженный дефицит мужского участия в воспитании детей. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в струк-

⁴ “Модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин” (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-11 на 26-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

⁵ Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015. С. 94.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Труд и занятость в России. М., 2013. С. 292.

туре российских семей неполные семьи составляют 33%, в том числе 30% — материнские семьи⁸.

В таких условиях школа могла бы компенсировать гендерный дисбаланс в семье наличием учителей-мужчин. Однако и в школе дети из неполных семей не получают практики взаимодействия с мужской частью общества⁹.

Одной из попыток ограничить масштабы гендерной дискриминации стал ФЗ № 284965-3 “О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации” от 2003 г. Его проект был внесен в парламент Е. Лаховой, депутатом от партии “Единая Россия”, и предусматривал впервые в новейшей российской истории активные действия государства по обеспечению прав женщин. Во-первых, закон предполагал введение в законодательный оборот понятия “дискриминация”, которое понималось как действие или позиция, ведущие к “ослаблению или сведению на нет признания, использования или осуществления лицами обоего пола прав и свобод человека и гражданина”¹⁰. Во-вторых, в законе предлагалось интерпретировать Конституцию РФ как документ, утверждающий “равенство возможностей”. В-третьих, закон специально оговаривал необходимость обеспечения равного доступа к вакантным местам, а также равную заработную плату. Но еще более важной новацией была закрепленная в законе гарантия “принципа оказания предпочтения лицу того пола, в отношении которого в данной организации существует гендерный дисбаланс”. Иными словами, если оказывалось, что в организации преобладают мужчины, то при приеме на работу руководителя предприятия должны были предпочесть женщину, даже если мужчина имел некоторые преимущества по сравнению с ней в области квалификации и опыта¹¹. Однако по факту закон не реализовался и не решил проблему гендерной дискриминации.

Неравенство на рынке труда между представителями двух полов объясняет многие трудности, с которыми сталкивается женщина в построении своей карьеры. Разница в оплате труда, возникшая из разделения профессий на мужские и женские, влечет за собой совершенно непропорциональное гендерное разделение труда на оплачиваемый наемный труд и неоплачиваемую работу по поддер-

⁸ Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010. М., 2012. С. 54.

⁹ Наемный работник в современной России. С. 200.

¹⁰ Ст. 19 конституции РФ ФЗ № 284965-3 “О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации” (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003).

¹¹ Наемный работник в современной России. С. 96.

жанию семьи и близких. Это закрепляет за женщиной имидж второстепенного работника. Тем не менее, в обществе становится заметной постепенная диверсификация в профессиональной принадлежности женщин и некоторое приближение к равной оплате за равноценный труд¹².

Сегодня проблема занятости является одним из фундаментальных вызовов современности. В период, когда мировое сообщество прикладывает не дюжие усилия, чтобы выйти из глобального кризиса, около 200 млн человек, 75 млн из которых моложе 25 лет, остаются без работы¹³. Еще большему числу людей — в большей степени женщинам — в принципе закрыт доступ на рынок труда.

Одновременно процесс развития гражданского общества влечет за собой неизбежное изменение ролей мужчин и женщин в современном мире, расширение участия женщин в принятии решений, всестороннюю защиту гендерного равенства, учет его этно-социокультурных аспектов и т.д.

Сдвиги в распределении гендерных ролей предполагают активизацию участия мужчин в жизни семьи. В обществе необходимо осознание того, что функция мужчины в семье не должна сводиться только лишь к зарабатыванию денег. Мужчина достоин обрести новую роль, найти или увидеть образец того стиля жизни, при котором он в состоянии нести ответственность за своих домочадцев, не отказываясь от своей самости. Эти изменения должны коснуться и положения женщин, перераспределения их обязанностей. Освобождаясь от традиционной роли, женщина тем самым освобождает и мужчин.

Однако до сих пор сохраняется “стеклянный потолок”, мешающий продвижению женщин по карьерной лестнице. Большинство руководителей кадровых служб, а также женщины — менеджеры банков подтверждают наличие препятствий к продвижению, основной причиной этому называют доминирование патриархальных/мужских ценностей в корпоративной культуре¹⁴.

Характер препятствий зависит также от уровня карьерных притязаний. С.Г. Айвазова отмечает, что, например, в органах судебной власти занято 72% женщин из общего числа работников, но только 14% из них работают на различных руководящих должностях¹⁵.

¹² Наемный работник в современной России. С. 269.

¹³ Blossfeld H.-P., Drobnic S. Careers of couples in contemporary society: from male breadwinner to dual-earner families. Oxford, 2001.

¹⁴ Наемный работник в современной России. С. 270–276.

¹⁵ Айвазова С.Г. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 18.

В России женщинам порой приходится скрывать свои устремления и способности, чтобы соответствовать патриархальным требованиям, доминирующим в обществе. Не теряет прочных позиций стереотип о том, что профессиональная карьера несовместима с женской природой. Стремление представительниц слабого пола иметь престижную высокооплачиваемую работу в общественном мнении воспринимается как желание вытеснить мужчин с рынка труда¹⁶.

Однако мы замечаем, что в литературе, посвященной менеджменту, возникает новый стиль управления (*New Model of communication* или *New leadership style*, подробнее об этом чуть ниже). В рамках этого направления, именно качества, присущие от природы женщинам, помогают успешно развивать бизнес и эффективно контролировать работу подчиненных, в то время как мужчины проходят различные тренинги для овладения этими навыками. Самое важное умение, которое отмечается, — это коммуникабельность. Лидер должен уметь выстраивать коммуникацию с подчиненными, слушать их и направлять в нужное русло.

Д. Тэннен (1990) утверждает, что женщинам проще дается стиль коммуникации, построенный на социальной аффилиации и эмоциональной связи (*rapport — talk*), в то время как мужчины применяют стиль, который опирается на обмен информацией и минимальную эмоциональную вовлеченность (*report — talk*), что является для них способом выживания¹⁷.

Однако стремление женщины внедриться в управленческую среду наталкивается на предписания, которые установлены мужчинами, и необходимость непосредственно общаться с сильным полом, налаживать экономические партнерские отношения. И попадая в мужскую среду, женщины стремятся включиться в соревнование за статус и власть, вследствие этого теряют присущий им способ коммуникации, который также предписан им гендерными стереотипами. Тем самым мы получаем так называемое “двойное послание”, которое в зарубежной литературе обозначено как “*The double bind*”¹⁸.

С одной стороны, женщина должна показать более высокий уровень знаний, эрудиции, компетентности, чтобы быть по достоинству оцененной в мире мужчин. Однако ей не предписано быть такой, тем самым она меньше способна оказать влияния. По сути, она должна соответствовать тому поведению, которое от нее ожи-

¹⁶ Наемный работник в современной России. С. 278–279.

¹⁷ Barret M., Davidson M.J. *Gender and communication at work*. Aldershot, 2006. P. 130.

¹⁸ Ibid. P. 6.

дается. При этом когда женщина включается в гонку, ее поведение становится похожим на мужскую модель, т.е. агрессивным, соревновательным, что также не добавляет ей плюсов. Поэтому она должна лавировать между предписываемым ей поведением и своими амбициями.

У мужчин также наблюдаются затруднения с их моделью коммуникации, их агрессивный, ориентированный на задание тип поведения не уместен в рамках новой модели. Для улучшения своих коммуникативных навыков мужчины вынуждены посещать тренинги и семинары. Лидер должен слушать и говорить, тем самым мужчины должны перенимать у женщин их модель общения — “Новая модель коммуникации” (“New Model of communication”) или “Новый стиль управления” (“New leadership style”)¹⁹.

Яркие примеры, иллюстрирующие это, мы можем наблюдать и в политике²⁰. Рассудительность, дипломатичность, находчивость и острый ум делают женщину конкурентоспособным лидером и успешным руководителем крупных фирм и предприятий.

Согласно исследованию Грант Торнтон (Grant Thornton International)²¹, которое было проведено на базе 6600 частных компаний из 45 стран, в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР) доля женщин, занимающих руководящие посты, составляет 30%. Если сравнить с аналогичным показателем в странах Большой семерки (G7), то он равняется 20%, а всего по миру — 24%²².

Что касается непосредственно нашей страны, то в рамках уже ставшего традиционным исследования “Женщина в бизнесе 2016” (“Women in business 2016”) Россия второй год (к 2016 г.) подряд занимала лидирующие позиции на мировой арене по доли женщин-управленцев. Так утверждают исследователи Грант Торнтон, которые опросили свыше 5,5 тыс. топ-менеджеров в 36 странах мира. Согласно данным опроса, российские женщины занимают 45% высших руководящих постов, и это на 5% больше, нежели годом ранее²³.

Одной из причин таких высоких показателей является растущая доля женщин, получающих высшее образование. В некоторых странах он превышает показатель грамотности и образованности среди мужского населения.

¹⁹ Barret M., Davidson M.J. Op. cit. P. 61.

²⁰ Гимранова Л.А. Женщина как руководитель: некоторые аспекты гендерной статистики // Казанская наука. 2012. № 11. С. 61.

²¹ Grant Thornton: Россия — мировой лидер по доли женщин-менеджеров. URL: <http://www.granthornton.global/en/insights/articles/women-in-business-2016/>

²² Роль женщин в экономике развивающихся стран недооценена, говорят аналитики. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/1150335>

²³ Grant Thornton: Россия — мировой лидер по доли женщин-менеджеров.

Где-то женщины вовлечены в сферу труда в большей степени, где-то в меньшей, но сейчас мы можем с уверенностью говорить о том, что предмет нашего исследования занимает особое место в списке самых актуальных и обсуждаемых тем глобального масштаба. Согласно отчету ООН²⁴, вопрос о положении и роли женщины в обществе занимает очень важную позицию по отношению к другим проблемам современности. Попытаемся рассмотреть ее на материале нашей страны.

В царской России материальное обеспечение и управление жизнью семьи было преимущественно обязанностью мужа, за исключением непредвиденных обстоятельств. Женщина в семье занималась домом и детьми. Существовало довольно логичное и однозначное распределение ролей: мужчина на позициях главы семьи отвечал за функцию власти над женой и детьми, а женщина выполняла всю домашнюю работу.

Сейчас традиционный уклад, при котором кормильцем семьи всегда является мужчина, часто не находит своего подтверждения в реальности, так как у женщины появилась возможность, а и иногда и потребность, самостоятельного заработка.

Согласно данным опросов, 83% опрошенных матерей работают на позициях с полной занятостью. Неполный рабочий день или частичная занятость актуальна лишь для некоторых категорий социально незащищенных семей. В основном это относится к многодетным матерям и матерям с ребенком-инвалидом. Неполную занятость в многодетных семьях имеют около 26% работающих матерей, в семьях с ребенком-инвалидом — 30%²⁵. Эти цифры наглядно показывают, что женщина в семье выполняет не только воспитательную и репродуктивную функции, но и экономическую функцию. И уже на основании этого вполне обоснованно вести речь о росте значимости женщины в каждой семье.

За последние годы в России на данную тему было проведено множество научных исследований в рамках социологии семьи, демографии, экономической социологии, психологии и других смежных научных дисциплин. Если попытаться вкратце резюмировать результаты некоторых из них, то можно получить довольно противоречивые данные по проблеме “семья и работа в жизни женщины”. Вопрос о том, как дилемму преобразовать в гармоничное совмещение обеих сторон жизни, встает перед большинством представительниц прекрасного пола. Для России эта проблема имеет

²⁴ Глобальные вопросы повестки дня ООН. URL: <http://www.un.org/ru/globalissues/women/>

²⁵ Аксёнова А.С. Выбор женщины: карьера или семья? // Культура и образование. 2015. Февр. № 2. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3253> (дата обращения: 24.07.2016).

несколько иное, по сравнению со странами Запада, значение. Несмотря на внешне схожий образ жизнедеятельности, в нашей стране исторически сложившиеся нормы и представления о семейно-бытовом укладе имеют большую силу.

Массовое вовлечение женщин в сферу общественного труда в России началось в 1930-е гг. прошлого столетия в связи с индустриализацией и потребностью государства в рабочей силе, пусть и неквалифицированной. Тогда же объявляется война неграмотности и делается ставка на полную эмансипацию женщин в рамках культурной революции. Таким образом, принцип “кто не работает, тот не ест” получает свое правовое закрепление в Конституции нового государства. В результате у нас есть все основания сделать вывод о том, что наряду с “всеобщим воодушевлением масс” зарождению этой социальной практики сопутствовало еще и состояние аномии в виду ломки привычных традиций ушедшего монархического строя и традиционного для России патриархального уклада. Становление женщины как активного участника построения новой социальной системы носило исключительно резкий и принудительный характер. Спустя десятилетия ситуация выглядит совсем иначе: возможность прямого принуждения полностью исключена. Да и необходимость в нем со временем отпала. Первоначально втягиваемая государством в активную общественную жизнь женщина со временем “втянулась” в нее и стала считать профессиональную деятельность неотъемлемой частью своей жизни. Теперь мы имеем полную свободу действий и выбора, но означает ли это, что исчезло принуждение косвенное? Женщина из среднестатистической семьи сегодня не может не работать, так как ее семья нуждается в любом дополнительном доходе. В условиях нарастающего кризиса резко обостряется ролевой конфликт работника, жены и мамы. В случае безработицы или отказа женщины от работы в пользу семьи общий семейный доход существенно снижается. В то же время ее плотная занятость в общественном производстве превращается в один из основных факторов снижения удовлетворенности супружескими отношениями, падения рождаемости и повышения риска развода.

Данные исследования подтверждают выводы на уровне здравого смысла о том, что “в шкале представлений о счастье женщины на первом месте стоят дети, семья, на втором — устроенный быт, любовь, муж, на третьем — любимая работа и ее сочетание с семейными интересами, на четвертом — уверенность в себе и необходимость быть полезной людям, и лишь на пятом месте — карьера”²⁶.

²⁶ Дадаева Т.М. Кто выносит мусор, или Парадоксы гендерного разделения труда // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 37–48.

При этом анализ ролевых иерархий (эмоциональной, когнитивной и поведенческой) выявил общую тенденцию для всех трудящихся женщин: существует расхождение между ценностным ролевым предпочтением, с одной стороны, и реализацией ролей в поведении — с другой. Предпочитая одни и те же роли, женщины вынуждены выполнять их, практически, в последнюю очередь. От этого и возникает ощущение “ролевого раздваивания”, так как женщине не хватает физических и моральных ресурсов на реализацию наиболее значимых для нее ролей. Одной из основных причин ощущения работающими женщинами ролевого конфликта является невозможность реализации в поведении роли матери в той степени, которая соответствует месту этой роли в когнитивной и эмоциональной ролевой иерархии женщины.

Работающие женщины благодаря развитию индустрии электроники и бытовой техники уделяют домашнему хозяйству меньше времени, хотя доля работы, проделываемой ими по дому, осталась примерно такой же. Согласно статистике женщины посвящают домашним делам в среднем 16,5 часа в неделю, тогда как мужчины — 9,2 часа²⁷.

В 2007 г. Межрегиональной общественной организацией “Федерация женщин с университетским образованием”²⁸ была начата работа по мониторингу образа жизни женщин с детьми. В 2008 г. вопрос о предпочтительной жизненной стратегии женщин с детьми предполагал три варианта ответа: деловая женщина с детьми, работающая мама, домохозяйка. 81,6% опрошенных женщин — подавляющее большинство — выбрали жизненную стратегию “работающая мама”, которая предполагает совмещение семейных обязанностей и работы. 10% респонденток отдали предпочтение домашнему хозяйству и лишь 6,5% остановились на стратегии “деловой женщины”.

Для женщин с детьми преобладающим мотивом занятости, бесспорно, является “экономическая независимость”. Данный вариант ответа поддержала половина опрошенных. Вторым по значимости мотивом занятости оказался психологический. 27,1% опрошенных согласились с тем, что работа дает им “личностный комфорт”. На третьем месте — “социальный” мотив. 20,6% считают, что работа улучшает их “социальный статус или общественное положение”, способствует “уважению со стороны членов семьи, близких и друзей”. Данное исследование показало, что большинство россий-

²⁷ Малкова М.А. Типологический анализ домашнего труда // Мир России. 2011. № 1. С. 147–166.

²⁸ Межрегиональная общественная организация “Федерация женщин с университетским образованием”. URL: <http://fuwr.ru/>

ских женщин выбирают жизненную стратегию совмещения двух равнозначных сторон своей жизни — работы и материнства.

В 2008–2009 гг. этой же общественной организацией было проведено репрезентативное социологическое исследование актуальных ценностей и практик материнства, роли материнства в семейных ценностях, возможностей и путей сочетания материнской и профессиональной ролей московскими женщинами с детьми дошкольного и школьного возраста. Выборка была сформирована из 1677 женщин с детьми, которые посещают детские сады и школы Департамента образования Москвы. Результаты исследования показали: подавляющее большинство женщин стремится к равноправию в семье, гармоничному распределению обязанностей между супругами. Все более привлекательной и соответствующей современным реалиям выглядит модель семьи с двумя работающими родителями. Старая, патриархальная, семья еще бытует где-то в стереотипах, а на деле — уже утратила прочные позиции в обществе. На смену традиционной модели семьи, где отец — добытчик, а мать — домохозяйка, приходит иная модель семьи, в которой царят партнерство и равноправие.

Женщина XXI в. прекрасно осознает, что для ее счастья как в семье, так и на работе, необходимо рационально совмещать обе сферы. Она понимает, что необходимо оставлять время на отдых, личные проблемы никогда не должны влиять на продвижение по служебной лестнице. Ведь деловая активность имеет успех и приносит плоды в первую очередь тогда, когда семья оказывает благоприятное воздействие, является “надежным тылом”, помогая справиться с эмоциональной нагрузкой и стрессом.

В настоящее время женщине необходимо быть сильной, сохраняя свою женскую мудрость для того, чтобы поддерживать гармонию и получать удовольствие во всех сферах жизнедеятельности, которые она осваивает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова С.Г. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 11–12.

Аксёнова А.С. Выбор женщины: карьера или семья? // *Культура и образование*. 2015. Февр. № 2. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3253> (дата обращения: 24.07.2016).

Гимранова Л.А. Женщина как руководитель: некоторые аспекты гендерной статистики // *Казанская наука*. 2012. № 11. С. 75–79.

Глобальные вопросы повестки дня ООН. URL: <http://www.un.org/ru/globalissues/women/>

Дадаева Т.М. Кто выносит мусор, или Парадоксы гендерного разделения труда // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 37–48.

Лысенко Л.М., Крякина Е. О роли женщины в современном обществе // The theory and practice of gender studies in world science: materials of the VI international scientific conference on May 5–6, 2015. Prague, 2015. URL: http://sociosphera.com/files/conference/2015/k-05_05_15.pdf

Малкова М.А. Типологический анализ домашнего труда // Мир России. 2011. № 1. С. 147–166.

Межрегиональная общественная организация “Федерация женщин с университетским образованием”. URL: <http://fuwr.ru/>

Модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-11 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015.

Роль женщин в экономике развивающихся стран недооценена, говорят аналитики. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/1150335>

Синельников А.Б. Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Демографические исследования. 2006. № 5. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683

Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010. М., 2012.

Ст. 19 конституции РФ ФЗ № 284965-3 “О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации” (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003).

Ташева А.И. Своеобразие супружеских отношений в “двухкарьерных” и “не карьерных” браках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Педагогика и психология. 2012. Вып. 4. С. 149–155.

Труд и занятость в России. М., 2013.

Трудовой кодекс РФ: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

Grant Thornton: Россия – мировой лидер по доли женщин-менеджеров. URL: <http://www.granthornton.global/en/insights/articles/women-in-business-2016/>

Grant Thornton: Россия – мировой лидер по доли женщин-менеджеров URL: <http://www.vedomosti.ru/management/news/2016/03/09/632870-grant-thornton-rossiya>

REFERENCES

Ajvazova S.G. Kontrakt rabotajushhej materi: narusheniya ili rastorzhenie? (K voprosu ob osobennostyah gendernoj politiki v sovremennoj Rossii) [A contract for a working mother: violation or termination? (On the issue of gender

policy in modern Russia)] // Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian society]. 2011. N 3. S. 11–12.

Aksjonova A.S. Vybor zhenshhiny: kar'era ili sem'ja? [The choice of a woman: career or family?] // Kul'tura i obrazovanie [Culture and education]. 2015. Fevr. N 2. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3253> (data obrashheniya: 24.07.2016).

Barret M., Davidson M.J. Gender and communication at work. Aldershot, UK: Ashgate. 2006.

Blossfeld H.-P., Drobnic S. Careers of couples in contemporary society: from male breadwinner to dual-earner families. Oxford, 2001.

Crompton R. Employment, flexible working and the family // The British journal of sociology. 2002. N 3.

Dadaeva T.M. Kto vynosit musor, ili Paradoksy gendernogo razdeleniya truda [Who takes out the garbage, or Paradoxes of the gender division of labor] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2005. N 6. S. 37–48.

Gimranova L.A. Zhenshhina kak rukovoditel': nekotorye aspekty gendernoj statistiki [Woman as leader: some aspects of gender statistics] // Kazanskaja nauka [Kazan Science]. 2012. N 11. S. 75–79.

Global'nye voprosy povestki dnja OON [Global issues on the UN agenda]. URL: <http://www.un.org/ru/globalissues/women/>

Grant Thornton: Rossiya – mirovoj lider po doli zhenshhin-menedzherov [Grant Thornton: Russia is the world leader in the share of women managers].

URL: <http://www.grantthornton.global/en/insights/articles/women-in-business-2016>.

Hartmann H. Capitalism, patriarchy and job segregation by sex // The Signs Reader: Women, Gender and Scholarship / Ed. by E. Abel, E.K. Abel. Chicago, 1983.

Inglehart R., Norris P. Rising tide: gender equality and cultural change around the world. N.Y., 2003.

Lysenko L.M., Krjakina E. O roli zhenshhiny v sovremennom obshchestve [About the role of women in modern society] // The theory and practice of gender studies in world science: materials of the VI international scientific conference on May 5–6, 2015. Prague, 2015. URL: http://sociosfera.com/files/conference/2015/k-05_05_15.pdf

Malkova M.A. Tipologicheskij analiz domashnego truda [Typological analysis of domestic work] // Mir Rossii [World of Russia]. 2011. N 1. S. 147–166.

Mezhregional'naja obshhestvennaja organizacija "Federacija zhenshhin s universitetskimi obrazovaniem" [Interregional Public Organization "Federation of Women with University Education"]. URL: <http://fuwr.ru/>

Model'nyj zakon o gosudarstvennyh garantijah ravnnyh prav i ravnnyh vozmozhnostej dlja muzhchin i zhenshhin (Prinjat v g. Sankt-Peterburge 18.11.2005 Postanovleniem 26-11 na 26-om plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) [Model Law on State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities for Men and Women (Adopted in St. Petersburg on November 18, 2005 by Resolution 26-11 at the 26th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States)].

Naemnyj rabotnik v sovremennoj Rossii [Employee in modern Russia] / Otv. red. Z.T. Golenkova [Ed. by Z.T. Golenkova]. M., 2015.

Oppenheimer V.K. Women's rising employment and the future of the family in industrial societies. Population and development review, 1994.

Rol' zhenshhin v jekonomike razvivajushhihsja stran nedooceneni, govoryat analitiki [The role of women in the economy of developing countries is underestimated – analysts]. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/1150335>

Sinel'nikov A.B. Transformacija semejnyh otnoshenij i ee znachenie dlja demograficheskoy politiki v Rossii [Transformation of family relations and its importance for demographic policy in Russia] // Demograficheskie issledovanija [Demographic studies]. 2006. N 5. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683

Social'no-demograficheskij portret Rossii. Po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 [Social and demographic portrait of Russia. Based on the results of the All-Russia population census 2010]. M., 2012.

St. 19 konstitucii RF FZ N 284965-3 "O gosudarstvennyh garantijah ravnnyh prav i svobod i ravnnyh vozmozhnostej muzhchin i zhenshhin v Rossijskoj Federacii" (red., vnesennaja v GD FS RF, tekst po sostojaniju na 17.01.2003) [Art. 19 of the RF Constitution, Federal Law N 284965-3 "On State Guarantees of Equal Rights and Freedoms and Equal Opportunities for Men and Women in the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 17.01.2003)].

Tashheva A.I. Svoebrazie supruzheskih otnoshenij v "dvehkar'ernyh" i "ne kar'ernyh" brakah [The peculiarity of conjugal relations in "two-career" and "non-career" marriages] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika i psihologija [Bulletin of the Adyghe State University. Series of Pedagogy and Psychology]. 2012. Vyp. 4. S. 149–155.

The Global Gender Gap Report 2013. World Economic Forum. The Global Gender Gap Harvard University and the University of California. Berkeley, www.weforum.org/ (accessed: 02.06.2016).

Tilly L.A., Scott J.W. Women, work, and family. N.Y., 1987.

Trud i zanjatost' v Rossii [Labor and employment in Russia]. M., 2013.

Trudovoj kodeks RF: Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2001 g. N 197-FZ (v red. Federal'nogo zakona ot 3 ijulja 2016 g.) [The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 197-FZ (in the edition of the Federal Law of July 3, 2016)] // Rossijskaja gazeta. 2001. 31 dek.

Zaretsky E. Capitalism, the family, and personal life. N.Y., 1986.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия^{*}

В.В. Титов, канд. полит. наук, доц. кафедры политических исследований России и постсоветского пространства Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия^{**}

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Samsonova Tatiana Nikolajevna, PhD, professor, Department of politology and the sociology of political processes, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ashberry@mail.ru

Titov Viktor Valerievich, PhD, associate professor, Department of political studies of Russia and the Post-Soviet Space, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: titov-msu@mail.ru

ON NATIONAL CIVIC IDENTITY FORMATION OF THE RUSSIAN YOUTH IN GLOBAL SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

В статье анализируются процессы формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи в начале XXI столетия, происходящие в условиях глобальных социокультурных трансформаций современности. Большую значимость указанная выше проблема приобрела в контексте формирования устойчивых моделей гражданской политической культуры молодого поколения, которые опирались бы на российские исторические традиции и вместе с тем могли бы содействовать политической модернизации России в начале XXI столетия. Особый акцент сделан на развитие политической культуры Рунета, становление “виртуальных” (сетевых) социально-политических идентичностей, которые отличаются высокой динамичностью, аморфностью, ситуационным характером. Указывается, что такие транснациональные идентичности, развивающиеся посредством интернет-коммуникаций, генерируют не только “альтернативную” политическую реальность, но и выступают в роли социокультурных и символических “конкурентов” национально-гражданской модели идентичности российской молодежи. В этих усло-

^{*} Самсонова Татьяна Николаевна, e-mail: ashberry@mail.ru

^{**} Титов Виктор Валериевич, e-mail: titov-msu@mail.ru

виях важнейшая задача — использование интернет-коммуникаций для продвижения позитивных (патриотизм, политический активизм, ответственность за собственный политический выбор) гражданских политических ценностей и социально приемлемых конвенциональных моделей политического поведения в неоднородной социокультурной среде молодых пользователей Рунета.

Ключевые слова: российская молодежь, национально-гражданская идентичность, Рунет, интернет-коммуникации, виртуальные идентичности.

The article analyzes the process of formation of national civic identity of the Russian youth in the early twenty-first century, taking place in the context of ongoing global socio-cultural transformations. Most significance the above mentioned problem acquired in the context of sustainable patterns of civic political culture of the young generation, which would be based on Russian historical traditions and at the same time could contribute to political modernization of Russia in the early twenty-first century. Particular emphasis is on the development of the political culture of the Russian Internet, the emergence of “virtual” (network) socio-political identities, which have highly dynamic, amorphous, situational character. It is stated that such transnational identities developed by Internet communications, generate not only “alternative” political reality, but also play the role of socio-cultural and symbolic “competitors” for the national model of civil identity of the Russian youth. In these conditions urgent task is to use the Internet communications for promotion of positive (patriotism, political activism, responsibility for their own political choices) civic political values and socially acceptable conventional models of political behavior in a heterogeneous socio-cultural environment of young Runet users.

Keywords: the Russian youth, national civic identity, Runet, Internet communications, virtual identity.

Одна из знаковых и системообразующих тенденций мирового политического процесса начала XXI столетия — социокультурная глобализация. Она представляет собой многовекторный процесс, который, с одной стороны, обусловлен глобальными изменениями, переживаемыми мировой социально-политической системой, а с другой стороны, порождает уникальные “трансформационные эффекты”, затрагивающие различные сегменты национальных политических культур. К числу таких “трансформационных эффектов”, воздействующих на социокультурные ориентиры, относится трансформация макрополитических идентичностей¹. Понятие “иден-

¹ Проблематике трансформации “старых” и кристаллизации “новых” (виртуально-сетевых) идентичностей в условиях глобализационных процессов и становления контуров информационного макросоциума посвящены работы зарубежных — М. Кастельса, А. Барда и Я. Зодерквиста (см.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. М., 2004), — а также российских исследователей — Е.В. Бродовской, Т.В. Евгеньевой, О.Ю. Малиновой, В.Д. Нечаева, И.С. Семененко (см.: *Бродовская Е.В.* Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования (2011 г.) // Материалы VI Всероссийского конгресса

тичность” на сегодняшний день является наиболее используемым, но в то же время наиболее неопределенным в социальных и гуманитарных дисциплинах. «Можно сказать, — пишет З. Бауман, — что “идентичность” становится призмой, чертой современной жизни. Признанным объектам изучения социальных наук присваиваются новые формулировки и придается новый вид, чтобы они соответствовали дискуссиям, ныне вращающимся вокруг оси “идентичности”»².

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, а на их основе глобальных компьютерных сетей, интернета позволяет объединить миллионы людей, живущих в разных уголках мира, ликвидировать преграды для общения в различных областях образования, науки и культуры³. Общение в интернете, по мнению некоторых специалистов, в силу уменьшения личных контактов снижает конфликтность человеческих взаимодействий. В то же время “стираются” грани индивидуальности, навязывается стереотипность в мышлении и действиях. Происходит изменение и отношений между людьми, формируются новые образы реального мира, влияющие на содержание и направленность ценностного сознания.

Получив возможность проявлять свою активность через высказывания в интернете, люди зачастую остаются в пределах виртуальной реальности, не проявляя желания, да и готовности к различным формам непосредственного политического участия и гражданской активности. Анонимность использования интернет-ресурсов нередко снижает ответственность за предоставляемую и передаваемую в Сети информацию. Отмечается возрастание негативного влияния некоторых ресурсов интернета на мировоззрение молодежи. “Эффективность” виртуального манипулирования сознанием молодежи обусловлена ее психологической и социальной незрелостью, податливостью разного рода информационным воздействиям. Так, интернет сыграл немалую роль в привлечении молодежи к различным акциям неповиновения в ходе “цветных революций”.

политологов “Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия”. М., 2012; *Евгеньева Т.В.* Историческая память, национальное самосознание и политическая социализация // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 1; *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30> (дата обращения: 21.12.2016); Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012. С. 20–79; *Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4).

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 176.

³ См.: *Смолл Г., Ворган Г.* Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М., 2011; *Ширки К.* Включи мозги: свободное время в эпоху Интернета. М., 2012.

Известны и примеры вербовки через интернет в экстремистские организации.

Очевидно, что в условиях нарастающих и во многом стихийных процессов культурно-информационной глобализации остро стоит проблема становления полномасштабной национально-гражданской идентичности российской молодежи, преодоления “ценностного вакуума”, обусловленного множеством социально-экономических и политических потрясений, пережитых российским обществом на рубеже XX–XXI в. Необходимо формирование устойчивой модели гражданской политической культуры молодого поколения, которая, с одной стороны, опиралась бы на российские исторические традиции, а с другой — содействовала бы осуществлению политической модернизации российского государства в начале XXI столетия⁴.

Национально-гражданская идентичность формируется на основе устойчивых социокультурных характеристик общества, его социально-политических, экономических, национально-культурных, религиозных и других особенностей⁵. Она означает принадлежность индивида к гражданской общности, его обязательное отождествление и соотнесение с ней в конкретном социально-политическом контексте, а также адекватные действия в соответствии с этой общностью, т.е. поведенческую модель гражданина⁶. Национально-гражданская идентичность выступает гарантией политической консолидации и единства общества.

В исследовании процесса становления национально-гражданской идентичности российской молодежи нельзя не учитывать ряд обстоятельств. Российская молодежь 2000-х гг., т.е. первое постсоветское поколение, а также его “предшественник”, молодежь 1990-х (она сегодня уже перестала быть “молодежью”), были избавлены от “посткоммунистической травмы”, поразившей старшие социально-демографические сегменты российского общества. Для молодых россиян существующие социально-культурные и политические реалии — своеобразная “естественная среда”, привычный социокультурный ареал, в котором каждый “находит себя” в зависимости от адаптивных способностей и выбранных стратегий поведения. Вместе с тем молодежь в полной мере испытала на себе отсутствие системной “политики идентичности” на государственном уровне. Как

⁴ См.: Самсонова Т.Н. Формирование гражданской культуры в современной России // *Философские науки*. 2013. № 1.

⁵ См.: Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М., 2012. С. 70–100.

⁶ См.: Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*: В 3 ч. Ч. II. Тамбов, 2012. № 12 (26). С. 38.

следствие — сохраняющийся ценностный и символический вакуум, многочисленные латентные идентификационные конфликты, провоцирующие политическое пространство современной России.

В конце 1990 — начале 2000-х гг. российский политический класс все более отчетливо стал осознавать необходимость целенаправленной государственной “политики идентичности” в молодежной сфере, т.е. долгосрочной организационно-управленческой, прогностической и проектной деятельности по формированию установок, символов и ценностных оснований национально-гражданской идентичности и конгруэнтных им моделей политического поведения молодых российских граждан. Очевидно, что такая политика возможна лишь в системном сочетании с “исторической политикой”, направленной на кристаллизацию базовых элементов общероссийского “образа прошлого”, который обладал бы весомым социально-консолидирующим потенциалом.

В годы перестройки нередко подвергалась осмеянию ментальность советского человека, присущие ему черты — долготерпение, покорность, нежелание особо “высовываться” и брать ответственность на себя. Такие слова из песни, как “раньше думай о Родине, а потом о себе”, “была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего”, подчас вызывали и вызывают насмешки. Появились даже термины “совковость”, “совковый”, “совок”. Понятно, конечно, что без четко выраженного частного интереса трудно добиться реальных результатов. Энергия, нежелание поддаваться обстоятельствам, способность действовать — важные условия выживания. Но индивидуальные запросы, амбиции, аппетиты следует соотносить с соображениями всеобщего блага. Нельзя отказываться от таких качеств, как солидарность, коллективизм, скромность⁷. Постепенно в массовом сознании стало складываться понимание того, что советский период является таким же безусловным историческим наследием нашей страны, полный разрыв с которым нарушает преемственность и взаимосвязь поколений, ведет к потере чувства коллективной идентичности в обществе.

Размышляя о национально-гражданской идентичности молодых россиян — первого “постсоветского поколения” — следует оговориться, что данная социально-демографическая группа довольно аморфна с политико-психологической точки зрения. Она представляет собой многослойный конгломерат социальных “миров”, демонстрирующих различные, нередко конфликтные по отношению друг к другу политические ценности, идеи, установки и модели

⁷ См.: Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М., 2016. С. 231.

политического поведения. Как правило, современные исследователи выделяют два субпоколения российской молодежи⁸: старшее, первичная политическая социализация которого пришлась на 1990-е гг. и постсоветский кризис идентичности (25–34-летние) и младшее (18–24-летние россияне), соприкоснувшееся с политическими реалиями России в начале третьего тысячелетия, в период становления институциональной конфигурации “путинской республики”. Естественно, что указанные социализационные различия активно проявляются и сегодня, в середине 2010-х гг.; в том числе, они заметны и в процессе самоидентификации, формирования коллективного образа будущего молодых россиян.

Социокультурные различия между этими двумя поколениями молодежи — поколением “Net” и поколением “Да” — иллюстрирует О.Н. Каменчук: “Мы делим молодых россиян на две группы: 18–24 лет и 25–34 лет. Первая — так называемая постподростковая группа, в которой — вчерашние школьники, по традиционным критериям еще не являющиеся взрослыми в полном смысле слова, но уже обладающие определенной социальной и экономической независимостью от своих родителей. Это вчерашние подростки, сегодняшние избиратели и однокурсники... Они все еще в поисках идентичности и индивидуальности... Во второй группе — теоретики, спешащие стать гуру в практике. Самореализоваться. Найти себя... Первые — смотрят и ищут, вторые — рисуют чертежи и начинают строить”⁹.

Как показала серия исследований 2012–2015 гг., в которых принял участие один из авторов данной статьи¹⁰, процесс становления национально-гражданского самосознания российской молодежи по существу находится на начальной стадии, содержит в себе целый ряд внутренних противоречий и “конфликтогенных точек”

⁸ “Вопрос об определении границ поколений — это особая проблема, не сводимая к констатации паспортного возраста опрошенных. Дело в том, что стержнем поколенческой общности являются либо те или иные политические события, либо приверженность к некой совокупности политических ценностей и символов эпохи, вокруг которой формируется определенная идентичность. Исходя из такой трактовки политического поколения, очевидно, что физический возраст может не совпадать с поколенческим статусом: в одно поколение могут входить люди, родившиеся в разные годы, но объединенные общностью политического опыта, сознания и переживаний” (*Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // *Полития.* 2005. № 4. С. 48–49. См. также: *Головин Н.А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004. С. 89–147).

⁹ *Каменчук О.Н.* Уже не дети, но еще не взрослые // *НГ-политика.* 2010. 06 янв. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-06-01/14_teenagers.html (дата обращения: 27.12.2016).

¹⁰ Грант Президента Российской Федерации “Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ”. МК-7467.2013.6.

(как технологического, так и культурно-психологического характера) и сталкивается с рядом серьезных трудностей. Очевидной проблемой, препятствующей формированию полноценной национально-гражданской идентичности в молодежной среде, является высокий уровень социального (именно социального, а не только политического!) абсентеизма. Это проявляется в стремлении “избежать” контакта с социальной реальностью в ее широком понимании, ограничиться привычными и узкими “пространствами повседневности” (семья, друзья), в которых молодежь пытается обрести хотя бы частичную социальную субъектность.

В политическом сознании молодых россиян отчетливо прослеживается установка на социально-психологический патернализм, обращенный к государственной власти. Данная установка причудливо сочетается с поведенческим прагматизмом и тенденцией негативизации политической реальности, в значительной мере подпитываемой информационной “повесткой дня” Рунета.

Естественно, что указанная тенденция системного (и часто иррационально мотивируемого) “ухода” от политической действительности приводит к становлению в политическом сознании молодого российского поколения достаточно специфической “гибридной” идентичности, которая может быть охарактеризована как *государственно-национальная*. При этом “государство” в данной конструкции, хотя и занимает приоритетное положение, но рассматривается молодыми россиянами в большей степени функционально, как “черный ящик”, наполненный многочисленными ресурсами и обязанный решать проблемы социума, непрерывно “мотивировать” граждан на проявление активности в различных общественных сферах, включая политическое участие.

Процессы становления национально-гражданской идентичности молодежи, отдельных ее сегментов, протекают, как уже отмечалось ранее, в условиях реструктуризации глобального информационного пространства, интенсивного развития интернета как доминирующего инструмента социально-политической коммуникации. При этом общеизвестно, что именно молодежь выступает основным “потребителем” информационного контента глобальной сети. Более того, сетевой бум в России 2000-х – начала 2010-х гг. существенно меняет коммуникативные стратегии молодого поколения, приводит к “размыванию” старых идеологических (коммунисты, либералы, “путинское большинство” и т.д.) и появлению новых виртуальных политических идентичностей. Отличительной особенностью последних является выраженный динамизм, ситуативный характер, зависимость от полицентричной “виртуальной” повестки дня.

Еще одна особенность формирования “новых” политических идентичностей молодых пользователей Рунета связана с преобла-

данием ситуативных реакций на политическую реальность: в этих условиях идентифицирующим звеном, вокруг которого объединяется значительное число “юзеров”, является некое знаковое событие. При этом оно может носить как политический, так и социальный характер, но всегда имеет некий резонансный подтекст: этнический, ценностно-политический, социально-экономический. Как правило, указанная ситуативно-событийная идентичность в Сети быстрее всего конструируется вокруг конфликтных, негативных событий (например, убийство И. Агафонова Р. Мирзаевым, многочисленные террористические акты и пр.). В этом случае “сетевая молодежь” объединяется вокруг образов зримых (например, как в “бытовых конфликтах с этнической окраской”) или аморфных (как в случае террористических актов) “врагов”, выполняющих функцию культурно-психологической активации массовой негативной идентичности молодых “юзеров”.

Аналогичную тенденцию подчеркивает политический психолог Т.В. Евгеньева, анализируя идентификационные и ценностно-психологические основания политического протеста российских граждан в 2011–2012 гг. Она указывает, что протестная кампания в Рунете, которая начиналась с императивом “за” (честные выборы) очень быстро приобрела психологическую установку “против...”. Однако попытка идентификации “несистемной оппозиции” как целостной политической общности на подобной идейной “платформе” не была успешной. Поскольку сама оппозиционная “идентичность” носила ситуативный (“поствыборный синдром”) весьма аморфный, безадресный характер (против многочисленных, но достаточно абстрактных, деперсонализированных “жуликов и воров”)¹¹. В дальнейшем ситуативная идентификация российской молодежи активно проявлялась в ряде событий 2014–2016 гг., в частности, в акциях в поддержку действий российской власти в отношении Украины и Крыма.

Социально-политическая консолидация (и, тем более, идентификация) молодых российских пользователей глобальной Сети — процесс крайне неоднородный, разветвленный, который может протекать по нескольким культурно-поведенческим сценариям. Их, на наш взгляд, можно объединить в три модели.

Первая модель поведенческой репрезентации сетевого протеста молодежи — имитационная. Она характеризуется неявными, эпизодическими признаками протестной активности (нередко первоначально закамouflирована под социальную апатию или сетевой

¹¹ См.: *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образ “врага” как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–26.

юмор), ограничивается исключительно социально-сетевым пространством и обусловлена событийным контекстом. Пользователь проявляет элементы “риторики протеста” нерегулярно, исключительно в пространстве социальной сети, как правило, среди своих сетевых “друзей” (комментарии, репосты, “лайки”, обсуждение наиболее крупных акций). Типичные примеры такой имитационно-подражательной активности в социальных сетях Рунета — “массовый протест” молодых столичных интернет-пользователей против террористических актов и действий террористов (например, терактов в Париже 13 ноября 2015 г.).

Вторая модель поведенческой репрезентации протеста характерная в основном для 20–25-летних, носит конфликтно-сетевой характер: пользователь “погружен” в протестную социально-политическую проблематику и выполняет функцию активного распространения соответствующей информации в социальной сети. Немаловажно, что при определенных обстоятельствах, резонансных событиях он готов к активному участию в массовых акциях социального и политического протеста. Вместе с тем деятельность такого “юзера” часто носит проблемно-фокусированный характер: в центре его интереса находятся одна-две наиболее острые проблемы или ситуации, связанные с протестом¹².

Третья модель поведенческой репрезентации протеста молодежи носит более выраженный конфликтно-мобилизационный характер. Интернет в этом случае — инструмент мобилизации “виртуального” сообщества, способ его “материализации” во внесетевом пространстве, механизм искусственного поддержания протестных настроений среди периферийных сегментов.

Важным аспектом, сопряженным со становлением различных моделей политического протеста молодежи в Рунете, являются исторические представления и политическая мотивация “юзеров”. Так, российский опыт 2010–2016 гг. позволяет говорить, как минимум, о двух различных системах “мотивационных координат” пользователей Рунета. Первая связана со сформировавшейся на рубеже 2000–2010-х гг. “модой на протест”, которая должна интерпретироваться не как стратегия долгосрочного политического поведения, а в ракурсе поиска новых паттернов самоидентификации “юзеров”, не связанных с сюжетами прошлого (какими-либо фрагментами российской истории). В основании второй, в использовании “виртуальных” конфликтных моделей политического поведения, лежит мотивация, обусловленная отсутствием устойчивых политических ценностей, паттернов поведения и аморфностью “об-

¹² См.: *Селезнева А.В.* Политические представления и ценности россиян. М., 2012. С. 49.

паза будущего” в политическом сознании значительной части молодых россиян.

Сегодня интернет-пространство становится ареалом поиска и актуализации социокультурных идентичностей, мифологизированных по своей природе и выступающих своеобразной “альтернативой” общероссийскому национально-гражданскому самосознанию. Так, показателен пример целого ряда сообществ, сложившихся в социальных сетях (“Мещерская земля”, “Эрзя? Эрзя! Объединяемся!” и др.), где активно обсуждаются вопросы истории и этнокультурной идентичности. Лейтмотивом такой дискуссии, как правило, является “древность” и “уникальность” конструируемой этнической самоидентификации, а нередко — и претензия на политическую самостоятельность (например, тема “за и против независимости Мордовии”). Представляется, что указанные тенденции “виртуальной” этномифологической самоидентификации, хотя и носят сегодня локальный характер, тем не менее, в среднесрочной перспективе могут рассматриваться как социокультурный вызов общероссийской идентичности.

Стремление к замене гражданской идентичности этнической нередко проявлялось у россиян после распада СССР. Можно говорить о двух уровнях гражданской идентичности — федеральном и региональном¹³. При этом региональный уровень является не только территориальным компонентом национального самосознания, но выступает и в качестве имеющего самостоятельное значение феномена. Более того, в начале XXI столетия в стране проявился “синдром потери идентификации на общегосударственном уровне”¹⁴. Национально-гражданская идентичность “опирается” на чувство общности с гражданской нацией, формирование которой является целевым проектом для России. Гражданская нация — это сообщество людей, объединенных единым происхождением, единым гражданством, принадлежностью к одному и тому же государству, а также добровольной приверженностью системе ценностей и культуре, которая ассоциируется с этим государством. По

¹³ См., например: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012. С. 81–87; Панкратов С.А., Тельнова Н.А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11. Вып. 4; Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М., 2012. С. 108–125; Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnost-sotsiologicheskii-aspekt> (дата обращения: 15.12.2016).

¹⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004. С. 272.

мнению В.А. Тишкова, “идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого, с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству”¹⁵.

В процессе формирования гражданской нации все более актуальной задачей государственного управления является использование интернет-коммуникаций для информационного продвижения позитивных (патриотизм, политический активизм, ответственность за собственный политический выбор) гражданских политических ценностей и социально приемлемых конвенциональных моделей политического поведения в неоднородной социокультурной среде молодых пользователей Рунета. Ведь молодежь — это не только основной ресурс, потенциал перемен, но и возможный источник и субъект политической нестабильности.

Очевидно, что решение такой задачи тесно связано с ценностно-психологической консолидацией российского общества и обусловлено потребностями развития российской государственности в XXI столетии, в условиях, когда институциональная стабильность не может гарантировать социальную устойчивость в целом. При этом необходимо учитывать, что на сегодняшний день Рунет представляет собой крайне неоднородную среду, в которой сосуществуют не только разные коммуникативные форматы (вертикальные, горизонтальные, диагональные коммуникации), но и конкуренция политических установок, в целом сдержанное отношение к российской “власти” и “государству”. Поэтому еще более отчетливо вырисовывается спектр политико-управленческих вопросов, связанных с необходимостью формулирования хорошо продуманной и долгосрочной “политики идентичности” в молодежной среде.

Целью такой политики, проводимой в “диалоговом режиме”, должно выступать формирование резистентной к вызовам и рискам неустойчивого и гипердинамичного “глобального мира” гражданской идентичности российской молодежи. При этом императив гражданственности необходимо рассматривать не просто как атрибут политического сознания, а как целостный культурно-психологический конструкт, опирающийся на соответствующие ценности, смыслы и символы, способные консолидировать молодое поколение российских граждан. Формирование информационно-коммуникативных компетенций молодежи, реализация продуманной системы гражданского образования призваны содействовать воспитанию человека нравственного, обладающего комплексом гуманистических ценностей и ориентиров. (Не случайно в совре-

¹⁵ Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. 19 июня.

менной педагогике остро стоит проблема определения приоритетных целей образования: что важнее — знания обучающегося или его воспитание? Многие признают, что важнее *воспитание*, а *знания* — одно из средств достижения этой цели¹⁶. Вспоминаются в этой связи слова Д.И. Менделеева: “Знание без воспитания — это меч в руках сумасшедшего”).

В вопросах образования и воспитания в России всегда была велика роль государства. Приоритеты государственной молодежной политики, системы образования и воспитания “должны быть направлены на формирование всестороннего развития личности, гармоничной личности, на воспитание гражданина России — зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к своей большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом с тобой” (из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина 3 июля 2014 г. на заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям).

Другой важный аспект становления национально-гражданской идентичности молодежи в условиях глобального развития интернет-культуры (и “политической культуры Рунета” как ее весьма специфического ответвления) связан с тем, что “старые” территориальные идентичности испытывают все более жесткую конкуренцию со стороны “виртуальных” идентификационных конструкторов. Последние не “привязаны” ни к определенной территории, ни, что более существенно, к определенной ценностной доминанте, а имеют исключительно символическое наполнение (например, болельщиком “Барселоны” или поклонником Леонардо Ди Каприо можно быть практически в любом минимально “информатизированном” уголке планеты).

В связи с этим можно утверждать, что российская национально-гражданская идентичность в среде молодых пользователей интернета оказывается так или иначе частично размытой под “двойным давлением”, с одной стороны, транснациональных виртуальных идентичностей, а с другой — устойчивых социетальных “бытовых” сообществ (семья, друзья). Первые олицетворяют собой имитационное начало, “уход” от реальных социально-политических проблем. Во вторых молодой человек также находит психологическое “убежище” и поддержку в условиях изменчивого социально-экономического и политического ландшафта России.

¹⁶ Подробнее см.: Самсонова Т.Н. Гражданское образование в России и США: сравнительный анализ // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. Вып. 3—4. С. 79—89; Она же. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М., 2016.

Как представляется, причиной очевидных трудностей формирования национально-гражданской самоидентификации (и кризиса “когнитивного фундамента” политического сознания) существенной части молодых интернет-пользователей является, как уже отмечалось ранее, институциональная слабость системы политической социализации в постсоветской России, которая особенно проявлялась в 1990-х — первой половине 2000-х гг. Иными словами, совпала с периодом “взросления” российского поколения “NET”, временем его вступления в социальную и политическую жизнь. В этих условиях интернет-реальность нередко становилась эксклюзивным или доминирующим источником знаний подрастающего поколения и молодежи о политике, о российской истории, о противоречивых социокультурных реалиях современного российского общества¹⁷.

Сегодня пространство Рунета — это не просто “фабрика смыслов” (или “грез”, социальных симулякров), не только *lifestyle-online*, но и многоуровневый “рынок” социокультурных идентичностей, на котором молодой россиянин при желании может почувствовать себя во всем многообразии исторических симулякров, виртуальных идентификационных ролей (от “язычника” до “сетевого хомячка” и “либерального анархиста”). В этих условиях Рунет, его коммуникативные возможности приобретают стратегическое значение в инструментальном ракурсе формирования общероссийской гражданской идентичности молодых “юзеров”.

Важно констатировать, что процесс “продвижения” российской идентичности в Рунете и формирования полномасштабной исторической картины мира молодых россиян крайне затруднен в силу действия нескольких факторов. Очевидно, что “гражданская социализация онлайн” возможна исключительно в условиях существования внятного социально-исторического “контента” российской идентичности (смыслы, символы, ценности), коллективного образа “мы” в историческом пространстве “прошлое — настоящее — будущее”. Сегодня, в условиях слабости такого позитивного исторического “контента” — образов и традиций, призванных служить социокультурными основаниями и психологическими “скрепами” российской государственности — возникает проблема смыслового вакуума.

Не менее значимым фактором, ограничивающим возможности Рунета по формированию гражданской идентичности российской

¹⁷ См.: Бродовская Е.В. Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования // Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов “Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия”. М., 2011. С. 84; Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М., 2012. С. 107–117.

молодежи, является динамичность виртуальной среды, и, как следствие, преобладание в ней “текучих”, ситуативных идентичностей, неустойчивых социально-исторических сюжетов и представлений¹⁸. Пространство интернета сегодня — это многоуровневая конфигурация, в которой сосуществуют несколько темпоральных реальностей: виртуальное “политическое время” ускоряется, приобретает аритмичные оттенки, волнообразную, а часто и реверсивную направленность. Образы прошлого (от канонической российской истории до “лихих 90-х”, знакомых многим молодым пользователям не из учебников и не по рассказам родителей) то затмеваются логикой “текущего момента”, то вновь актуализируются посредством “генетической памяти” и устойчивых межпоколенческих императивов массового сознания, присущих, в том числе, и молодым россиянам (“Крым всегда был наш”, “бандеровцы — враги” и т.д.).

И, наконец, третий фактор, существенно влияющий на возможности использования интернета в качестве инструмента формирования полноценной исторической “картины мира” молодых россиян, — характер информационного ландшафта современного Рунета, его нарастающая, волнообразная фрагментарность. Многочисленные локальные сообщества, возникающие в пространстве глобальной Сети, порождают настолько же автономные сетевые пространства и связанные с ними идентичности.

Как представляется, упомянутые выше тенденции, хотя и не в полной мере, описывают проблемы формирования гражданской идентичности молодежи в Рунете, тем не менее, обозначают наиболее важные “болевые точки” процессов становления национально-гражданского сознания молодых россиян на современном этапе развития нашего общества.

Можно сделать вывод, что сегодня, в условиях информационной и социокультурной глобализации, национально-гражданский компонент политического сознания молодых россиян оказывается во многом статичным и невостребованным: гражданская самоидентификация существует как некая данность, но не актуализируется в поведенческом плане, слабо влияет на стратегии социального и политического поведения молодого поколения. Следовательно, все более значимым фактором, который может способствовать формированию национально-гражданских установок у российской молодежи, является информационная составляющая “политики идентичности”, выработка эффективных механизмов “продвижения” российской идентичности в интернете в условиях нарастания внутренней дифференциации российского политического пространства и глобальной информационной конкуренции.

¹⁸ Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012. С. 26.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: В 3 ч. Ч. II. Тамбов. 2012. № 12 (26).

Бродовская Е.В. Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования (2011 г.) // Материалы VI Всероссийского конгресса политологов “Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия”. М., 2012.

Володенков С.В. Интернет-коммуникции в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015.

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.

Евгеньева Т.В. Историческая память, национальное самосознание и политическая социализация // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 1.

Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2 (36).

Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ “врага” как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4.

Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004.

Каменчук О.Н. Уже не дети, но еще не взрослые // НГ-политика. 2010. 6 янв.

Капицын В.М. Политизация этнических идентичностей в “гибридной войне” // “Гибридные войны” в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015.

Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004.

Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1.

Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012.

Панкратов С.А., Тельнова Н.А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11. Вып. 4.

Самсонова Т.Н. К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. 2011. Вып. 5 / Под ред. Б.Г. Миронова, Ю.М. Резника. М.; Чебоксары, 2011.

Самсонова Т.Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1.

Самсонова Т.Н. Гражданское образование в России и США: сравнительный анализ // *Личность. Культура. Общество.* 2013. Т. 15. Вып. 3–4 (79–89).

Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // *Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века* / Под ред. А.И. Костина. М., 2016.

Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян. М., 2012.

Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования.* 2016. № 4.

Смол Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М., 2011.

Титов В.В. Интернет как пространство трансформации системы коммуникативных идентичностей российского общества: по материалам международного исследования World Internet Project (WIP) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2013. № 3.

Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М., 2012.

Титов В.В. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2016. № 3.

Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности в России: роль институтов культуры и массмедиа // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2016. № 3.

Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // *Известия.* 2007. 19 июня.

Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // *Вестник Адыгейского государственного университета.* Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1.

Ширки К. Включи мозги: свободное время в эпоху Интернета. М., 2012.

REFERENCES

Bard A., Zoderkvist Ja. Netokratija. Novaja pravjashchaja jelita i zhizn' posle kapitalizma [Netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. SPb., 2004.

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. M., 2005.

Bol'shakov A.G., Zaznaev O.I. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti: problemy, sovremennoe sostojanie, perspektivy [OI Formation of civil identity: problems, current status, prospects] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: V 3 ch. Ch. 2* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice: In the 3rd part of Part II]. 2012. N 12 (26).

Brodovskaja E.V. Protestnaja aktivnost' moskvichej. Opyt jempiricheskogo issledovaniya (2011 g.) [Protest activity of Muscovites. Experience of empirical research (2011)] // *Materialy VI Vserossijskogo kongressa politologov "Possiia v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistvija"* [Proceedings of the VI All-Russian Congress of Political Scientists "Russia in the Global World: Institutions and Strategies for Political Interaction"]. M., 2012.

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, 2001. https://en.wikipedia.org/wiki/Oxford_University_Press

Evgen'eva T.V. Istoricheskaja pamjat', natsional'noe samosoznanie i politicheskaja sotsializatsija [Historical Memory, National Self-Consciousness and Political Socialization] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political science]. 2013. N 1.

Evgen'eva T.V., Regnatskij V.V. Formirovanie natsional'no-gosudarstvennoj identichnosti moskovskikh shkolnikov [Formation of the national-state identity of Moscow schoolchildren] // Tsennosti i smysly [Values and Meanings]. 2015. N 2 (36).

Evgen'eva T.V., Titov V.V. Obraz "vrag" kak instrument formirovanija politicheskoi identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoj Rossii [The image of "enemy" as a tool for the formation of political identity in the Internet: the experience of modern Russia] // Informatsionnye voyny [Information war]. 2014. N 4.

Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija politicheskoi sotsializatsii [Teoretiko-methodological bases of research of political socialization]. SPb., 2004.

Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke [Identity and socio-political changes in the XXI century] / Otв. red. I.S. Semenenko [Ed. by I.S. Semenenko]. M., 2012.

Ionin L.G. Sotsiologija kul'tury [Sociology of culture]. M., 2004.

Kamenchuk O.N. Uzhe ne deti, no eshche ne vzroslye [No longer children, but not adults yet] // NG-politika. Novaja gazeta [NG-politics]. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-06-01/14_teenagers.html (data obrashhenija: 27.12.2016).

Kapitsyn V.M. Politizatsijaj etnicheskikh identichnostej v "gibridnoj vojne" [The politicization of ethnic identities in the "hybrid war"] // "Gibridnye voyny" v haotizirujushchemsja mire XXI veka ["Hybrid Wars" in the 21st century chaotic world] / Pod red. P.A. Tsigankova [Ed. by P.A. Tsigankov]. M., 2015.

Malinova O.Ju. Konsruirovanije makropoliticheskoi identichnosti v postsovet-skoi Rossii [The Construction of a Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia] // Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]. 2010. N 1.

Molodezh Rossii: tsennostnye priority, strategii povedenija i perspektivy razvitiya [Youth of Moscow: value priorities, behavior strategies and development prospects] / Pod red. V.D. Nechaeva [Ed. by V.D. Nechaev]. M., 2012.

Pankratov S.A., Tel'nova N.A. Spetsifika grazhdanskoj identichnosti v uslovijakh politicheskoi modernizatsii Rossii [Specificity of Civil Identity in Conditions of Russia's Political Modernization] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Sotsiologija. Politologija [Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser. Sociology. Political science]. 2011. T. 11. Vyp. 4.

Samsonova T.N. K voprosu o formirovanii grazhdanstvennosti v sovremennoj Rossii [On the issue of the formation of citizenship in modern Russia] // Grazhdanskoe obshchestvo: teorija i praktika. Ezhegodnik. 2011. Vip. 5 [Civil Society: theory and practice. Yearbook. 2011. Issue. 5] / Pod red. B.G. Mironova, Ju.M. Reznika [Ed. by B.G. Mironova, Yu.M. Reznik]. M.; Cheboksary, 2011.

Samsonova T.N. Formirovanie grazhdanskoj kultury v sovremennoj Rossii [Formation of civil culture in modern Russia] // Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. 2013. N 1.

Samsonova T.N. Grazhdanskoe obrazovanie v Rossii i SSHA: sravnitel'nyj analiz [Civic Education in Russia and the United States: A Comparative Analysis] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]. 2013. T. 15. Vyp. 3–4. S. 79–89.

Samsonova T.N. Grazhdanskoe obrazovanie v usloviyakh globalizatsii [Civil education in the conditions of globalization: problems and ways of improvement] // Krizis tsivilizatsii v kontekste politicheskikh protsessov XXI veka [The crisis of civilization in the context of political processes of the XXI century] / Pod red. A.I. Kostina [Ed. by A.I. Kostin]. M., 2016.

Selezneva A.V. Politicheskie predstavleniya i tsennosti possijan [Political views and values of Russians]. M., 2012.

Semenenko I.S. Politika identichnosti i identichnost' v politike: jetnonatsional'nye rakursy, evropejskij kontekst [Identity politics and identity in politics: ethnonational perspectives, European context] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]. 2016. N 4.

Shikova R.Ju. Grazhdanskaja obshcherossijskaja identichnost' (sotsiologicheskij aspekt) [Civic All-Russian Identity (Sociological Aspect)] // Vestnik Adigejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie: filosofija, istorija, jurisprudentsija, politologija, kulturologija [Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1. Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology]. 2009. N 1.

Shirky K. Vklyuchi mozgi: svobodnoe vremya v epokhu Interneta [Turn on the brains: free time in the era of the Internet]. M., 2012.

Small V., Vorgan V. iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind [Brain online. Man in the era of the Internet]. M., 2001. <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiv6bzfmqzWAhXmbZoKHvqBBtIQFggpMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.harpercollins.com%2F9780061340345%2Fibrain&usg=AFQjCNEdveNte2MAiFs8WOY6iTGwMQgzKA> \t “_blank”

Tishkov V.A. Rossijskij narod i natsional'naja identichnost' [The Russian people and national identity] // Izvestija [Izvestiya]. 2007. 19 ijunja.

Titov V.V. Natsional'no-gosudarstvennaja identichnost' rossijskoj molodezhi v nachale XXI veka [National-state identity of Russian youth at the beginning of the XXI century]. M., 2012.

Titov V.V. Internet kak prostranstvo transformatsii sistemy kommunikativnykh identichnostej rossijskogo obshchestva: po materialam mezhdunarodnogo issledovaniya World Internet Project (WIP) [Internet as a space for transformation of the system of communicative identities of Russian society: on the basis of the international research of the World Internet Project (WIP)] // Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nie peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2013. N 3.

Titov V.V. Natsional'no-gosudarstvennaja identichnost': problema interpretatsii ponjatija v politicheskoy nauke [National-state identity: the problem of interpretation of the concept in political science] // Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tury, smysly [Locus: people, society, cultures, meanings]. 2016. N 3.

Titov V.V. Politika pamjati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoj identichnosti v Rossii: rol' institutov kul'tury i massmedia [The Policy of Memory and the Formation of National-State Identity in Russia: the Role of Institutes of Culture and the Media] // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnie nauki [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences]. 2016. N 3.

Volodenkov S.V. Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravlenija [Internet-communication in the global space of modern political management]. M., 2015.

Ю.М. Большакова, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия*

С.Н. Большаков, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия**
ORCID: 0000-0002-6208-7792

ЛОББИЗМ И GR-ПРАКТИКИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ: ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Bolshakova Yuliya Mikhailovna, PhD, associate professor, Department of state and municipal management, «Komi Republican Academy of public administration and management», Head of the Centre for social monitoring and forecasting, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, e-mail: academy.prof.com@mail.ru

Bolshakov Sergey Nikolaevich, Dr. polit., professor of Department of political science and international relations, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, e-mail: snbolshakov@mail.ru

LOBBYING AND GR-PRACTICES IN EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STATES: THE POLITICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

В данной статье анализируется феномен лоббизма как форма коммуникаций органов государственной власти, бизнеса и общественно-политических акторов. В статье на основе оценки результатов социологического опроса представлена обобщенная картина функционирования лоббистов на политическом ландшафте, раскрыта специфика использования GR-технологий лоббистами на национальном и наднациональном уровне в странах Европейского Союза. Научно-исследовательский подход основывается на использовании методов сравнительного анализа социологической информации, экспертных оценок, научного обобщения и синтеза. Основным методом исследования является социологический опрос. Выборка: 600 респондентов в странах Европейского Союза (выборка репрезентативна, статистическая погрешность 2,5%). Характеристика выборки: многоступенчатая, квотная выборка с применением на завершающем этапе ее формирования и реализации вероятностного отбора респондентов.

Анализируются данные социологического исследования воздействия информации на результативность принятия управленческих решений

* Большакова Юлия Михайловна, e-mail: 82abdulaeva@rambler.ru

** Большаков Сергей Николаевич, e-mail: snbolshakov@mail.ru

лоббистами в странах Восточной Европы и Прибалтики, оценки эффективности различных политических акторов-лоббистов.

Система власти в Европейском союзе многоуровневая, лоббизм осуществляется при сильной конкуренции различных групп интересов. К слову, российский бизнес слабо осведомлен о возможности и механизмах отстаивания своих интересов на уровне ЕС и не использует этот инструмент.

Институтами власти ЕС, являющимися центрами работы лоббистов, являются Европейский совет, Совет министров, Европарламент и Еврокомиссия.

При ответе на вопрос об отношении к профессиональной прозрачности процесса лоббирования приблизительно каждый четвертый из пяти респондентов сказал, что бизнес, торговые ассоциации и профессиональные организации прозрачны в своем подходе к процессу политико-административного лоббирования, при этом только каждый пятый отметил данный фактор в отношении компаний. Респонденты явно выражают поддержку демократизации и открытости политического процесса, который является транспарентным для различных представителей и групп интересов, при этом от лоббистов ожидается, что они будут открытыми в отношении представляемых ими интересов. Неясно определяемые интересы или недостаток прозрачности назывались самыми отрицательными аспектами лоббирования.

Таким образом, многие эксперты констатировали, что успешное лоббирование может изменить состояние общественной среды и социально-политических отношений. Тогда как неудачное лоббирование заканчивается только негативными публикациями в СМИ и информационным шумом.

Анализ, проведенный в статье, показывает, что опасения по поводу прозрачности процесса лоббирования сменились другими опасениями: что предоставляемая информация не является нейтральной, а ангажирована определенными группами влияния, и что лоббирование уделяет чрезмерное внимание интересам элит и богатых слоев населения (такую точку зрения поддерживает каждый третий респондент). Однако относительно положительных аспектов процесса лоббирования респонденты ясно указали обеспечение участия представителей групп бизнеса и социально-экономической сферы, граждан в политическом процессе (половина опрошенных) и использование актуальной технической и научной информации с соответствующей запросам лоббистов и групп влияния на информацию (поддерживает каждый третий респондент).

Таким образом, подводя итоги сказанного выше следует отметить, что на вопрос, какие группы соответствуют определению “лоббист”, две трети опрошенных респондентов назвали торговые ассоциации, среди других, наиболее популярных ответов были агентства по воздействию на государственную политику (58%) и профессиональные организации (57%). Неправительственные организации были названы лоббистами более, чем половиной респондентов (51%), а компании — менее, чем половиной (47%). Профсоюзы считают лоббистами всего 40% респондентов.

Ключевые слова: лоббизм, политический процесс, власть, информационные ресурсы, коммуникации, государственное управление, интересы.

This article analyzes the phenomenon of lobbying as a form of communication of public authorities, business and socio-political actors. The article based on the evaluation results of a poll presents a generalized picture of the functioning of lobbyists on the political landscape, disclosed the specifics of the use of GR-tech lobbyists at national and supranational level in the European Union. Analyzed data from a sociological study of the impact of information on the effectiveness of management decision-making by lobbyists in Eastern Europe and the Baltic States, evaluate the effectiveness of various political aktor-lobbyists.

The system of power in the EU multi-level, lobbying is carried out with a strong competition between different interest groups. By the way, the Russian business poorly informed about the possibilities and mechanisms to defend their interests at EU level and does not use this tool.

Institutes of the EU authorities, is the center of the work of lobbyists are the European Council, the Council of Ministers, the European Parliament and the European Commission.

With regard to professional lobbying transparency of the process, about one in four out of five respondents said that business, trade associations and professional organizations are transparent in their approach to the process of political and administrative lobbying, while only one in five said this factor in relation to companies.

Respondents clearly express support for democratization and openness of the political process, which is transparent to the various representatives and interest groups, and the lobbyists are expected to be open about their interests represented. It is not clear defined interests or lack of transparency called the most negative aspect of lobbying. Thus, many experts noted that the successful lobbying can change the state of the social environment and the socio-political relations. When both unsuccessful lobbying ends only negative publications in mass media and information noise.

The analysis conducted in the article shows that concerns about the transparency of the lobbying process gave way to other concerns: that the information provided is not neutral and engaged by certain pressure groups, and that lobbying pays excessive attention to the interests of elites and wealthy segments of the population (this view supports every third respondent). However, with respect to the positive aspects of the lobbying process, respondents clearly indicated to ensure the participation of representatives of business groups and socio-economic sphere of citizens in the political process (half of the respondents) and the use of relevant technical and scientific information corresponding to the needs of lobbyists and interest groups to information (supports every third respondent).

Thus, summing up the above, it should be noted that the question of which groups meet the definition of "lobbyist" sixty respondents called trade associations, among others, the most popular answers were the agency to influence the public policy (58%) and professional organizations (57%). Non-governmental organizations were called lobbyists more than half of respondents (51%), and the company – less than half (47%). Trade unions are considered lobbyists only 40% of respondents.

Keywords: *lobbying, political process, power, information resources, communication, government, interests.*

Лоббизм, имея экономическую основу, достаточно распространен как общественно-политическое явление в различных странах мира. Это важная составляющая политического процесса, институциональный, нормативный, коммуникационный, социокультурный элемент, при оценке которого важен комплексный подход. Существовая в большинстве стран, во многих он юридически не признан, а в ряде — запрещен. Это своего рода архетип технологии давления, политологическая интерпретация которого весьма плюралистична¹. Нельзя не согласиться с А.А. Васецким, что лоббистские организации выполняют функцию посредника между гражданами и государством². Категории “группы интересов”, “группы давления”, “группы влияния” и “лобби” представляют единый понятийный ряд, оттеняя различные аспекты одного и того же явления — представительства и организации различных групп людей по экономическим, особенно корпоративным, интересам. Общественно-политические организации также могут реально выполнять лоббистские функции, не будучи профессиональными лоббистами³.

Общественное представление отдельных экономических интересов в Европе укрепляет процесс дифференциации лоббистского ландшафта, если особенно наблюдается рост трансграничных бизнес-интересов. Если сильны разногласия между мелкими и средними компаниями и крупным бизнесом на национальном уровне, то зачастую это сопровождается консолидацией интересов крупных компаний из разных стран на едином европейском уровне, что говорит о пролиферации⁴.

Количество лоббирующих организаций, зарегистрированных в Брюсселе, увеличилось с 2221 до 2542 в период с 1996 по 2007 г.⁵ В частности в группе “профессиональные ассоциации” (рост +59%), “группы интересов” (+188%), “национальные ассоциации” (+53%), “международные организации” (+38%), “регионы” (+78%) и “аналитические мозговые центры” (+746%) наблюдается значительный рост, а в подгруппах “юристы и лоббистские фирмы” (–10%), “пред-

¹ Малько А.В. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 58–65.

² Васецкий А.А. Лоббизм в политическом процессе современной России // Управленческое консультирование. СПб., 2008. С. 80–97.

³ Зудочкина А.А. Связи с общественностью по-итальянски: особенности и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 3. С. 46–53.

⁴ Barron A. The impact of national business cultures on large firm lobbying in the European Union: evidence from a large-scale survey of government affairs managers // Journal of European Integration. 2011. Vol. 33. N 4. P. 487.

⁵ Berkhout J., Lowery D. Short-term volatility in the EU interest community // Journal of European Public Policy. 2011. Vol. 18. N 1. P. 1.

ставители корпораций” (–11%), “подразделения PR крупных корпораций” (–11%)⁶.

Особенности экономических и политических отношений ЕС в целом и лоббистские практики в частности определяются прежде всего исключительной сложностью системообразующих политических структур и наднациональных институтов Евросоюза. Множественность самостоятельных политических акторов, взаимодействующих как на межнациональной, так и наднациональной основе, соответственно обуславливает весьма своеобразную систему отношений, которые, имея определенные черты иерархии, в основном функционируют на согласительной основе, как сложная сетевая структура⁷.

Система власти в Европейском союзе многоуровневая, лоббизм осуществляется при сильной конкуренции различных групп интересов. К слову, российский бизнес слабо осведомлен о возможности и механизмах отстаивания своих интересов на уровне ЕС и не использует этот инструмент.

Институтами власти ЕС, являющимися центрами работы лоббистов, являются Европейский совет, Совет министров, Европарламент и Еврокомиссия. Примечательно, что в Брюсселе лоббисты обладают куда большим влиянием, чем в политических культурах государств-членов.

Работа лоббистов осуществляется на всех этапах законотворчества, что означает возможность исправления негативного результата деятельности на следующей стадии рассмотрения. Методы лоббирования в Европе имеют особенности: лоббизм ЕС носит долгосрочный и нежесткий характер.

Европейская власть дифференцирует различные группы интересов в зависимости от своей предрасположенности и в различной степени допускает их к принятию тех или иных решений. Примечательно для данной модели лоббизма, что его особенности в данном случае определяют не сами лоббисты, а носители власти.

Ряд специалистов⁸ проводит четкую границу между специалистами по связям с органами государственной власти (*GR-специалистами*) и лоббистами. Специалист в области *Government relations* —

⁶ A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. L., 2013. P. 7. URL: <http://lobbyingsurvey.eu>

⁷ Большаков С.Н., Большакова Ю.М. Социологические оценки эффективности феномена лоббирования в странах центральной и восточной Европы // Вестник общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. 2016. № 2. С. 92–111.

⁸ Малько А.В. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4; Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.

это, прежде всего, менеджер, который организует процесс работы с внешними политическими стейкхолдерами, отслеживает риски, при необходимости привлекая отраслевую организацию, консультационную фирму для реализации поставленных в органах государственной власти лоббистских задач. Например, американский исследователь Б. Вулп полагает, что “существенное отличие внутрикорпоративных специалистов по *GR* от специалистов, нанимаемых по контракту (*лоббистов*), состоит в том, что сотрудники корпорации получают заработную плату и представляют только одну организацию — своего работодателя. Корпоративный *GR*-специалист часто взбирается по корпоративной лестнице — отдел маркетинга, отдел продаж, головной офис, — а лоббист по контракту прокладывает свой путь в органах власти”⁹. Специалисту в сфере *GR* из корпоративного сектора бизнеса нет необходимости точно и обязательно знать тонкости политической конъюнктуры и быть участником кулуарных политических процессов, достаточно знать профильных политических стейкхолдеров, правила юридической техники и детали принятия законов, постановлений исполнительной власти, а также быть в курсе сложившейся в данный момент иерархии политических межличностных отношений. Ключевая задача специалиста в сфере *GR* состоит в том, чтобы найти и организовать процесс деятельности юристов и людей, которые это знают и умеют. Это не обязательно должны быть профессиональные лоббисты.

Функционально *GR*-менеджмент как часть более общей системы государственного менеджмента, бизнес-менеджмента раскрывается в стратегии развития организации, формирования организационной структуры, а также системой организационных коммуникаций, формально установленными в организации нормами и правилами, имеющимися в распоряжении организации ресурсами, принятой системой подбора персонала, выработанной в организации системой оценки работников и их поощрения, организационной культурой.

Решения в сфере частной политики будут находиться под сильным влиянием того, как бизнес воспринимает окружение публичной политики (*public policy environment*), равно как и от успехов и неудач в этом окружении. Возможности бизнеса включают в себя использование частной политики как политического инструмента сродни лоббированию или финансированию избирательных кампаний фирмами, создание социального капитала среди фирм и активистов, бросающих им вызов, и реконструкцию политических сфер через решения, принятые в частных, а не в публичных областях.

⁹ Wolpe B.C., Levine B.J. Lobbying Congress: how the system works. Washington, 1996.

Общественное мнение, по всей видимости, будет тогда иметь наибольшее влияние на механизмы принятия решения внутри бизнеса, когда мнения по проблеме в обществе расходятся, что вовлекает бизнес в поле политической борьбы и необходимости проектирования стратегий GR. В такой ситуации именно изменения общественного мнения по проблеме будут влиять на частную политику, оставляя угрозе государственного вмешательства роль второго плана. Это объясняется тем, что законодатели предпочитают не вмешиваться активно в проблемы публичных масс, насчет которых общество разделено, из опасения потерять часть своего электората.

В 2009 г. исследователи крупнейшего в мире коммуникационного и PR-агентства “Burson-Marsteller” в первый раз обратили внимание на усилия, предпринимаемые лоббистами в различных направлениях в европейских столицах тринадцати государств-членов ЕС. В последующих исследованиях этой фирмой анализировались новые рынки для усилий лоббистов, это новые пять государств-членов ЕС, семь из восьми центрально-европейских и восточно-европейских стран, вступивших в ЕС в 2004 г.¹⁰ Социологический опрос, проведенный специалистами агентства “Burson-Marsteller” в 2014 г., подкрепляет многие фактические данные из ранее полученных результатов включая усиленную поддержку прозрачности политических решений и процесса лоббирования, выраженную административными регуляторами и активными политическими деятелями. Интервью включало в себя основной набор из 22 вопросов, чтобы собрать качественные, “специализированные” данные по восприятию социально-политического феномена лоббирования и лоббистов. Интервью проводились онлайн или по телефону. Интервьюируемые респонденты являются действующими политическими деятелями (члены Национальных парламентов, Европейского парламента) и высших должностных лиц национальных правительств и европейских официальных учреждений. Всего было проведено почти 600 интервью в странах Европы¹¹.

Социологические исследования феномена лоббизма, проведенные специалистами агентства “Burson-Marsteller” в 2013–2014 гг.¹², выявили активную поддержку респондентами создания обязатель-

¹⁰ Burson-Marsteller’s guide to effective lobbying in Europe. 2009. URL: <http://www.burson-marsteller.com>

¹¹ Ibid.

¹² A guide to effective lobbying in Europe... P. 70; A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. 2014. P. 70. URL: <http://lobbyingsurvey.eu>

ного общеевропейского реестра лоббистов, особенно в сосредоточении политического общеевропейского центра ЕС — Брюсселе, где обязательную регистрацию поддержали 90% опрошенных респондентов, данный тезис поддержали 75% респондентов во всей Европе. Также интересно отметить рост прозрачности политических решений и процесса лоббирования во внутренней культуре общественных организаций: 89% лиц, принимающих решения на уровне ЕС, сообщают своему руководству о любой встрече с лоббистами; среднее количество в Европе немного ниже — 50% респондентов.

В процессе социологического опроса политиков и экспертов из Чехии эксперты “Burson-Marsteller”, выявили следующее¹³. Большинство респондентов (88%) считали, что в Чешской Республике лоббирование регулируется недостаточно. По мнению большинства респондентов, частный бизнес и крупные компании хорошо понимают процедуры и процесс выработки политических решений, их реализации. Респонденты посчитали, что самым отрицательным аспектом лоббирования является его потенциальная возможность неблагоприятно влиять на демократический процесс — каждый третий респондент указал это, как свое главное опасение. На вопрос о положительных аспектах лоббирования всего 6% респондентов (в среднем по Европе — 20%) указывали возможность поднять вопрос о важности проблемы на местном или национальном уровнях.

Относительно низкий процент опрошенных (15%) указал, что считают профсоюзы лоббистами (по сравнению со средним показателем в 40% по Европе). Наблюдались также значительно более низкие показатели для торговых ассоциаций (27%, в среднем по Европе — 66%) и неправительственных организаций (25% против 51%). Показатели для всех групп лоббистов были ниже, чем в среднем по Европе.

Респонденты в Чешской Республике ниже оценивали прозрачность и открытость почти всех групп лоббистов, по сравнению с показателями для Европы. Например, всего 37% указывали торговые ассоциации, как “прозрачные” или “очень прозрачные”, тогда как в среднем по Европе было 65%. Как показывают ответы респондентов, настрой элиты соориентирован на необходимость принятия закона и создания реестра лоббистов как единственного способа узнать, кого они представляют.

¹³ A guide to effective lobbying in Europe. The View of Policy-Makers. “Burson-Marsteller”. 2014. P. 7.

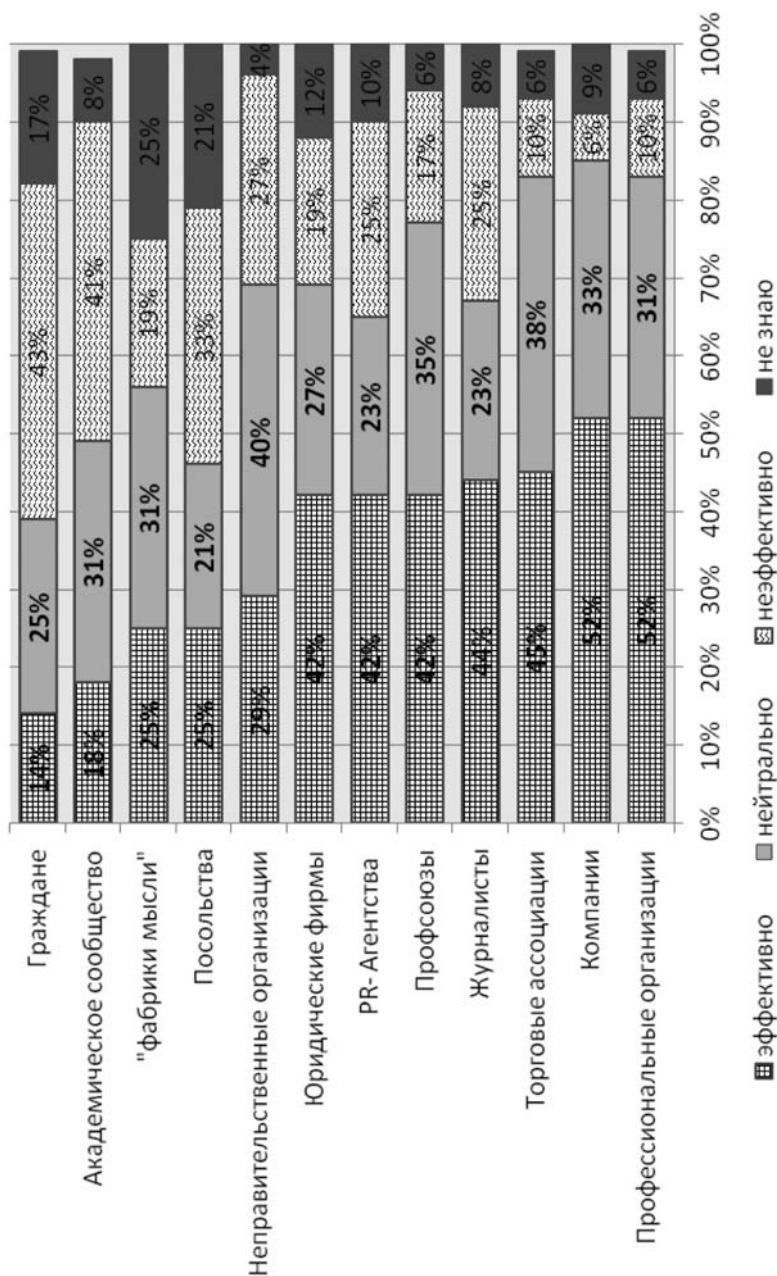

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос "Как Вы оцените эффективность лоббирования следующих организаций?" (Чешская республика, 2014 г.)

Подавляющее большинство респондентов (88%) считали, что в Чешской Республике лоббирование регулируется государством недостаточно эффективно. Однако менее, чем каждый шестой респондент, посчитал, что государственное регулирование сферы лоббизма может улучшиться в течение ближайших трех лет.

В отличие от общей тенденции в исследовании, в Чешской Республике неправительственные организации, НКО считались более эффективными лоббистами в своих усилиях всего одной третью респондентов. Большинство респондентов считали, что бизнес и частные компании прекрасно осознают и хорошо понимают политический процесс.

Результаты же социологического опроса политиков и лоббистов в Эстонии показали¹⁴, что недостаток прозрачности процесса лоббизма указан как самый отрицательный аспект лоббирования. Эстонские респонденты желают открыто публиковать информацию о своих встречах с лоббистами, информировать общественность о целях и результатах лоббирующих усилий.

Встречи с представителями лобби бизнеса и промышленных отраслей оценены респондентами как самый полезный источник информации (80%), среди наиболее используемых информационных и медиа-источников выше всех оценен респондентами *Twitter* — 73%. 53% опрошенных из сферы лоббистов Латвии считают, что обеспечение участия бизнеса и социально-экономических акторов и граждан в политическом процессе является самым положительным аспектом процесса лоббирования, при этом возможность акцентировать вопросы о важности общественно-политических проблем на местном или национальном уровнях не считалась столь важной, как в других европейских странах (7%). Треть респондентов отметила, что наиболее отрицательным аспектом лоббирования является отсутствие прозрачности в действиях участников рынка лоббистов, и еще одна треть отметила, что концентрация чрезмерного внимания на политико-экономических интересах элит и наиболее обеспеченных является негативным фактором лоббирования. 93% респондентов в Латвии согласились, что реализация принципов информационной открытости и транспарентности, прозрачности профессиональных действий лоббистов полезно для развития политического процесса и дальнейшей демократизации участия.

¹⁴ A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. 2013. P. 70; A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. 2014. P. 70.

Рис. 2. Результаты ответа на вопрос “Как Вы оцените эффективность лоббирования следующих организаций?” (Латвия, 2014 г.)

В Латвии 80% опрошенных из сферы лоббистов указали, что неправительственные организации точно соответствуют критериям лоббирующей организации, что существенно больше среднего показателя по Европе (51%). Торговые ассоциации, PR-агентства по воздействию на государственную политику, консалтинговые и профессиональные организации также были указаны респондентами как явные лоббисты, с гораздо большим перевесом показателя, чем в среднем по Европе. Посольства считались лоббистами 53% опрошенных, что значительно выше, чем процент таких же ответов по сравнению с другими европейскими странами.

В отношении профессиональной прозрачности процесса лоббирования приблизительно каждый четвертый из пяти респондентов сказал, что бизнес, торговые ассоциации и профессиональные организации прозрачны в своем подходе к процессу политико-административного лоббирования, при этом только каждый пятый отметил данный фактор в отношении компаний.

Хотя респонденты и отметили, что процесс лоббирования в Латвии регулируется государством и обществом недостаточно, они считают, что в ближайшие годы ситуация может улучшиться. Однако относительно эффективности и полезности действий лоббистов, их желания сформировать требования к реестру лоббистов, обязательности занесения акторов в этот реестр мнения респондентов разделились.

Как “корпоративный” сектор, так и неправительственные организации были оценены респондентами как эффективные в лоббировании в областях сельского хозяйства, финансовых услуг, при этом лоббирующие действия “корпоративного” сектора также были высоко оценены в сфере энергетики. Было интересно отметить, что 60% респондентов указали, что “корпоративный” сектор часто не понимает существо политического процесса и вступает в активную фазу общественных обсуждений, юридической техники принятия решений или слишком рано или слишком поздно, он функционально не эффективен как GR-менеджер, тогда как НКО и неправительственные организации критиковались за то, что основывают свои положения в основном на эмоциональной оценке, а не на фактах.

Встречи с представителями бизнеса и промышленного сектора респонденты оценили как самый полезный источник информации (80%). Две трети респондентов указали в качестве полезного информационного источника встречи с представителями неправительственных организаций, и такое же количество — личные контакты и сети знакомств.

Нельзя не отметить, что Латвия (впрочем как и Литва и Эстония) стоит на первом месте в Европе по изучению количества языков общения. Что касается вопроса использования в процессе лоббирования популярных онлайн и медиа-источников, то первое место в этом качестве по ответам респондентов занял *Twitter* (73%), далее следовали специальные новости, научные и образовательные веб-сайты. 93% респондентов указали, что они читают цифровые источники на трех языках — на своем родном языке, на английском и на другом языке.

Исследуя аудиторию лоббистов Литвы¹⁵, эксперты “Burson-Marsteller” отмечали, что почти половина респондентов (47%) считают, что процесс лоббирования в Литве регулируется обществом и государством недостаточно.

Оборонные предприятия указывались как наименее эффективные лоббисты в частном секторе. Большинство респондентов указы-

¹⁵ A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. 2014. P. 70. URL: <http://lobbyingsurvey.eu>

вали, что частные компании и бизнес хорошо понимают процесс выработки политики и способны содействовать поиску общественного консенсуса.

Всего 12% респондентов в Литве назвали профсоюзы эффективными лоббистами (в среднем по Европе – 40%), при этом относительно высокий процент опрошенных (44%) выделили высокий профессиональный уровень лоббистов юридических фирм. Деятельность профсоюзов по повышению прозрачности процесса лоббирования также относительно низко была оценена литовскими респондентами по сравнению с мнением сообщества лоббистов Европы.

Как и большинство представителей лоббистов стран Европы, в Литве также считают, что процесс лоббирования регулируется недостаточно. Приблизительно половина респондентов (47%) считает, что лоббирование регулируется недостаточно и при этом пятая часть считает, что текущее регулирование государством и обществом процесса лоббирования вполне достаточно.

Информационная открытость литовских лобби находится на среднем уровне: так приблизительно треть респондентов или упоминает или систематически информирует на своих вебсайтах о контактах и встречах с лоббистами, что больше, чем в среднем по показателям Европы. В качестве основной причины согласия на личный и бизнес-контакт с лоббистом указывалось обязательство реагировать на все поступающие запросы (56%), но только очень маленькая часть респондентов (3%) считает, что контакт с лоббистом – это обычная составляющая консультационного процесса.

В отличие от общей картины, неправительственные организации считаются достаточно эффективными лоббистами, GR-менеджерами, такие позиции отметила почти треть респондентов – 28%. Предприятия оказались наименее эффективными лоббистами, “корпоративный” сектор оценен как “эффективный” или “очень эффективный” всего 15% респондентов.

Большинство респондентов в Литве, в отличие от респондентов многих других стран, участвовавших в этом опросе, указало, что частные компании прекрасно разбираются в политическом процессе и процедурах выработки общего политического курса. И только 9% респондентов критиковали “корпоративный” литовский сектор за непонимание процесса и процедур.

Аспект лоббирования, наиболее высоко ценимый респондентами в Эстонии, – это то, что оно обеспечивает участие представителей социально-экономических структур и граждан в политическом процессе – так считают 60% респондентов (в среднем по Европе – 37%).

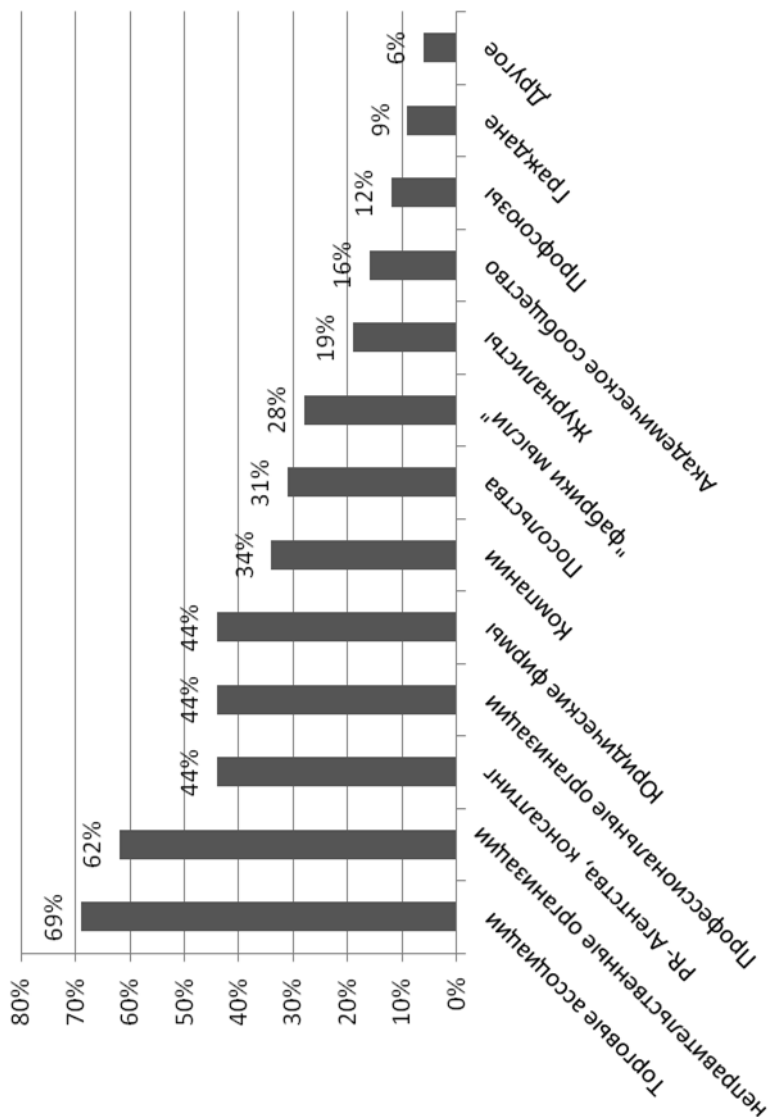

Рис. 3. Результаты ответа на вопрос «Какие группы, по Вашему опыту, больше соответствуют описанию “лоббиста”?» (Литва, 2014 г.)

Респонденты явно выражают поддержку демократизации и открытости политического процесса, который является транспарентным для различных представителей и групп интересов, при этом от лоббистов ждут, что они будут открытыми в отношении представляемых ими интересов.

Неясно определяемые интересы или недостаток прозрачности оценивались респондентами из Эстонии как самые отрицательные аспекты лоббирования: респонденты из Эстонии оказались самыми равнодушными в отношении прозрачности, 60% из них считали это самым отрицательным аспектом процесса лоббирования (в среднем по Европе — 26%). Все респонденты в Эстонии соглашались, что профессиональное, этичное и прозрачное лоббирование способствует развитию политического процесса и его дальнейшей демократизации (в среднем по Европе — 89 % респондентов).

Поскольку открытость и прозрачность процесса лоббирования — особо важная и деликатная тема для политиков Эстонии, то сами респонденты достаточно открыты в том, что касается встреч с лоббистами. Если говорить о необходимости сообщать о встречах политиков с лоббистами руководству, то показатели по Эстонии были ниже средних показателей для Европы: 40% респондентов из Эстонии считают обязательным это делать (в среднем по Европе — 43%), а 87% эстонских респондентов посчитали возможным по необходимости или по специальному запросу публиковать информацию о своих встречах и контактах с лоббистами (в среднем по Европе ответивших подобным образом было всего 37%). 53% респондентов в Эстонии иногда публикуют на своем сайте информацию о своих встречах с лоббистами, что почти в три раза больше, чем в среднем по Европе — 18%.

67% респондентам из Эстонии приходилось отказываться от встречи с лоббистом. Самыми важными факторами в принятии решения касательно встречи с лоббистом являлись “прозрачность лоббиста” (93%), “подготовленность лоббиста” (87%), а также “интерес к теме встречи” (80%).

Таким образом, многие эксперты “Burson-Marsteller” констатировали, что успешное лоббирование может изменить состояние общественной среды и социально-политических отношений, тогда как неудачное лоббирование заканчивается только негативными публикациями в СМИ и информационным шумом.

Анализ полученных результатов показывает, что в Венгрии 75% респондентов считают торговые ассоциации самыми эффективными лоббистами и GR-менеджерами, такое же количество респондентов указывает, что лоббирование в их стране регулируется недостаточно и нуждается в усилении форм государственного и/или надгосударственного контроля.

Согласно результатам проведенного социологического опроса, большинство респондентов в Венгрии считают, что самыми положительными аспектами процесса лоббирования является обеспечение участия заинтересованных сторон в политическом процессе и предоставление регуляторам своевременной и полезной информации о целях и задачах лоббистов.

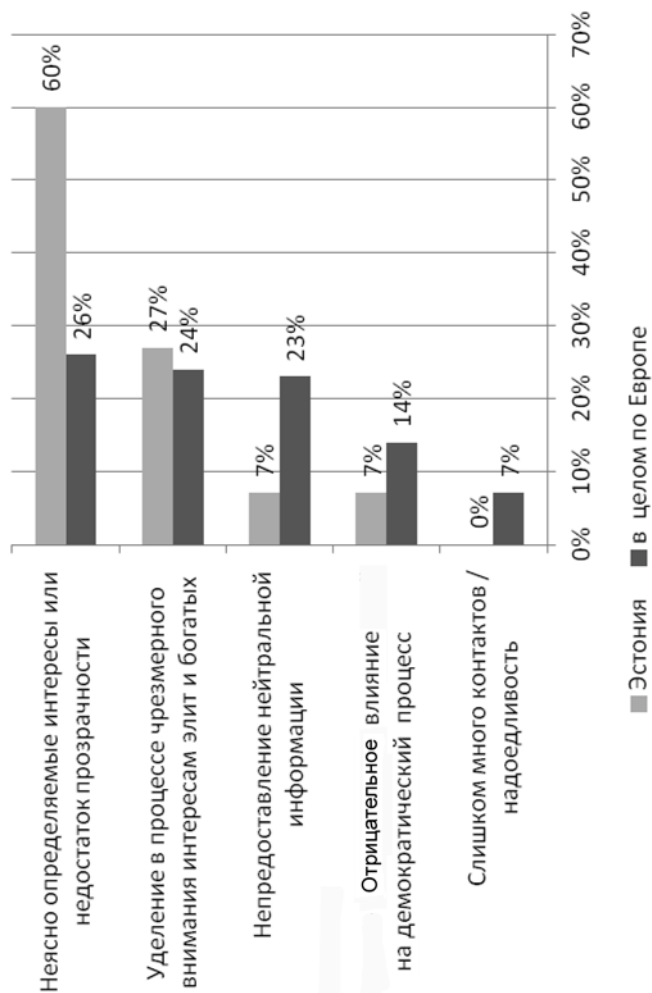

Рис. 4. Результаты ответа на вопрос “Каковы, как Вы считаете, отрицательные аспекты лоббирования” (Эстония, 2014 г.)

Отказывались ли Вы когда-либо от встречи с лоббистом?

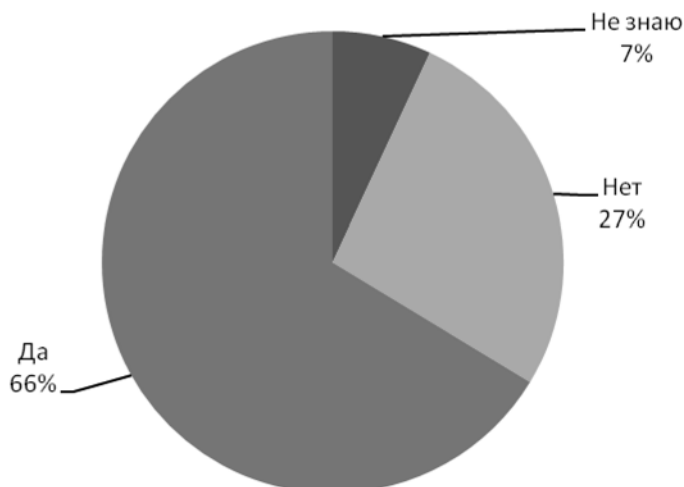

Рис. 5. Результаты ответа на вопрос “Отказывались ли Вы когда-либо от встречи с лоббистом?” (Эстония, 2014 г.)

При этом респонденты считают, что успех процесса лоббирования находится в зоне определенного риска, когда в политико-административном процессе чрезмерное внимание уделяют определенным сегментам общества, таким как элиты и наиболее богатые слои общества, это является самым отрицательным аспектом лоббирования для 40% респондентов в Венгрии (в среднем по Европе – 24%).

75% респондентов в Венгрии считают, что процесс лоббирования в их стране недостаточно регулируется, но больше половины не знали, будут ли улучшения регулирования в течение ближайших трех лет. Респонденты указали, что они, скорее всего, будут налаживать личные и деловые контакты с лоббистом, если рассматриваемый вопрос будет в области их специализации, а лоббист будет открыт и понятен, “прозрачен” в отношении представляемых им интересов. Торговые ассоциации оценивались как самые эффективные лоббисты, а PR-агентства по воздействию на государственную политику – как самые “прозрачные” (55% респондентов назвали их “транспарентными” или “очень транспарентными”; в среднем по Европе этот фактор набрал 42%).

“Корпоративные” лоббисты считались особенно эффективными в секторе финансовых услуг и секторе потребительских товаров. НКО и общественные организации были оценены как самые эффективные в деле защиты прав человека, охраны окружающей среды, социальных проблем и в спорте.

Мнения респондентов относительно плохих методов лоббирования, часто встречающихся среди “корпоративных” лоббистов и лоббистов неправительственных организаций, совпали, особенно в отношении недостатка прозрачности и того, что их действия часто основываются на эмоциях, а не на фактах.

В отличие от респондентов большинства европейских стран, 60% венгерских респондентов отметили, что полезную для своей работы информацию они находят при помощи социальных сетей, личных знакомств, бизнес-контактов и встреч, документов национальных властей и учреждений ЕС.

Среди используемых лоббистами СМИ и медиа-источников респонденты особо выделили научные и образовательные вебсайты (65%), блоги (55%) и *Wikipedia* (45%), т.е. данные информационные источники считаются самыми полезными в плане предоставления респондентам необходимой информации.

Польские респонденты считают особенно важным создание и ведение обязательного реестра лоббистов: 87% из них считают, что такой реестр будет весьма полезен и эффективен как инструмент регулирования. Такие ключевые факторы, как прозрачность (73%), публичная регистрация (60%) и налаживание личного контакта во время процесса консультации (73%) являются определяющими при принятии решения о встрече с лоббистами и группами влияния. Всего 30% респондентов оценили PR-консультации по воздействию на государственную политику как необходимые инструменты лоббирующего воздействия.

Прозрачность процесса лоббизма признается как очень важная проблема в Польше, это одна из немногих стран в Европе, где регулирование процесса лоббирования признается обязательным. В 2009 г. проблемы с “дефицитом прозрачности” процесса лоббирования признавали 90% респондентов Польши, а это намного больше, чем в других странах. В 2014 г. всего 20% респондентов указали, что это самый негативный аспект национального лоббирования.

73% польских респондентов оценили транспарентность как важный фактор при принятии решения о личном контакте с лоббистом, и уровень данного показателя в Польше является самым высоким по сравнению с другими европейскими странами. Половина опрошенных польских политиков (почти вдвое больше, чем в среднем по Европе) считает, что лоббирование регулируется достаточно. Всего 27% ожидают улучшений в регулировании процесса лоббирования в течение ближайших трех лет.

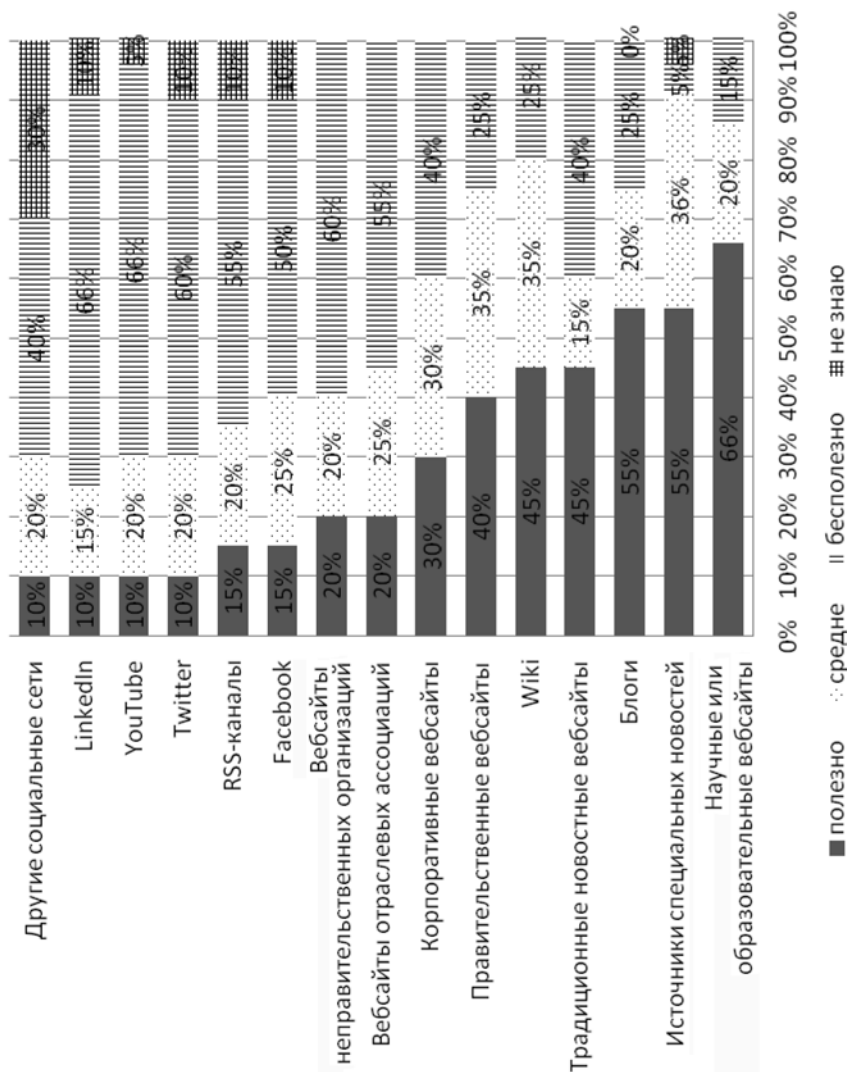

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос “Насколько каждый из следующих ресурсов помогает Вам получать информацию, необходимую для принятия обоснованных решений в Вашей работе?” (Венгрия, 2014 г.)

Однако следует отметить, что опасения по поводу прозрачности процесса лоббирования сменились опасениями, что предоставляемая информация не является нейтральной, а ангажирована определенными группами влияния (такие опасения в Польше высказали 43% опрошенных, что больше, чем где-либо еще в Европе), и что

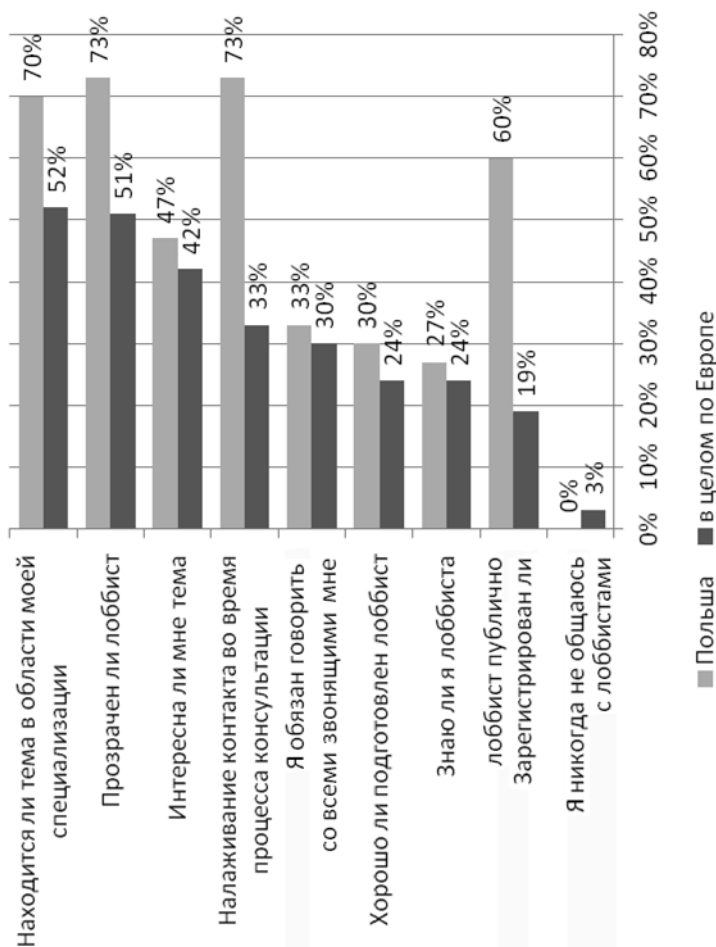

Рис. 7. Результаты ответа на вопрос “Какой из следующих факторов повлиял бы на Ваше решение касательно того, разговаривать с лоббистом или нет?” (Польша, 2014 г.)

лоббирование уделяет чрезмерное внимание интересам элит и богатых слоев населения (30%). Что касается положительных аспектов процесса лоббирования, то респонденты четко обозначили среди них обеспечение участия представителей групп бизнеса и социально-экономической сферы, граждан в политическом процессе (50%) и использование актуальной технической и научной информации, соответствующей запросам лоббистов и групп влияния (33%).

В Румынии агентства по связям с общественностью, оказывающие определенное воздействие на публичную сферу и государственную политику, считаются самыми прозрачными и эффективными

лоббистами. В качестве плохого метода лоббирования обычно указывался недостаток транспарентности и прозрачности. Почти две трети респондентов ожидают введения новых регуляционных правил процесса лоббирования в течение ближайших трех лет. В Румынии количество групп влияния, которые считают представителями сферы лоббистов, довольно незначительное. PR-агентства по оказанию воздействия на публичную сферу и политический процесс чаще всего указывались в качестве непосредственных лоббистов (70% респондентов), за ними следовали неправительственные организации (60%) и бизнес-компании (45%).

Респонденты Румынии реже, чем респонденты других стран Европы, оценивали торговые ассоциации в качестве представителей сферы лоббистов: всего 30% считают их лоббистами (в среднем по Европе – 66%). Данные группы в Румынии также считались менее прозрачными и эффективными, чем в других европейских странах.

В Румынии успешный подход в реализации процесса лоббирования основан на честности, прозрачности и настойчивости в достижении целей, что определяет технологический процесс лоббизма, в отличие от стратегических задач GR-менеджмента.

Согласно мнению респондентов из Румынии, агентства по связям с общественностью, оказывающие определенное воздействие на публичную сферу и государственную политику, имеют положительную репутацию, они оценены респондентами как самые прозрачные и открытые (40% считают их профессиональную деятельность “прозрачной” или “очень прозрачной”) и самые эффективные (55% считают их “эффективными” или “очень эффективными”) лоббисты.

Самые распространенные проблемы “корпоративного” сектора бизнеса и сектора неправительственных организаций, по мнению респондентов, кроются в недостатке информационной открытости и прозрачности (соответственно 50% и 40%) и в непонимании содержания и значимости политического процесса (соответственно 40% и 30%). Неправительственные организации, как отметили респонденты из Румынии, часто основывают свою деятельность на оценке эмоциональной стороны процесса, а не на фактах (30%). С частным сектором бизнеса у респондентов ассоциируется чрезмерная агрессивность и продвижение индивидуальных стратегий и интересов, что воспринимается обществом как неэтичная мотивация (соответственно оба показателя набрали по 30%).

Среди респондентов из Румынии только 10% считают, что процесс и процедуры лоббирования на национальном уровне регулируется достаточно хорошо (по сравнению с 28% в среднем по Европе). Однако 65% респондентов уверены, что в течение ближайших трех лет в этом отношении произойдут улучшения (в среднем по Европе – 38%).

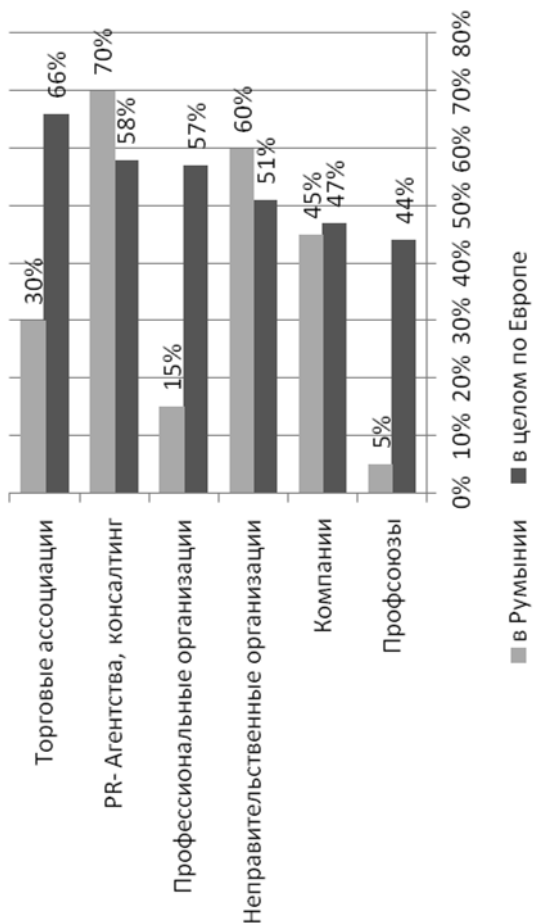

Рис. 8. Результаты ответа на вопрос «Какие группы, по Вашему опыту, больше соответствуют описанию “лоббиста”?» (Румыния, 2014 г.)

Таким образом, подводя итоги сказанного выше следует отметить, что на вопрос, какие группы соответствуют определению “лоббист”, две трети опрошенных респондентов назвали торговые ассоциации. Среди других наиболее популярных групп были названы агентства по воздействию на государственную политику (58%) и профессиональные организации (57%). Неправительственные организации были названы лоббистами более, чем половиной респондентов (51%), а компании – менее, чем половиной (47%). Всего 40% респондентов считают профсоюзы лоббистами¹⁶.

На национальном уровне более, чем 90% респондентов считают лоббистами торговые ассоциации: в Эстонии так полагают 100% рес-

¹⁶ A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. “Burson-Marsteller”. 2013. P. 7. URL: <http://lobbyingsurvey.eu>

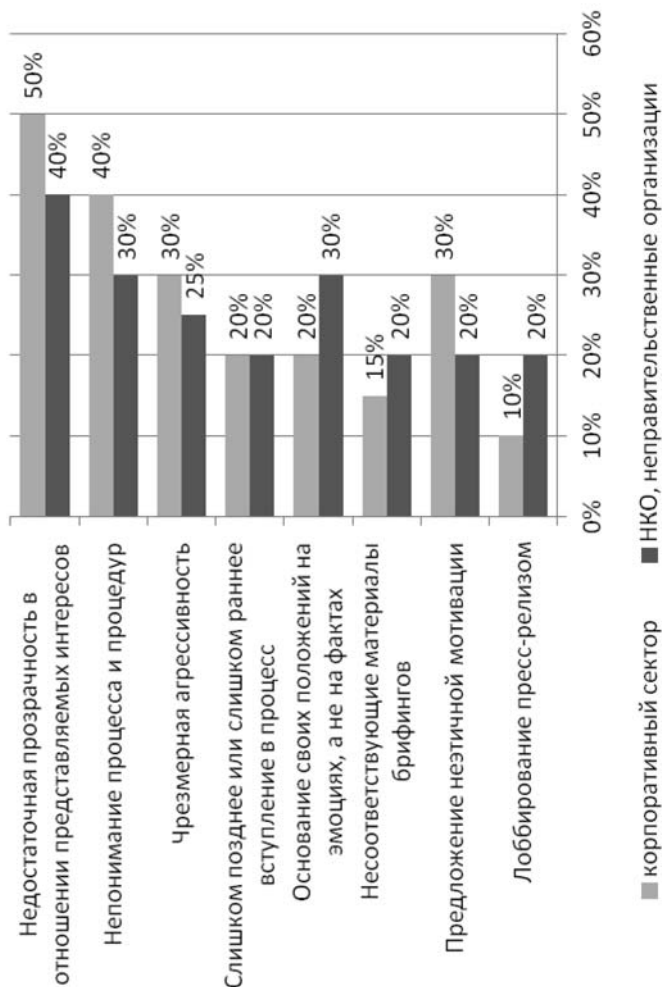

Рис. 9. Результаты ответа на вопрос «Выделите плохие методы лоббирования “корпоративного” сектора бизнеса и сектора неправительственных организаций» (Румыния, 2014 г.)

пондентов, Латвии – 93%. Разнообразные национальные агентства по общественным связям и воздействию на государственную политику в большем числе случаев воспринимаются как “лоббисты” в Эстонии (87%), Венгрии и Румынии (по 55%).

Неправительственные организации считаются гораздо более эффективными лоббистами в Эстонии (33%), Венгрии (30%), Латвии (40%), Литве (28%). Складывается представление, что в этих странах абсолютно все респонденты готовы считать лоббистами большое количество групп и акторов политического процесса.

В целом на уровне ЕС 73% респондентов посчитали, что профсоюзы явно являются институциональными лоббистами, и это

намного больше, чем число респондентов, ответивших подобным образом в среднем по отдельным странам Европы. Также нельзя не отметить, что общая оценка феномена лоббирования позволяет констатировать, что у респондентов самое большое опасение вызывает прозрачность социально-политического лоббирования, подчеркивается необходимость повышения роли государства в регулировании процесса лоббизма, наличие дефицита прозрачности процесса лоббирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большаков С.Н., Большакова Ю.М. Социологические оценки эффективности феномена лоббирования в странах центральной и восточной Европы // Вестник общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. 2016. № 2. С. 92–111.

Васецкий А.А. Лоббизм в политическом процессе современной России // Управленческое консультирование. СПб., 2008. С. 80–97.

Зудочкина А.А. Связи с общественностью по-итальянски: особенности и перспективы // Вестник Московского университета. Серия. Журналистика. 2009. № 3. С. 46–53.

Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 121–138.

Коданина А.Л. Связи с общественностью в органах государственной власти и управления // Социология власти. 2010. № 2. С. 218–227.

Лещенко Т.А. Связи с общественностью как системообразующий элемент субкультуры бизнес-сообщества: социологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4.

Лоббирование в демократическом обществе (Европейский кодекс поведения при лоббировании) // Доклад Комиссии по экономическим вопросам и развитию, Парламентская Ассамблея Совета Европы. URL www.scoe.int/t/parliamentary_assembly

Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США: о перспективах российского лобби в Америке. М., 2004.

Любимов А.П. Правовые институты демократии России и стран Европы. Выборы, лоббизм и парламентаризм. М., 1999.

Малько А.В. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 58–65.

Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.

Паппэ Я. Отраслевые лобби в правительстве России (1992–1996) // Pro et contra. 1996. Т. 1 (зима).

Перегудов С.П. Лоббизм российского крупного бизнеса в ЕС // МЭиМО. 2009. № 9. С. 49–63.

Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и Российское государство. М., 1999.

Перегудов С.П., Уткин А.И., Костяев С.С. Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы; Рос. акад. наук, Ин-т США и Канады. М., 2009.

Русаков А.Ю. Связи с общественностью в органах государственной власти: Учеб. пособ. для вузов. СПб., 2006.

Связи с общественностью: теория и практика. М., 2008.

Соловьев А.И. Политическая коммуникация. М., 2004.

Сулакишин С.С. Практика промышленного лоббизма. Как делать законы своими руками. М., 2001.

Толстых П.А. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания: структура, технологии, перспективы легитимации. М., 2006.

Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.

REFERENCES

A guide to effective lobbying in Europe. The view of policy-makers. "Burson-Marsteller". 2013. P. 7. URL: <http://lobbyingsurvey.eu>

Barron A. The impact of national business cultures on large firm lobbying in the European Union: evidence from a large-scale survey of government affairs managers // Journal of European Integration. 2011. Vol. 33. N 4. P. 487.

Berkhout J., Lowery D. Short-term volatility in the EU interest community // Journal of European Public Policy. 2011. Vol. 18. N 1. P. 1.

Burson-Marsteller's guide to effective lobbying in Europe. 2009. URL: <http://www.burson-marsteller.com>

Bol'shakov S.N., Bol'shakova Yu.M. Sotsiologicheskie otsenki effektivnosti fenomena lobbirovaniya v stranakh tsentral'noi i vostochnoi Evropy [Sociological assessments of the effectiveness of the phenomenon of lobbying in the countries of central and eastern Europe] // Vestnik obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. VTsIOM [Bulletin of public opinion: economic and social changes. VTsIOM]. 2016. N 2. S. 92–111.

Kanevskii P.S. Natsional'nye modeli lobbizma: tipy i mekhanizmy funktsionirovaniya [National models of lobbyism: types and mechanisms of functioning] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2013. N 3. S. 121–138.

Kodanina A.L. Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh gosudarstvennoi vlasti i upravleniya [Public relations in public authorities and government] // Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]. 2010. N 2. S. 218–227.

Leshchenko T.A. Svyazi s obshchestvennost'yu kak sistemooobrazuyushchii element subkul'tury biznes-soobshchestva: sotsiologicheskii aspekt [Public relations as a system-forming element of the subculture of the business community: the sociological aspect] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2010. N 4.

Lyubimov A.P. Pravovye instituty demokratii Rossii i stran Evropy. Vybory, lobbizm i parlamentarizm [Legal institutions of democracy in Russia and European countries. Elections, lobbyism and parliamentarism]. М., 1999.

Lobbirovanie v demokraticheskom obshchestve (Evropeiskii kodeks povedeniya pri lobbirovanii) [Lobbying in a democratic society (European Code of Conduct on lobbying)] // Doklad Komissii po ekonomicheskim voprosam i razvitiyu, Parlamentnaya Assambleya Soveta Evropy [Report of the Committee on Economic Affairs and Development, Parliamentary Assembly of the Council of Europe]. URL www.coe.int/t/parliamentary_assembly

Lozanskii E.D. Etnosy i lobbizm v SShA: o perspektivakh rossiiskogo lobbi v Amerike [Ethnoses and lobbying in the US: the prospects for the Russian lobby in America]. M., 2004.

Mal'ko A.V. Lobbizm [Lobbyism] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1995. N 4. S. 58–65.

Markuze G. Odnomernyi chelovek [One-Dimensional Man]. M., 2003.

Pappe Ya. Otrasleye lobbi v pravitel'stve Rossii (1992–1996) [Sectoral Lobby in the Government of Russia (1992–1996)] // Pro et contra [Pro et contra]. 1996. T. 1 (zima).

Peregudov S.P. Lobbizm rossiiskogo krupnogo biznesa v ES [Lobbyism of Russian big business in the EU] // MEiMO. 2009. N 9. S. 49–63.

Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. Gruppy interesov i Rossiiskoe gosudarstvo [Interest groups and the Russian state]. M., 1999.

Peregudov S.P., Utkin A.I., Kostyaev S.S. Lobbizm rossiiskogo biznesa v SShA i ES: evolyutsiya i perspektivy; Ros. akad. nauk, In-t SShA i Kanady [Lobbyism of Russian business in the US and the EU: evolution and prospects; Ros. acad. Sciences, Institute of the USA and Canada]. M., 2009.

Rusakov A.Yu. Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh gosudarstvennoi vlasti: Ucheb. posob. dlya vuzov [Public relations in public authorities: Proc. Help. for universities]. SPb., 2006.

Solov'ev A.I. Politicheskaya kommunikatsiya [Political Communication]. M., 2004.

Sulakshin S.S. Praktika promyshlennogo lobbizma. Kak delat' zakony svoimi rukami [Practice of industrial lobbyism. How to make laws with your own hands]. M., 2001.

Svyazi s obshchestvennost'yu: teoriya i praktika [Public relations: theory and practice]. M., 2008.

Tolstykh P.A. Lobbizm v Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya: struktura, tekhnologii, perspektivy legitimatsii [Lobbyism in the State Duma of the Federal Assembly: structure, technology, prospects for legitimization]. M., 2006.

Tolstykh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [Practice on lobbying in Russia]. M., 2007.

Vasetskii A.A. Lobbizm v politicheskom protsesse sovremennoi Rossii [Lobbyism in the political process of modern Russia] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative consulting]. SPb., 2008. C. 80–97.

Wolpe B.C., Levine B.J. Lobbying Congress: how the system works. Washington, 1996.

Zudochkina A.A. Svyazi s obshchestvennost'yu po-ital'yanski: osobennosti i perspektivy [Public Relations in Italian: Features and Prospects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University. A series of Journalism]. 2009. N 3. S. 46–53.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

С.О. Елишев, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ “МОЛОДЕЖЬ” В СОЦИОЛОГИИ

Elishev Sergey Olegovich, the candidate of sociological sciences, associate professor, associate professor of modern sociology of sociological faculty of the Moscow State University of a name of M.V. Lomonosov, e-mail: elishev@list.ru

YOUTH PROBLEMATIC AND APPROACHES TO THE DEFINITION OF “YOUTH” IN SOCIOLOGY

В данной статье автором рассматриваются особенности изучения молодежной проблематики в отечественной социологии в различные периоды российской истории: имперский, советский и постсоветский ее периоды. Автор анализирует, какое воздействие оказали на развитие отечественной социологии молодежи исторические особенности развития нашего общества, государства, научной мысли. Обращает внимание на малоизвестные работы и незаслуженно забытых классиков русской социально-политической мысли, проводивших крайне интересные и масштабные социологические исследования по молодежной проблематике.

Автор также рассматривает различные теоретические подходы к определению понятия “молодежь” в социологии. Характеризует три основных (социально-психологический, стратификационный, социокультурный) и менее распространенные (воспроизводственный, рискологический, тегаурусный, интеграционный и иные) подходы к определению молодежи. На его взгляд, наиболее удачным является интеграционный подход к определению молодежи, учитывающий психофизиологические и возрастные особенности, свойственные молодежи, ее место и функции в социальной структуре общества, групповые социокультурные ценности и интересы, ее участие в процессе жизнедеятельности общества, особенности самоидентификации и самоопределения. Автор определяет молодежь как социально-демографическую группу (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящуюся в своем развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно — в процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире. В то же время, молодежь, на его взгляд, является одной из самых слабозащищенных и уязвимых категорий населения, в силу отсутствия у значимой ее части соответствующих знаний, опыта и экономической независимости. Поэтому она является привлекательным объектом для манипулятивного воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности.

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

Автор отмечает перспективность масштабного изучения целенаправленного воздействия на молодежь различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих ее как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов.

Ключевые слова: молодежь, социализация, молодость, интеграционный подход, объект манипулятивного воздействия.

The features of studying youth problematic in domestic sociology during various periods of the Russian history (Imperial, Soviet and post-Soviet) are discussed in this article. The effect have made historical features of development of our society, state, a scientific thought on development of domestic sociology of youth are analyzed. Author pays attention to little known works and unjustly neglected classics of Russian socio-political thought, conducted a very interesting and large-scale sociological research on youth problematic. The author analyzes various theoretical approaches to the definition of "youth" in sociology. Describes three basic (socio-psychological, social, socio-cultural) and less common (reproductive, out risk assessment, thesaurus, integration and other) approaches to the definition of youth.

The author considers the integration approach to the definition of youth as the most successful which takes into account both psycho-physiological and age peculiarities, typical of young people, its place and function in the social structure, socio-cultural group values and interests, its participation in the life process of society, characteristics of identity and self-determination. The author defines young people as a socio-demographic group (the generation of people in the age range from 14 to 30 years) in their development of emerging and gaining social maturity, namely the acquisition of basic social roles and functions, life choices, self-determination, self-identity and awareness of their values and interests, its place in the world. At the same time, he considers young people as one of the most vulnerable category of the population, because of the lack of a significant part of the relevant knowledge, experience, and economic independence. Therefore, it is an attractive target for manipulative action of the various actors of the public life.

The author notes the prospect of a large-scale study focused on the impact on youth of different, not unique subjects of a public life, using her as an object of manipulation, as well as approbation of it political, socio-psychological technologies and experiments.

Keywords: youth, socialization, young age, integrative approach, object manipulative influence.

Одним из важных направлений в развитии современной российской социологии является изучение молодежной проблематики (как теоретико-методологического, так и практического характера), т.е. исследование в рамках социологии молодежи положения молодежи в современном российском обществе и мире, особенностей процесса социализации молодого поколения и осуществления молодежной политики в Российской Федерации.

Обращаясь к теоретико-методологическому аспекту социологического анализа молодежи, следует отметить, что до сих пор не

существует общепринятого определения понятия “молодежь”. Хотя сама молодежь является объектом изучения целого ряда социально-гуманитарных наук — психологии, педагогики, демографии, социологии, философии, права, политологии, истории. В рамках этих наук существуют различные традиции толкования этого понятия, зависящие от методик его изучения и принадлежности исследователя к той или иной научной школе. Понятие “молодежь” активно используется в политической риторике, а также в повседневной практике людей.

На развитие отечественной социологии молодежи большое влияние оказали исторические особенности развития нашего общества, государства, научной мысли.

В имперский период российской истории интерес к изучению молодежной проблематики был обусловлен развитием капиталистических отношений и системы образования, процессом социального расслоения, участием молодежи в политических процессах и ростом проявлений молодежного экстремизма, кризисом традиционной семьи как института социализации. При этом, как отмечает В.А. Луков, «на начальном этапе становления теорий молодежи социологические мотивы встречаются редко, они не обладают признаками теории и представляют собой главным образом отдельные аспекты других тем, разрабатываемых социологами. Таково, например, обращение Питирима Александровича Сорокина (1889–1968) к молодежной проблематике в статье “Кризис современной семьи” (1916): “молодое поколение” выделяется автором как общность со статусом “социализируемые”»¹. Помимо П.А. Сорокина среди российских социологов, так или иначе затрагивающих молодежную проблематику в подобном контексте в рамках своих исследований, следует отметить Н.И. Кареева, А.С. Изгоева, незаслуженно забытого современными исследователями в социологии молодежи Л.А. Тихомирова, А.А. Кауфмана, Е.П. Радина, Н.В. Сперанского. Также не лишним будет упомянуть работы, затрагивающие предметное поле социологии молодежи, психологов М.М. Рубинштейна, Н.А. Рыбникова, историка и экономиста В.В. Святловского, исследовавших положение, численный состав молодых рабочих на производстве экономистов-статистиков И.И. Янжула и С.В. Берштейн-Когана².

¹ Луков Вал.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 200.

² См., например: *Рубинштейн М.М.* Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915. № 3; *Рыбников Н.А.* Деревенский школьник и его идеалы: очерки по психологии школьного возраста. М., 1916; *Святловский В.В.* Студенческие переписи в России: краткий исторический очерк // Студенчество в цифрах: по данным Юрьевской переписи в 1907 году. СПб., 1909; *Янжул И.И.* Фабричный быт Московской губернии: отчет за 1882–1883 год фабричного ин-

Н.И. Кареев в рамках изучения системы и процесса образования в России в своей работе “Письма к учащейся молодежи о самообразовании”³ критиковал организацию университетского преподавания и, отмечая особенности отношения студентов к учебе, давал учащейся молодежи руководящие и практические советы по эффективному осуществлению процесса ее самообразования.

А.С. Изгоев занимался исследованием “интеллигентной молодежи”, ее статуса в современном ему обществе, проблем воспитания и взаимоотношения с родителями и окружающими, участия “интеллигентной молодежи” в революционных процессах. Отмечая отсутствие в семьях российской интеллигенции особого влияния родителей на детей, а часто и отсутствие духовной связи молодых людей с семьей, он констатировал значимое влияние ближайшего окружения молодых людей на процесс формирования их личности при обучении в средней школе и высших учебных заведениях⁴. Изучая как положительные, так и негативные характеристики современной ему российской “интеллигентной молодежи”, он констатировал явную неэффективность деятельности целого ряда агентов и институтов социализации, поскольку идеалом интеллигентного молодого человека по ходу данного процесса становился “профессиональный революционер, года два живущий тревожной, боевой жизнью и затем погибающий на эшафоте”⁵.

Л.А. Тихомиров, как бывший идеолог революционного движения в России, с охранительных позиций в ряде своих работ⁶ затрагивал вопросы, связанные с участием молодежи в политических процессах, в революционных экстремистских и террористических организациях, формированием ее духовно-нравственных идеалов и соответствия их национальным идеалам. Считая молодежную проблематику “вопросом о будущем страны”⁷, Л.А. Тихомиров выделял характерные особенности положения молодежи как особой социальной и возрастной группы, ее сильные и слабые стороны.

спектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1884; *Бернштейн-Коган С.В.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. Опыт статистического исследования. СПб., 1910.

³ См.: *Кареев Н.И.* Письма к учащейся молодежи о самообразовании. М., 2009.

⁴ См.: *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 103.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ См.: *Тихомиров Л.А.* Молодежь и ее учителя // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997; *Он же.* Что делать молодежи? // Тихомиров Л.А. Критика демократии; *Он же.* Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии; *Он же.* К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999.

⁷ *Тихомиров Л.А.* К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. С. 225.

Сильную сторону молодежи, на его взгляд, “составляют интенсивные нравственные побуждения. Но рядом с этим неизбежную слабую сторону всякой молодежи современной, как и прошлой и будущей, всегда составляет незрелость, а стало быть, и несамостоятельность умственная. Ни за эти хорошие, ни за эти плохие качества молодежь нельзя особенно ни хвалить, ни порицать, потому что, в конце концов, это дело возраста”⁸. Рассматривая молодежь как определенный объект воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, Л.А. Тихомиров с безусловно патерналистских позиций констатировал, что “молодежь не может вынести на своих плечах судьбы страны. Как бы ни была она высоко настроена, у нее все-таки нет ни достаточной подготовки, ни средств действия. Она не может не впадать в огромные ошибки в определении самого положения вещей и в нахождении средств выхода из него. Поэтому действительно инициативной роли учащаяся молодежь никогда и не имеет. Даже и ее роль в нашей революции, на вид такая громкая и решающая, в действительности была прежде всего лишь ролью орудия, подстрекаемого старшими поколениями”⁹. Современная ему молодежь, в особенности учащаяся молодежь, из “главного орудия денационализации России”¹⁰, ставшая таковой во многом благодаря деятельности различных деструктивных сил, должна была стать тем, “чем Россия до сих пор обладает так мало: русского образованного класса, действующего сознательно в направлении русских идеалов”¹¹.

Эмпирическими исследованиями учащейся российской молодежи занимались А.А. Кауфман и Е.П. Радин. А.А. Кауфман, например, в 1909 г. провел социологическое исследование среди студенческой молодежи (слушательниц петербургских высших женских Бестужевских курсов). Его интересовал социальный и духовный облик девушек-курсисток, их отношение к учебе, мотивация и сфера интересов, факторы, влияющие на формирование мировоззрения, ожидания и жизненные планы, быт и материальное положение¹². А.А. Кауфман констатировал огромное воздействие, которое оказывают на курсисток различные писатели и их книги (самый значимый из факторов, влияющих на формирование их мировоззрения). Относительно же представления курсисток о своем будущем, он

⁸ Тихомиров Л.А. Молодежь и ее учителя // Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 560–561.

⁹ Тихомиров Л.А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи. С. 225.

¹⁰ Там же. С. 232.

¹¹ Тихомиров Л.А. Что делать молодежи? С. 580.

¹² См.: Кауфман А.А. Русская курсистка в цифрах // Кауфман А.А. Сборник статей. М., 1915. С. 473–505.

пришел к выводу о невозможности разграничить “мечты, идеалы слушательниц, относительно их дальнейшего жизненного пути — и их чисто практические предположения, подсказанные заботой о хлебе насущном и ограниченностью применения женского труда”¹³, хотя в то же время отдельно выделил их стремление служить народу, как весьма характерной “для нашей учащейся молодежи, и особенно для русской учащейся женщины, у которой законная забота о насущном хлебе не успела выродиться в растлевающую мысль о карьере”¹⁴.

Е.П. Радин в 1912 г. провел масштабное социологическое исследование душевных настроений учащейся студенческой молодежи под эгидой Русского Общества Охраны Народного Здравия (комиссии по борьбе со школьными самоубийствами)¹⁵. Программа исследования подразумевала проведение масштабного самообследования (психологической и социологической самооценки) учащейся молодежи, выявление ее отношения к смыслу жизни, идеалам, той или иной личности, процессам образования и воспитания, институтам социализации, психологическим и социальным факторам, влияющим на формирование душевного настроения учащейся молодежи, степени разочарованности и потери веры в себя, самоубийствам.

Н.В. Сперанский, исследуя особенности процесса получения образования в России и за рубежом, активно критиковал существующую в России систему образования, обосновывая необходимость максимальной автономии университетов и ограничения вмешательства государства в их деятельность, одновременно с этим анализируя состав учащейся в вузах студенческой молодежи¹⁶.

Для идеологов марксизма в этот период, например, В.И. Ленина, рассматривавших молодежь в рамках классового подхода, с учетом ее классового расслоения, не как самостоятельную социальную группу, молодежь, прежде всего, представляла собой своеобразное средство-ресурс для осуществления революции с учетом ее активности и потенциала. В 1905 г. В.И. Ленин в своем письме А.А. Богданову и С.И. Гусеву писал: «Нужны молодые силы. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки не-

¹³ Там же. С. 501.

¹⁴ Там же. С. 504.

¹⁵ См.: Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. СПб., 1913.

¹⁶ Сперанский Н.В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914.

подвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодежи сотни кружков впередовцев и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, “кооптируйте” всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во “Вперед” “мягко” поправим). Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости»¹⁷.

Иными словами, можно в полной мере согласиться с В.А. Луковым в том, что в имперский период российской истории не возникло не только целостных социологических теорий молодежи, но и сама молодежная проблематика затрагивалась и исследовалась фрагментарно в рамках интересующей исследователей иной общественной, социологической, а также психологической, педагогической или политической проблематики.

В советский период российской истории молодежная проблематика рассматривалась ввиду отсутствия инакомыслия исключительно в рамках постулатов марксистско-ленинской идеологии и все того же классового подхода. Молодежь, в соответствии с озвученным тезисом в выступлении В.И. Ленина “Задачи союзов молодежи”, должна была стать строителем коммунистического общества. И в этом процессе ей отводилась особая роль, поскольку по мнению В.И. Ленина, “именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества”¹⁸. Соответственно, социальные характеристики молодежи подводились под политические идеалы, цели и задачи коммунистической партии.

Как отмечал в своем выступлении на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников И.В. Сталин: “Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи. Молодежь должна сменить нас, стариков. Она должна донести наше знамя до победного конца. Среди крестьян имеется немало стариков, отягощенных старым грузом, отягощенных привычками и воспоминаниями о старой жизни. Понятно, что им не всегда удастся поспевать за партией, за Советской властью. Не то наша молодежь. Она свободна от старого груза и она легче всего усваивает ленинские заветы. И именно потому, что молодежь легче всего усваивает ленинские заветы, именно поэтому она призвана вести вперед отстающих и колеблющихся. Прав-

¹⁷ Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5. Т. 9. М., 1967. С. 247.

¹⁸ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 298.

да, у нее не хватает знаний. Но знания — дело наживное. Сегодня их нет, завтра они будут. Поэтому задача состоит в том, чтобы учиться и еще раз учиться ленинизму. Товарищи комсомольцы и комсомолки! Учитесь большевизму и ведите вперед колеблющихся! Болтайте поменьше, работайте побольше — и дело у вас выйдет наверняка”¹⁹.

Вне подобного рода высказываний и вытекающих из них идеологием в первые годы советской власти не осуществлялось никакого иного теоретического осмысления молодежи. Тем не менее, изучению положения молодежи и ее роли в находящемся в процессе становления советском обществе, в условиях преодоления разрухи, вызванной Гражданской войной в России, НЭПа, активной фазы внутрипартийной борьбы, начала индустриализации и становления новых социальных групп и классов внутри формирующегося советского общества, в 20-х гг. XX в. было посвящено достаточно большое количество эмпирических социологических исследований. Среди них В.А. Луков выделил три основных направления в процессе исследования молодежной проблематики: 1) разработка проблем рабочей молодежи; 2) исследования учащейся молодежи; 3) исследование молодежного движения²⁰. Исследователей интересовали быт, условия труда и жизнедеятельности молодежи, ее различных категорий, семей, жизненные и профессиональные планы молодых людей, степень общественной активности, стремление к получению образования, культурно-досуговые потребности, ценностные ориентации и идеалы, отношение к учебе и различным учебным предметам, вопросы воспитания молодежи и, в частности, полового воспитания.

Проводили эти исследования в основном психологи и педагоги, частично экономисты, среди которых следует выделить И.А. Арямова, П.Б. Березина, П.П. Блонского, А.Б. Залкинда, В.Е. Игнатьева, Е.О. Кабо, В.Н. Мясичева, М.М. Рубинштейна, Н.А. Рыбникова, В.Е. Смирнова и других авторов²¹.

¹⁹ Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 252–253.

²⁰ См.: Луков Вал.А. Указ. соч. С. 202–203.

²¹ См.: Арямов И.А. Рабочий подросток. М., 1928; Березин П.Б., Бобров З.М., Гусева Е.А., Кондратьева Л.М., Левашов К.К., Мясичев В.Н., Шиперович В.М. Рабочая молодежь как она есть. Опыт научно-педагогического изучения молодежи одного завода. Л., 1930; Блонский П.П. Психологические очерки. М., 1927; Он же. Педагогика в массовой школе первой ступени. М., 1930; Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925; Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования. М., 1928; Какова же наша молодежь? Сб. ст. / Под ред. С.И. Гусева. М.; Л., 1927; Коган Б.Б., Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи: по материалам анкетного обследования. М., 1929; Колодная А.И. Интересы рабочего подростка: опыт изучения одной анкеты. М.; Л., 1929; Рубинштейн М.М. Основы трудовой школы:

Результаты данных исследований легли в основу целого ряда разработанных в это время психологических и педагогических концепций и теорий. Затем, до середины 50-х гг. XX в. эмпирические социологические исследования молодежной проблематики, как и иной проблематики, были фактически свернуты. Ведь в 30-х гг. XX в., в условиях догматизации марксистско-ленинской идеологии, «социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему. Фундаментальные и прикладные исследования в области социологического знания были фактически прекращены, а изучение процессов и явлений социальной жизни проводилось в строгом соответствии с канонами теории “марксизма-ленинизма”»²².

Г.В. Осипов, характеризуя этот период приостановки развития социологии в СССР и своеобразной утраты ею статуса науки, отмечает: «На место отечественной социологии как науки была поставлена философия, являвшаяся знанием вне научным. Будучи возведена в ранг официальной идеологии, философия марксизма-ленинизма (диалектический и исторический материализм) подорвала реальные основы не только социологии, но и всех других социальных наук. Лишившись социологии, российское общество лишилось действенного индикатора “социальной погоды”, инструмента анализа и познания социальной реальности. Восторжествовало знание социально-мифологическое или, иначе, социально-утопическое»²³.

В 60-е гг. XX в. в СССР происходит поэтапное возрождение социологии как науки, проводятся масштабные эмпирические социологические исследования, в том числе и по молодежной проблематике. На фоне политической “оттепели” социология постепенно начинает приобретать статус самостоятельной науки, хотя и “не имеющей права на широкие теоретические объяснения и собственный категориальный аппарат”²⁴. Образуются первые социологические центры и региональные научные школы.

Доклады, чит. на конференции учителей в 1920 г. в Иркутске. Иркутск, 1920; *Рубинштейн М.М.* Половое воспитание с точки зрения интересов культуры. М.; Л., 1926; *Рубинштейн М.М.* Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928; *Рубинштейн М.М., Игнатьев В.Е.* Психология, педагогика и гигиена юности. М., 1926; *Рыбников Н.А.* Идеалы современного ребенка // Современный ребенок: Сб. / Под ред. Н.А. Рыбникова. М., 1923. С. 39–53; *Он же.* Интересы современного школьника. М.; Л., 1926; *Смирнов В.Е.* Рабочий подросток // Очерки по психологии юношеского возраста: Сб. ст. Вып. 1. М.; Л., 1924.

²² *Осипова Н.Г.* Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 13.

²³ *Осипов Г.В.* Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 7.

²⁴ *Осипова Н.Г.* Указ. соч. С. 14.

На развитие социологии молодежи в СССР большое влияние в этот период оказала и институционализация социологии молодежи как отдельной отрасли социологического знания в мировой социологии. “Молодежные бунты” 60-х гг. XX в. максимально способствовали этому, сделав молодежную проблематику крайне перспективным вектором и направлением социологических исследований. Особое внимание в это время зарубежными социологами уделялось осмыслению конфликта поколений, роли молодежи в социальных процессах и изменениях, ее социальным проблемам (кризису образования, безработице, потреблению наркотиков, политическому экстремизму). Появились многочисленные трактовки сути конфликта между поколениями (1960-х гг.), а также исследования молодежной субкультуры как теоретического, так и эмпирического характера. Необходимость полномасштабного изучения этих явлений, а также осмысления новых зарубежных теоретических концепций в рамках молодежной проблематики стимулировала появление большого количества работ советских ученых этому посвященных в целях совершенствования процесса и механизмов социалистического воспитания молодежи, а также недопущения возникновения подобного рода негативных явлений в СССР²⁵.

При этом, следует отметить, что молодежь в СССР рассматривалась не только как объект социалистического воспитания, но и в заведомо потребительском плане — как мощный трудовой ресурс, в задачи которого входило непосредственное выполнение программ индустриализации страны и развития хозяйственных отраслей. Запросы на новую рабочую силу, по мнению М.Н. Руткевича, неизбежно порождали “потребность вовлечения подрастающего поколения в жизнь общества... прежде всего потребность во включении его в процесс производства”²⁶. Особое внимание уделялось процессам формирования социалистических идеалов молодого поколения и их соответствие революционным традициям отцов, т.е. усвоению норм и ценностей социалистического общества. Как отмечал М.Н. Руткевич, “Жизненные планы молодежи нередко складываются стихийно, случайность здесь весьма велика. Но этот процесс при социализме является управляемым. Решающим фактором управления здесь выступает воспитательная деятельность партии, государства, комсомола, профсоюзов, учительских коллективов, семьи,

²⁵ См., например: *Кон И.С.* Буржуазное общество и молодежь // Новое время. 1968. № 25; *Он же.* Студенческие волнения и теория конфликта поколений // США: Экономика. Политика. Идеология. 1971. № 3; *Он же.* Студенчество на Западе как социальная группа // Вопросы философии. 1971. № 9; *Розенталь Э.М.* Парадоксы протеста. Очерки о молодежи Запада. М., 1985.

²⁶ *Руткевич М.Н.* Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002). М., 2002. С. 44.

всех передовых сил общества”²⁷. Особенности молодости как возрастного цикла (проявляющиеся, например, в молодежной субкультуре и молодежных движениях) трактовались советскими социологами того времени как формы девиантного поведения и тлетворного влияния западного мира, с которыми беспощадно вела борьбу комсомол, партия и правительство.

В советской социологии молодежи сложилось несколько региональных научных школ, возникших на базе нескольких научно-исследовательских центров, исследующих различные направления молодежной проблематики: московская (И.В. Бестужев-Лада, В.Г. Васильев, Б.А. Грушин, И.М. Ильинский, А.С. Кулагин, Г.В. Осипов, В.И. Чупров), ленинградская (А.Г. Здравомыслов, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов), новосибирская (В.Н. Шубкин), свердловская (Л.Я. Рубина, М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов), эстонская (М.Х. Титма) школы.

Представители московской школы социологии молодежи в своих исследованиях делали акцент на изучении проблем коммунистического воспитания молодежи, методиках проведения социологических исследований жизнедеятельности молодежи, ее идейного и политических уровней, совершенствовании механизмов осуществления молодежной политики²⁸.

Представители ленинградской школы социологии молодежи заложили теоретико-методологические основы изучения сущности молодежи и процесса ее социализации²⁹. Молодежь трактовалась

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ См., например: *Бестужев-Лада И.В.* Молодежи о научно-технической революции. М., 1970; *Он же.* Семья: вчера, сегодня, завтра. М., 1979; *Он же.* Социальные проблемы молодежи. М., 1982; *Он же.* Молодость и зрелость. Размышления о некоторых социальных проблемах молодежи. М., 1984; *Он же.* Какая ты, молодежь? М., 1988; *Васильев В.Г., Кулагин А.С., Чупров В.И.* Ваше мнение? Прикладные социологические исследования по проблемам молодежи. М., 1967; *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967; *Грушин Б.А., Чикин В.В.* Исповедь поколения. М., 1962; *Ильинский И.М.* Развитие социализма и молодежь // Коммунист. 1987. № 6; *Он же.* Наш молодой современник (вопросы мировоззренческого воспитания) // Социологические исследования. 1988. № 2; *Он же.* Зачем нужен закон о молодежи? // Аргументы и факты. 1988. № 10; Рабочая книга социолога / Ред. коллегия Г.В. Осипов (отв. ред.) и др. М., 1976.

²⁹ См., например: *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986; *Иконникова С.Н.* Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974; *Она же.* Социология о молодежи (проблемы воспитания духовного облика). Л., 1985; *Иконникова С.Н., Кон И.С.* Молодежь как социальная категория. М., 1970; *Иконникова С.Н., Лисовский В.Т.* Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование). Л., 1969; *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967; *Он же.* Психология юношеской дружбы. М., 1973; *Он же.* Психология ранней юности: книга для учителя. М., 1989; Молодежь и образование / Отв. ред. В.Т. Лисовский. М., 1972; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения лич-

ими как особая социально-демографическая группа, поколение людей, проходящих стадию социализации.

И.С. Кон дал следующее определение понятию “молодежь”: “Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственны данному обществу закономерностей социализации”³⁰.

В.Т. Лисовский определял молодежь, как “поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет”³¹.

При этом осмысление сущности молодежи осуществлялось в рамках все того же классового подхода с упором на важность ее социалистического воспитания, социализации и активного участия в социально-политической и экономической жизни советского общества. И.С. Кон отмечал: “Молодежь в классовом обществе всегда классово неоднородна, и различные ее отряды (рабочая, крестьянская, учащаяся молодежь) имеют свои специфические интересы, причем классовая общность объективно перевешивает возрастную... Принципиально новые пути открывает перед молодежью социализм, дающий ей возможности свободного развития и творческой деятельности. Молодежь занимает важное место в социально-демографической структуре и общественно-политической жизни социалистического общества”³².

Представители новосибирской школы социологии молодежи проводили эмпирические исследования молодежи, ее социально-профессиональных проблем и ожиданий. В.Н. Шубкин в ряде своих работ и исследований делал акцент на изучении жизненных планов, жизненного старта молодых людей, неравенстве условий

ности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979; Ядов В.А. Молодежь и труд. М., 1970; Он же. Социологические методы исследования клубной работы. Методическое пособие. М., 1986.

³⁰ Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 384.

³¹ Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М., 1990. С. 48.

³² Кон И.С. Молодежь. С. 385.

этого старта, их часто завышенных и профессиональных ожиданий, выборе и престиже профессии, профессиональной ориентации³³.

Представители свердловской школы социологии молодежи активно исследовали проблемы межпоколенной мобильности, имеющиеся различия между различными поколениями советской молодежи, социальные потребности, проблемы молодежи, место молодежи в процессе и системе образования³⁴.

Эстонская школа социологии молодежи специализировалась на изучении региональной и поселенческой дифференциации молодежи, особенностях жизненного самоопределения и путей ее различных поколений с учетом ее национально-культурных особенностей и особенностей региона. Под руководством М.Х. Титмы было проведено значимое количество социологических исследований по данной проблематике, на основании которых было написано большое количество научных работ³⁵.

Между представителями данных школ социологии молодежи установилось тесное сотрудничество по исследуемой ими проблематике, также они активно занимались подготовкой социологических кадров в данной сфере. Начало воссоздания в последние два года существования советской власти системы социологического образования в России (начавшееся с открытия в 1989 г. социологических факультетов в МГУ и ЛГУ) также весьма способствовало развитию социологии молодежи в России.

После падения коммунистического режима в России и утраты марксистско-ленинской философией господствующей позиции в социальных науках, в условиях идеологического плюрализма в 90-х гг.

³³ См., например: *Шубкин В.Н.* Выбор профессии в условиях коммунистического строительства // Вопросы философии. 1964. № 8; *Он же.* Молодежь вступает в жизнь (на материале социологического исследования проблем трудоустройства и выбора профессии) // Вопросы философии. 1965. № 5; *Он же.* Начало пути. М., 1979.

³⁴ См., например: *Рубина Л.Я.* Советское студенчество. М., 1981; *Руткевич М.Н., Рубина Л.Я.* Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988; *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Филиппов Ф.Р.* Социология образования. М., 1980; *Он же.* Формирование поколений социалистической интеллигенции // Социологические исследования. 1980. № 2; *Он же.* От поколения к поколению: социальная подвижность. М., 1989; *Он же.* Школа и социальное развитие общества. М., 1990.

³⁵ См., например: *Жизненные пути молодого поколения: опыт и методика генетических исследований в социологии* / Отв. ред. М.Х. Титма. Таллинн, 1983; *Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение* / Под ред. М.Х. Титмы. Таллинн, 1985; *Молодежь: ориентации и жизненные пути* / Отв. ред. М.Х. Титма. Рига, 1988; *Начало пути: поколение со средним образованием* / Под ред. М.Х. Титмы, Л.А. Коклягиной. М., 1989; *Титма М.Х.* Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975; *Титма М.Х., Саар Э.А.* Молодое поколение. М., 1986; *Титма М.Х., Таллянтайне М.И.* Престиж профессий (социологический анализ). Вильнюс, 1984.

XX в. “наметился повышенный интерес социологов к теоретическому наследию зарубежных исследователей, имели место попытки объективной оценки и изложения теоретических концепций видных современных ученых, обращение к оригиналам произведений, стремление использовать их выводы в конструировании отечественной социологической теории”³⁶. И это сразу сказалось на исследованиях молодежной проблематики. Практически сразу выходят из употребления идеологические конструкты “молодежь — строитель социалистического/коммунистического общества”, “молодежь — объект социалистического воспитания”.

При этом развитие социологии молодежи в России в постсоветский период пошло по схожим направлениям, что и на Западе, но с учетом своего национального своеобразия. В.И. Чупров выделил шесть исследовательских направлений в социологии молодежи (а в их рамках — видных зарубежных и отечественных представителей различных периодов), давая характеристику всему многообразию частных концепций и теорий среднего уровня социологического изучения молодежи:

— психоаналитическое направление (Г.С. Холл, К. Гроос, К.Г. Юнг, Э. Эриксон; среди отечественных мыслителей, изучающих процессы развития личности и социализации, В.Н. Боряз, И.С. Кон, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, А.И. Ковалева, А.А. Щегорцов, Л.И. Божович, А.В. Петровский, П.И. Бабочкин, В.Г. Васильев, Ю.Р. Вишневецкий, Т.Н. Ковалева, А.С. Кулагин, А.Л. Маршак, Т.Э. Петрова, Л.Я. Рубина и др.);

— структурно-функциональное направление (Ш. Эйзенштадт, Ф. Малер; среди отечественных мыслителей, исследующих роль и место молодежи в социальной структуре общества, проблемы мобильности и образования, М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов, Н.М. Блинов, Б.С. Павлов, В.Ф. Сбытов, И.М. Слепенков, В.И. Староверов, В.А. Мансуров, Д.Л. Константиновский, В.С. Собкин, Г.А. Черденченко, В.Н. Шубкин, Ф.Э. Шереги, А.С. Капто, В.Г. Мордкович, И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, В.В. Семенова, Л.А. Коклягина, Ю.А. Зубок, школа М.Х. Титмы и др.);

— культурологическое (К. Мангейм, М. Мид, Т. Роззак, Ч. Рейч, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Т. Джефферсон, Г. Джонс; отечественные мыслители — Л.С. Выготский, исследователи субкультур и ценностных ориентаций — Е.А. Гришина, А.А. Козлов, В.Б. Чурбанов, А.И. Шендрик, К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, А.Л. Салагаев, неформальных молодежных объединений — В.Ф. Левичева, Е.Е. Леванов, тезаурусов — В.А. Луков и др.);

³⁶ *Осинова Н.Г.* Указ. соч. С. 14.

– социально-производственное (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Р. Мамедов, И.В. Староверова и др.);

– рискологическое (Л. Джонсон, К. Уолас, У. Нэйгел, К. Робертс, Э. Ферлонг, К. Эванс, Л. Чизолм, Л. Махачек, С.К. Ковачева, А. Даниэль, Дж. Корнуол, Р. Макдональд, Г. Уильямсон, С. Робинсон, Н. Грегсон; российский исследователь Ю.А. Зубок и др.);

– ювенологическое направление (В. Адамски, Л. Розенайр, Ф. Малер, К. Господинов, Б. Нимерко, П. Митев; отечественные исследователи – Е.Г. Слуцкий, И.В. Скомарцева и др.)³⁷.

Другие ученые отмечают только три исследовательских направления в социологии молодежи – психоаналитическое, структурно-функциональное, культурологическое направления³⁸.

В постсоветский период происходит активное развитие системы социологического образования в России, при различных вузах возникают новые научные центры, формируются новые научные школы, в том числе исследующие молодежь и молодежную проблематику. К изучению молодежи и молодежной проблематики обращаются не только видные представители упомянутых школ социологии молодежи советского периода³⁹, но и другие авторы, в том числе большое количество молодых исследователей⁴⁰. Появляются зна-

³⁷ См.: Чупров В.И. Социология молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008. С. 462–466.

³⁸ См., например: Безрукова О.Н. Социология молодежи: Учеб.-метод. пособ. СПб., 2004; Социология молодежи: Уч. / Под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996.

³⁹ См., например: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. М., 2001, 2003, 2006; Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: философия, история, теория. М., 2001; Кон И.С. Социализация детей в изменяющемся мире // Вопросы воспитания. Научно-практический журнал. 2010. № 1 (2); Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья (социологическое исследование). СПб., 2003; Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002). М., 2002;

⁴⁰ См., например: Васенина И.В., Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Студенты МГУ о своей жизни и учебе. Итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010; Григорьев С.И., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI в. (к формированию основ социальной логотерапии и социальной педагогики). Барнаул; Красноярск, 1995; Добрыньков В.И., Смакотина Н.Л., Васенина И.В. Экстремизм в молодежной среде. Результаты социологического исследования. М., 2007; Елишев С.О. Конфессиональная общественная молодежная политика. М., 2013; Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования “Ценностные ориентации современной российской молодежи, особенности процесса их формирования и осуществления молодежной политики” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Вып. 1. М., 2014; Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического опроса экспертов “Особенности осуществления молодежной политики в Российской Федерации” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Вып. 1. М., 2014; Зубок Ю.А., Рос-

чимые учебные и учебно-методические материалы по социологии молодежи⁴¹. Осуществляется активная институционализация социологии молодежи как отдельной отрасли социологического знания в России, хотя, следует отметить, не все видные специалисты в данной сфере это приветствовали и считали обоснованным. Например, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги считают, что «с позиции социальной науки неправомерно выделять такое направление, как “социология молодежи” по той причине, что молодежь сама по себе, равно как и пенсионеры, женщины и другие демографические группы, не является социальным институтом и посему не представляет собой предмет социологии. Молодежь может выступать в качестве объекта социологического анализа только как фактический или потенциальный субъект всех социальных отношений. Следовательно, научно оправданно изучать молодежь в рамках всех направлений (отраслей) социологии, но без того, чтобы вырывать из контекста ее взаимодействия со старшим поколением, опосредованно с идеологией, этическими нормами, регулятивными институтами общества»⁴².

В какой-то степени отвечая на подобные замечания, В.И. Чупров и Ю.А. Зубок отмечают, что социология молодежи как самостоятельная наука “не сразу обрела парадигмальный статус, отграничивающий ее от других смежных наук, изучающих молодежь. Этому

товская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М., 2016; *Карпунин О.И.* Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3; *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999; *Левинова С.И.* Молодежная субкультура. М., 2004; *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурус: субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008; Молодежь России: тенденции и перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. М., 1993; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н.* Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016; *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000; *Ручкин Б.А., Гришина Е.А., Серикова Н.А.* Российская молодежь: десять главных проблем. М., 1999; *Чупров В.И.* Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 1994.

⁴¹ См., например: *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Социология молодежи: Уч. пособ. Екатеринбург; Н. Тагил, 1995; *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Социология молодежи: Уч. для вузов. Екатеринбург, 2006; *Волков Ю.Г., Добренков В.И., Кадария Ф.Д., Савченко И.П., Шаповалов В.А.* Социология молодежи: Уч. пособ. / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-н/Д, 2001; *Манько Ю.В., Оганян К.М.* Социология молодежи: учебное пособие. СПб., 2008; Социология молодежи: Уч. / Под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996; Социология молодежи: Уч. / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2007; Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008; *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Социология молодежи. Уч. М., 2011.

⁴² *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: ретроспектива и перспектива // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/molodeg_perspektivy.pdf (дата обращения: 28.01.2017).

предшествовал довольно длительный период идейной полемики о правомерности выделения ее объекта — молодежи в относительно самостоятельную социальную группу, сведения до уровня эмпирических исследований, с одной стороны, и превращения ее в некую универсальную науку о молодежи (ювенологию) — с другой. Попытки создания интегральной науки о молодежи (ювенологии, юнологии, ювентологии) путем механического объединения разных наук потерпели неудачу, прежде всего, из-за различий в их предметных областях... Сегодня социология молодежи определилась в качестве самостоятельной отрасли социологической науки, изучающей молодежь как социально-демографическую группу, ее роль в общественном воспроизводстве, положение в социальной структуре, взаимодействие с другими общественными группами, особенности ее сознания и социального поведения”⁴³.

В настоящее время в рамках социологии молодежи, как мы уже отмечали, не существует единого общепринятого определения молодежи, что вполне естественно в условиях полипарадигмальности социологической науки и множественности существующих научных направлений и школ ее изучающих. Исходя из этого часто в определение понятия “молодежь” вкладываются различные смысловые нагрузки. Молодежь, по определению И.С. Кона, представляет собой широко и часто используемое житейское и общенаучное понятие, характеризующее как “1) определенный этап, стадию индивидуального развития (молодость) и проходящих ее индивидов; 2) определенную социально-демографическую возрастную группу в составе населения; 3) социокультурную общность, обладающую какими-то общими групповыми ценностями (молодежная субкультура, молодежные движения и т.д.)”⁴⁴.

В целом в отечественной социологии молодежь рассматривается как особая социальная и демографическая общность, возрастные рамки принадлежности к которой в науке (частично) и законодательстве определены возрастом от 14 до 30 лет. Она выделяется из других категорий населения на основе обусловленной возрастом совокупности характеристик, особенностей социального положения данной группы, ее места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей, определяемых в значительной степени уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе. Молодежь как особая социально-демографическая общ-

⁴³ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 111–112.

⁴⁴ Кон И.С. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 270.

ность дифференцируется по целому ряду признаков – возрасту (подростки, юношество), полу, виду занятий и деятельности, социально-экономическому положению, месту жительства (городская, сельская) и т.д.

Для понимания сути молодежи как объекта исследования в социологии молодежи условно можно выделить три основных подхода к ее определению.

Первый подход (социально-психологический), рассматривающий молодежь в качестве носителя свойств молодости (психофизиологический аспект), как определенного этапа в жизни человека, условно можно разделить на два направления. Одно из них определяет молодежь как возрастную группу, абсолютизирует психофизиологические особенности молодежного возраста перед другими факторами, пренебрегает фактом влияния на развитие молодежи социальных институтов, культурных, экономических и политических условий жизнедеятельности общества. В рамках этого направления молодежь трактуется как своеобразный потенциал общества, не приобретший до достижения определенного возраста полноценного статуса члена общества (представители – Г.С. Холл, Э. Клапаред, В. Штерн и др.). Второе направление рассматривает молодежь как поколение, проходящее через определенный этап жизненного цикла человека, стадию развития, связанную с наиболее активным периодом социализации личности, а приобретенные в ходе этого опыт и знания – как результат происходящих в обществе социально-исторических и социокультурных процессов (представители – К. Гросс; отечественные мыслители – В.Т. Лисовский, С.И. Иконникова и другие авторы).

Второй подход (стратификационный) рассматривает молодежь как особую социально-демографическую группу в структуре общества с особым социальным статусом и характеристиками, определяемыми возрастом, а, соответственно, и промежуточностью и нестабильностью ее положения. Особенности социального статуса молодежи изучаются при исследовании основных видов деятельности (учеба, работа, вторичная занятость), ролевых структур личности, а также стереотипов и представлений, сложившихся в обществе (представители – Р. Розенмайр, Г. Шельски, Ш. Эйзенштадт; отечественные мыслители – И.С. Кон, Ф.Р. Филиппов, и др.)

Третий подход (социокультурный или субкультурный) рассматривает молодежь как социокультурную общность, носителя общих групповых ценностей, образов бытия, общественных идеалов (ценностный аспект), а также собственной культуры (субкультуры). Особое внимание в рамках этого подхода уделяется изучению молодежных субкультур, формирующих собственные мировоззрения,

часто противопоставляющие себя мировоззрению старшего поколения, своеобразные манеры поведения, формы проведения досуга и другие аспекты их функционирования (представители — К. Мангейм, М. Мид, Т. Роззак; отечественные мыслители — В.Т. Шапко, А.И. Шендрик и др.)

Помимо основных подходов к определению молодежи можно выделить и некоторые другие менее известные подходы. Например:

1) *воспроизводственный подход*, определяющий молодежь с точки зрения роли и места молодежи в общественном воспроизводстве. Основоположники — В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, определяющие молодежь как социально-демографическую группу, субъект общественного производства и жизнедеятельности, способную воспроизводить и совершенствовать социальную структуру общественных отношений, посредством выполнения трех важных группообразующих функций — производственной, инновационной, трансляционной⁴⁵;

2) *рискологический подход*, исследующий молодежь с точки зрения концепции “общества риска”. Представители-основоположники — Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Н.Л. Смакотина рассматривают молодежь как особую группу риска в условиях переходных процессов от социальной неопределенности к определенности и в ином направлении, а сам риск — как значимое свойство молодежи⁴⁶;

3) *тезаурусный подход* к определению молодежи В.А. Лукова. В рамках данного подхода, молодежь “трактруется как социальная группа, которую составляют 1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также 2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и 3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир”⁴⁷.

Некоторые современные российские исследователи говорят также о существовании *интеграционного подхода* к определению

⁴⁵ См.: Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 2; Он же. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 1994; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи: Уч. М., 2011. С. 51.

⁴⁶ См., например: Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. Он же. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4; Он же. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007; Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., 2009; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

⁴⁷ Луков В.А. Концептуализация молодежи в XX веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 13.

молодежи, «который предполагает многоаспектность молодежи как предмета познания и необходимость изучения совокупности социологических, психологических, биологических, правовых, культурологических и других факторов жизнедеятельности людей в конкретных исторических условиях места и времени для определения социальной группы, проходящей переход от социального статуса “детской несамостоятельности” к статусу “взрослой полной самостоятельности”»⁴⁸. Ряд исследователей отмечают существование десяти методологических подходов к определению молодежи, которые могут быть использованы при социологическом определении и исследованиях сущности молодежи — психофизиологический, социально-психофизиологический, конфликтологический, ролевой, субкультурный, стратификационный, интеракционистский, субъективный, процессуальный и социализационный подходы⁴⁹.

Такое большое количество точек зрения на классификацию существующих подходов к определению понятия “молодежь” в социологии, на наш взгляд, явно свидетельствует об активном развитии социологии молодежи в России в постсоветский период, а также о плюралистичности, неповторимости, своеобразии развития отечественной научной мысли в данный период. Немаловажным фактором здесь также является то, что развитие социологии молодежи осуществляется уже не только на базе западной научной традиции, но и с акцентом на возрождение и дальнейшее развитие собственной национальной научной традиции. И это весьма правильно, поскольку, как отметила Н.Г. Осипова, осуществлять развитие «достижений теоретической социологии только в контексте западной социокультурной традиции ошибочно: реальные глубокие различия между регионами мира препятствуют движению к “единой глобальной социологической науке” и подразумевают ее “региональную автономию”. Нельзя отрицать, что в известном смысле социология всегда связана с обществом, которому принадлежит и которое активно изучает. В каждом регионе мира и даже в каждой отдельной стране социология имеет свою специфику, которая четко проявляется в направленности и проблематике социологических

⁴⁸ Масалов А.Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 2. С. 107.

⁴⁹ Королев И.В. Трудовая активность современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. РГСУ. М., 2009. С. 11–12; Куриленко Е.Н. Игровые практики в социальной реальности молодежи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. № 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/011-21.pdf> (дата обращения: 29.01.2017).

исследований, теоретических основах и методологии анализа проблем конкретного общества. Свою специфику всегда имела... и будет иметь российская социология»⁵⁰.

На наш взгляд, из всех рассмотренных нами подходов наиболее оптимальным представляется интеграционный подход, позволяющий учесть:

- психофизиологические и возрастные особенности, свойственные молодежи;
- ее место и функции в социальной структуре общества;
- групповые социокультурные ценности и интересы;
- ее участие в процессе жизнедеятельности общества;
- особенности самоидентификации и самоопределения.

С этих позиций, молодежь — это социально-демографическая группа (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящаяся в своем развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно — процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире. В силу этого положение молодежи в обществе всегда было и будет нестабильным, переходным, обусловленным специфическими возрастными, социальными и психологическими характеристиками, а также историческими, социально-экономическими, политическими и ситуационными факторами.

Молодежь является одной из самых слабозащищенных и уязвимых категорий населения в силу отсутствия у значимой ее части соответствующих знаний, опыта и экономической независимости. В данной связи она является привлекательным объектом для манипулятивного воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности.

По нашему мнению, весьма перспективным направлением социологических исследований в настоящее время могут также стать фундаментальные исследования молодежной проблематики, и в первую очередь — особенностей процесса социализации современной российской молодежи. В частности, изучения целенаправленного воздействия на молодежь различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих ее как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов⁵¹. Иными словами, речь идет о часто встречающемся на практике использовании молодежи в качестве привлекательного, малозатратного средства для

⁵⁰ Осипова Н.Г. Указ. соч. С. 24.

⁵¹ См.: Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

достижения определенных своекорыстных целей. Например, для осуществления так называемых “цветных революций” на постсоветском пространстве, для экстремистских выступлений, для участия в деятельности деструктивных политических сил, религиозных сект и культов на территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васенина И.В., Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Студенты МГУ о своей жизни и учебе. Итоги пятнадцатилетнего мониторинга. М., 2005.

Вежи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4.

Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М., 2016.

Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: философия, история, теория. М., 2001.

Кареев Н.И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. М., 2009.

Кауфман А.А. Русская курсистка в цифрах // Кауфман А.А. Сборник статей. М., 1915.

Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999.

Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М., 1990.

Луков Вал.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012.

Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. № 6.

Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

Рабочая книга социолога / Ред. коллегия Г.В. Осипов (отв. ред.) и др. М., 1976.

Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. СПб., 1913.

Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002). М., 2002.

Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., 2009.

- Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008.
- Сперанский Н.В.* Кризис русской школы. Торжество политической революции. Крушение университетов. М., 1914.
- Титма М.Х.* Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975.
- Тихомиров Л.А.* Критика демократии. М., 1997.
- Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. М., 1999.
- Филиппов Ф.Р.* Школа и социальное развитие общества. М., 1990.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Чупров В.И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 2.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М., 2001.

REFERENCES

- Chuprov V.I.* Molodezh' v obshhestvennom vosproizvodstve [Youth in public reproduction] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological researches]. 1998. N 2.
- Chuprov V.I., Zubok Ju.A., Uil'jams K.* Molodjzh' v obshhestve riska [Williams K. Young people in risk society]. M., 2001.
- Elishev S.O.* Molodjzh' kak ob#ekt socializacii i manipuljacij [Youth as an object of socialization and manipulation]. M., 2015.
- Filippov F.R.* Shkola i social'noe razvitie obshhestva [School and social development]. M., 1990.
- Философский энциклопедический словарь [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., 1983.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.Je.* Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret [Youth of Russia: sociological portrait]. M., 2010.
- Il'inskij I.M.* Molodjzh' i molodjzhnaja politika: filosofija, istorija, teorija [Youth and youth policy: philosophy, history, theory]. M., 2001.
- Kareev N.I.* Pis'ma k uchashhejsja molodezhi o samoobrazovanii [Letters to students about their own education]. M., 2009.
- Kaufman A.A.* Russkaja kursistka v cifrah [Russian students in numbers] // Kaufman A.A. Sbornik statej [Collected papers]. M., 1915.
- Kovaleva A.I., Lukov V.A.* Sociologija molodezhi: teoreticheskie voprosy [Youth Sociology: theoretical issues]. M., 1999.
- Lisovskij V.T.* Sovetskoe studenchestvo. Sociologicheskie ocherki [The Soviet students. Sociological essays]. M., 1990.
- Lukov Val.A.* Teorii molodjzhi: mezhdisciplinarnyj analiz [Theory of youth: an interdisciplinary analysis]. M., 2012.
- Osipov G.V.* Vozrozhdenie sociologii v Rossii. Kak jeto bylo na samom dele [The revival of sociology in Russia. As it was in reality] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological researches]. 2008. N 6.
- Osipova N.G.* Proshloe, nastojashhee i budushhee teoreticheskoy sociologii v Rossii [Past, present and future of theoretical sociology in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2015. N 2.
- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N.* Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i

osushhestvlenija molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovanija) [Features of process of formation of value orientations of modern Russian youth and implementation of youth policy in the Russian Federation (the results of sociological research)]. M., 2016.

Rabochaja kniga sociologa [The working book of sociologist] / Red. kolegija G.V. Osipov (otv. red.) i dr. [Ed. by G.V. Osipov (resp. ed.) and others]. M., 1976.

Radin E.P. Dushevnoe nastroyenie sovremennoj uchashhejsja molodezhi, po dannym Peterburgskoj obshhestvencheskoj ankety 1912 goda. Psihologicheskaja i sociologicheskaja samoocenka. Razocharovannost' [Soulful mood of today's students, according to the St. Petersburg obshhestvennoe questionnaire 1912. Psychological and sociological self-esteem. Disappointment]. SPb., 1913.

Rutkevich M.N. Sociologija obrazovanija i molodezhi: Izbrannoe (1965–2002) [Sociology of education and youth: favorites (1965–2002)]. M., 2002.

Smakotina N.L. Osnovy sociologii nestabil'nosti i riska: filosofskij, sociologicheskij i social'no-psihologicheskij aspekty [Fundamentals of sociology of instability and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects]. M., 2009.

Sociologija molodjozhi. Jenciklopedicheskij slovar' [Sociology of youth. Encyclopedic dictionary]. M., 2008.

Speranskij N.V. Krizis russkoj shkoly. Torzhestvo politicheskoi reakcii. Krushenie universitetov [The crisis of the Russian school. The triumph of political reaction. The collapse of the universities]. M., 1914.

Tihomirov L.A. Kritika demokratii [Criticism of democracy]. M., 1997.

Tihomirov L.A. Apologija very i monarhii [The apology of the faith and of the monarchy]. M., 1999.

Titma M.X. Vybory professii kak social'naja problema [Choice of profession as a social problem]. M., 1975.

Vasenina I.V., Dobrynina V.I., Kuhtevich T.N. Studenty MGU o svoej zhizni i uchebe. Itogi pjatnadcatiletnego monitoringa [MSU students about his life and study. The results of fifteen years of monitoring]. M., 2005.

Vehi. Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones. A collection of articles about the Russian intelligentsia]. M., 1909.

Zubok Ju.A. Problemy social'nogo razvitiya molodezhi v uslovijah riska [Problems of social development of youth in conditions of risk] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological researches]. 2003. N 4.

Zubok Ju.A., Rostovskaja T.K., Smakotina N.L. Molodezh' i molodezhnaja politika v sovremennom russijskom obshhestve [Young people and youth policy in modern Russian society]. M., 2016.

И.Г. Селезнева, канд. соц. наук, доц. кафедры философии и права Волгоградского Государственного технического университета, г. Волгоград, Россия*

А.С. Сухова, канд. соц. наук, доц. кафедры философии и права Волгоградского Государственного технического университета, г. Волгоград, Россия**

Д.К. Азарян, вечерний менеджер центра иностранных языков (ЦИЯ) Волгоградского Государственного технического университета, г. Волгоград, Россия***

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Selezneva Irina Gennad'evna, cand. soc. sciences, assoc. the department of philosophy and law, Volgograd State technical University, Volgograd, Russian Federation, e-mail: philos@vstu.ru

Sukhova Anna Sergeevna, cand. soc. sciences, assoc. the department of philosophy and law, Volgograd State technical University, Volgograd, Russian Federation, e-mail: philos@vstu.ru

Azaryan David Karenovich, evening Manager at the centre for foreign languages (CIYA) Volgograd State technical University, Volgograd, Russian Federation, e-mail: azaryan.d@yandex.ru

JUVENILE DELINQUENCY: TRENDS (REGIONAL ASPECT)

В представленной статье проанализированы природа и внутренняя структура различных видов преступлений, в которых принимали участие несовершеннолетние. Описаны основные социальные факторы, способствующие развитию данной аномалии в рассматриваемый период развития общества. Исследованы мотивация, система и виды преступлений несовершеннолетних в Волгоградском регионе, представлены основные тенденции развития данного явления. Также в исследовании рассматриваются теоретические основы проблемы влияния экономической стабильности на видовую структуру правонарушений несовершеннолетних. В исследовании предпринят анализ различных видов девиаций несовершеннолетних в различных районах города Волгограда. В процессе ускоренной модернизации коммуникационных процессов большинство современной молодежи оказалось не в состоянии в короткие сроки перестроить свое поведение. В настоящее время ценностное восприятие подростков ориентировано на материальные блага в условиях расширения экономических форм взаимодействия. В этих условиях социальные процессы становятся все более отстраненными от гуманных и духовных ориентаций. Эффективное функционирование общества в его взаимодействии, основанном

* Селезнева Ирина Геннадьевна, e-mail: philos@vstu.ru

** Сухова Анна Сергеевна, e-mail: philos@vstu.ru

*** Азарян Давид Каренович, e-mail: azaryan.d@yandex.ru

на сотрудничестве и понимании, имеет большое значение для стимулирования положительных тенденций в социальной сфере современной России. Современный период развития, сопряженный с кардинальной ломкой устоев жизни, образованием новых общественных отношений и институтов и разрушением старых, неизбежно способствует росту социальной напряженности, переоценке социально-нравственных ориентиров и развитию девиантного поведения несовершеннолетних.

Преимуществами данного исследования являются привлечение материалов местных архивов районных комитетов по делам несовершеннолетних, впервые вводящихся в активный научный оборот, а также логическая структурированность и группировка основных вопросов, связанных с динамикой и изменением видовой структуры правонарушений несовершеннолетних, которые позволили проанализировать довольно обширный архивный статистический материал. На основе этого анализа авторы составили “психологический портрет” несовершеннолетнего правонарушителя, определили основные мотивы, побуждавшие подростков к совершению различных преступлений, подробно рассмотрели структуру совершенных ими преступлений. Проблеме мотивации уделяется значительное внимание, поскольку ее изучение приближает исследователей к уяснению субъективно-двигательных компонентов, приводящих несовершеннолетних к совершению преступления.

Не менее важно, что учет социально-экономических факторов при анализе человеческой агрессивности имеет большую ценность не только для теоретического анализа в рамках системного подхода, но и для дальнейшего совершенствования профилактической, коррекционной работы с подростками-правонарушителями. Процесс модернизации российского общества принес не только много позитивных перемен, но, разрушая традиционный уклад жизни, привнес кардинальные изменения в коммуникационные процессы подрастающего поколения.

В целом статья дает свой прирост знаний в обозначенной научной области, вносит свой вклад в развитие науки и практики изучения противоправного поведения несовершеннолетних и способствует осмыслению проблем, связанных с социальными процессами, происходящими в современном обществе.

Внимательно изучив основные факторы, активизирующие противоправное поведение подростков в период экономической трансформации общества, авторы приходят к выводу о том, что процессы индустриализации, урбанизации, изменения экономического уклада оказали на структуру и активность девиантного поведения подростков в рассматриваемый период значительное влияние. Вероятно, это связано с тем, что данные процессы на начальной стадии своего развития привели к существенному изменению внутренних устоев структуры общества.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних, девиация, социальная трансформация, субкультура, молодежная культура, стереотипы поведения, психика, антисоциальное поведение, экономическая стабильность.

The article analyzes the nature and internal structure of various types of crimes in which involved minors. Describes the main social factors contributing to this anomaly in the period of development of society. Investigated the motivation, the system and the types of crimes of minors in the Volgograd region, are the main trends of development of this phenomenon. The study also discusses the theoretical basis of the problem of the influence of economic stability on the species structure of juvenile delinquency. In this study the analysis of various types of deviance minors in different areas of the city of Volgograd. In the process of rapid modernization of communication processes most of today's youth have not been able to quickly rebuild their behavior. Currently, the value-perception of the adolescents focused on the material benefits in terms of expanded economic interactions. In these conditions, social processes become increasingly removed from humane and spiritual orientations. The effective functioning of society in its interaction based on cooperation and understanding is of great importance to stimulate the positive trends in social sphere in modern Russia. The modern period of development, coupled with a drastic breaking of the foundations of life, the formation of new social relations and institutions and the destruction of the old, inevitably contributes to social tension, the reassessment of social and moral values and development of deviant behavior of minors.

The advantages of this study are the involvement of local archives regional committees on Affairs of minors, was first introduced to active scientific revolution, as well as logical structuring and grouping of the main issues related to the dynamics and changes in the species structure of juvenile crime, which allowed us to perform a fairly extensive archive of statistical material. Based on this analysis, the authors made a "psychological portrait" of a juvenile offender, identified the main motives that caused teenagers to commit various crimes, considered in detail the structure of their crimes. The problem of motivation has received considerable attention, as its study brings researchers to the subjective knowledge of the motor components, causing a minor to commit a crime.

It is equally important that, given the socio-economic factors in the analysis of human aggression is of great value not only for theoretical analysis through a systemic approach, but also for further improvement of preventive, rehabilitative work with young offenders. The process of modernization of the Russian society have not only brought much positive change, but destroying the traditional way of life, have brought cardinal changes in communication processes of the younger generation.

Overall, the article gives some increase of knowledge in the identified scientific fields, contributes to the development of the science and practice of studying of illegal behaviour of minors and promotes the understanding of problems related to social processes in modern society.

Having carefully studied the main factors that intensify illegal behavior of adolescents in the period of economic transformation of society, the authors come to the conclusion that the processes of industrialization, urbanization, changing economic structure has had on the structure and activity of deviant behavior of teenagers in the period under review, a significant impact. This is probably due to the fact that these processes at the initial stage of its development has resulted in significant changes in the internal foundations of the structure of society.

Keywords: *crime of minors, deviation, social transformation, subculture, youth culture, patterns of behavior, psyche, anti-social behavior, economic stability.*

В настоящее время социально-экономическая ситуация в России резко обострила проблемы, связанные с коррекцией отклоняющегося, аномального поведения. Государство, проводя экономические реформы, поощряя свободную рыночную экономику и демократизацию всех общественных сфер, оказалось не готовым к значительному росту девиаций. Изменения, происходящие в нашем обществе, практически разрушили ранее существовавшие представления о норме в поведении, особенно у молодежи. При отсутствии внятных социальных перспектив это не может не влиять на физическое и душевное здоровье людей. Девиантное поведение значительной массы населения воплощает сегодня наиболее опасные для страны разрушительные тенденции.

Понятие девиантности связано с соответствиями и несоответствиями поступков социальным ожиданиям. Один человек может иметь отклонения в социальном поведении, другой — в структуре своей психики, третий одновременно в том и другом. Можно наблюдать личностную дезорганизацию и групповые отклонения в поведении людей. Личностная дезорганизация (индивидуальное отклонение) возникает тогда, когда отдельный индивид отвергает нормы своей субкультуры. Например, молодой человек из благополучной семьи может отвергнуть нормы и встать на преступный путь. Но отклоняющееся поведение имеет не только негативный характер, но и позитивный. Оно может выступать как стремление личности к превосходству, к новому самоутверждению в социально-полезных видах деятельности. Это может быть героизм, альтруизм, самопожертвование, сверхтрудолюбие, высочайшая преданность, выдающееся научное открытие, изобретение и т.д.

Отсюда, девиантное, или отклоняющееся (*deviatie*, лат. — “отклонение”) поведение всегда связано с несоответствием человеческих поступков и действий распространенным в социальных группах или обществе нормам, правилам поведения, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям.

Существующий педагогический подход к поведенческим девиациям акцентирует, что отклоняющееся поведение школьника может носить характер как школьной, так и социальной дезадаптации. В структуру школьной дезадаптации, наряду с такими ее проявлениями, как неуспеваемость, нарушения взаимоотношений со сверстниками, эмоциональные нарушения, входят и поведенческие отклонения: дисциплинарные нарушения, прогулы, гиперактивное,

агрессивное, оппозиционное поведение, курение, хулиганство, воровство, ложь.

Признаками более масштабной социальной дезадаптации в школьном возрасте могут выступать регулярное употребление психоактивных веществ, сексуальные девиации, бродяжничество, зависимость от сериалов, компьютерных игр или религиозных сект, совершение преступлений.

“По данным Генеральной прокуратуры, число несовершеннолетних преступников в Волгоградской области в 2010 году составило 1384 человека, в 2011 году — 1226 человек, в 2012 году — 1199 человек, в 2013 году — 1091 человек, в 2014 году — 964 человека, в 2015 году — 1023 человека”¹, но “так как в этот период и сейчас в области демографический кризис (естественный прирост отрицательный с 2007 года по 2014 год)”², численность подростков сокращается, нельзя с уверенностью говорить, что количество преступлений падает.

Исследователи отмечают рост жестокости подростковой преступности и значительное количество преступлений несовершеннолетних, совершаемых в составе группы. Указанные особенности обуславливают необходимость выявления причин преступности несовершеннолетних и разработки эффективных мер воздействия, направленных на улучшение криминологической ситуации в рассматриваемой области.

Что касается возраста, который мог бы служить ориентиром для национального уголовно-правового законодательства, то международные нормативно-правовые акты не дают четкого ответа. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., в подп. “а” п. 3 ст. 40 говорит лишь о том, что государства-участники стремятся содействовать установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство. Самые общие критерии определения выражены в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (так называемых, “Пекинских правилах”), принятых на 96-м пленарном заседании ООН в 1985 г. Пункт 4.1 Правил гласит: “В правовых системах, в которых признается понятие возраст уголовной ответственности

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Число несовершеннолетних преступников в Волгоградской области. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 28.04.2016).

² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.04.2016).

для несовершеннолетних, нижний предел такого возраста не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости”.

Подходы к понятию такой зрелости в разных странах сложились разные. С учетом существующих различий в правовых системах зарубежных стран уголовно-правовой статус несовершеннолетнего необходимо рассмотреть на примере законодательств, представляющих основные правовые системы современности.

Так, “английское уголовное законодательство выделяет три группы несовершеннолетних: 1) малолетних (до 10 лет), 2) детей (от 10 до 14 лет) и 3) подростков (от 14 до 18 лет). Малолетние не подлежат уголовной ответственности в силу действия презумпции их уголовной недееспособности. На несовершеннолетних от 10 до 14 лет указанная презумпция также распространяется, но является оспоримой — такие лица подлежат уголовной ответственности только в том случае, если обвинение сможет доказать, что в действиях такого лица присутствуют как *actus reus* (объективная сторона преступления), так и *mens rea* (субъективная сторона преступления), а также осознание ребенком факта причинения серьезного вреда (злонамеренность). Подростки от 14 до 18 лет подлежат уголовной ответственности на общих основаниях, однако с учетом особенностей применения к ним мер уголовно-правового воздействия”³.

Несовершеннолетие в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, рассматривает Уголовный кодекс Австралии 1995 г. и относит его к обстоятельствам, связанным с недостатком правоспособности.

По общему праву в США лицо, не достигшее семилетнего возраста, не подлежит уголовной ответственности за свое поведение. Лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, несет уголовную ответственность за совершенное им деяние в полном объеме.

В Германии Уголовный кодекс 1871 г. (в ред. 1998 г.) устанавливает несовершеннолетие в пределах от 14 до 18 лет. Уголовный кодекс Франции 1992 г. прямо не устанавливает возраст уголовной ответственности, отсылая в этой части к Ордонансу № 45-174 от 2 февраля 1945 г. о несовершеннолетних правонарушителях. В указанном законе несовершеннолетние до 13 лет не подлежат уголовной ответственности. Лица от 16 до 18 лет могут подлежать уголовной ответственности в порядке исключения, если обстоятельства дела и личность правонарушителя этого требуют. Для привлечения лица к уголовной ответственности по итальянскому УК необходимо достижение лицом четырнадцатилетнего возраста.

³ Луничев Е.М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в зарубежном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 332.

Уголовный кодекс Японии 1907 г. (в ред. 1995 г.) в ст. 41 устанавливает, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее 14 лет. Более того, как следует из Закона Японии 1948 г. о несовершеннолетних, к лицам в возрасте от 14 до 20 лет должны применяться меры защиты (разновидность мер безопасности).

Таковы особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве зарубежных стран. С одной стороны, это взвешенный гуманизм, понимание социальной значимости подрастающего поколения, с другой — жестокое установление рамок уголовной ответственности за наиболее опасные преступления. Накопленный иностранный опыт (в том числе и негативный) может оказаться полезным для совершенствования российского уголовного законодательства. Можно заметить, что почти во всех рассмотренных странах уголовная ответственность несовершеннолетних начинается раньше, чем в России.

Если посмотреть на российское уголовное право, то в соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет, а под преступностью несовершеннолетних понимается “совокупность преступлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет на определенной территории за определенное время”.

В соответствии с нормами отечественного уголовного законодательства возрастом наступления уголовной ответственности является шестнадцатилетие (ч. 1 ст. 20 УК РФ). При этом законодатель, осознавая высокую степень общественной опасности совершения таких действий, как убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), кражу (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167 УК РФ), террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 213 УК РФ), вандализм (ст. 214 УК РФ), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ) опре-

делил, что уголовная ответственность за совершение указанных действий наступает с четырнадцати лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е. с нуля часов следующих суток.

Следует отметить, что даже в самом определении понятия возраста в научной литературе (как в юридической, так и в психологической) авторами предлагается множество подходов. Так, чисто биологический подход предлагается авторами психологического словаря под ред. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова. «Возраст, — подчеркивается здесь, — объективная, исторически изменяющаяся, хронологически и символически фиксированная стадия развития индивида в онтогенезе»⁴. По мнению М.М. Коченова, «понятие возраста употребляется в законе только в одном смысле — как указание на количество прожитого человеком времени»⁵. Прямо противоположную точку зрения излагает Р.С. Немов. Он пишет: «Понятие “возраст” в психологии ассоциируется не с количеством лет, прожитых человеком, а с особенностями его психологии поведения»⁶. Возраст действительно измеряется в количестве прожитого человеком времени и, подчиняясь законам диалектики, на определенном этапе получает новый качественный скачок.

В периодической научной литературе многие авторы аргументированно предлагают понизить возрастной порог уголовной ответственности и установить нижний возрастной предел — 10–13 лет.

Некоторые исследования свидетельствуют, что половина всех общественно опасных и иных антисоциальных деяний, как в целом, так и практически по всем отдельно учитываемым составам, несовершеннолетние совершают в возрасте до 16 лет. Каждое четвертое правонарушение совершают подростки, не достигшие четырнадцатилетнего возраста. Только в части употребления спиртных напитков шестнадцати–семнадцатилетние занимают доминирующее положение среди всех подростков, выявленных по этому основанию. «Среди преступников наибольший удельный вес (36–40%) всей совокупности совершаемых преступлений составляют лица в возрасте 16 лет. Максимальный удельный вес этой возрастной группы отмечен почти по всем составам преступлений»⁷.

⁴ Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М., 1999. С. 52.

⁵ Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1991. С. 34.

⁶ Невский В.В. Борьба с преступностью. Анализ законодательства // Гражданин и право. 2000. № 2. С. 3.

⁷ Мокрякова Ю.Е. Особенности личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3). С. 98–101. URL: <http://elibrary.ru/download/79624154.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

Из выше изложенного можно сделать вывод, что личность несовершеннолетнего преступника — весьма сложный и неоднородный объект исследования ученых-криминологов, а также психологов и социологов.

Авторами статьи было проведено стандартизированное интервью на предмет осознания подростками в возрасте от 12 до 14 лет общественной опасности своих деяний и деяний других лиц. Было опрошено 60 школьников на территории Тракторозаводского района города Волгограда (МОУ СОШ № 61, № 51 и МОУ “Гимназия 16”).

По итогам интервью были получены следующие результаты: большинство опрошенных (71%) относилось к преступности, как к социальному злу, некоторая часть (24%) посчитала, что это просто другой образ жизни, а 5% остались равнодушны. На вопрос, почему люди совершают преступления, в тройку самых распространенных ответов попали “к этому их вынуждают трудные жизненные обстоятельства”, “просто так, хотят получить острые ощущения”, “они к этому предрасположены, так как выросли в неблагоприятном окружении”. Опрошенные отметили, что “наркотики”, “алкоголь”, “драки”, “уход из дома в ночное время” способствуют совершению подростком преступления. На вопрос “Если бы Вы знали точно, что за этим не последует никакого наказания, то совершили бы какое-либо преступление или правонарушение?”, поступили следующие пугающие ответы: “да” — 58%, “зависит от обстоятельств” — 15%, “нет” — 21%, “не знаю” — 6%. Оказалось, что опрошенные не совершают преступления, потому что “это запрещает уголовный кодекс”, “мне незачем это делать”, “это деяние безнравственно”. Печальный факт, но на вопрос, с какого возраста наступает уголовная ответственность, правильные ответы дали только 45% опрошенных. Однако на вопрос, какие из перечисленных действий согласно законодательству наказуемы (воровство, мошенничество, изнасилование, проституция), правильный ответ дали 95% опрошенных. Воспитание нравственной личности, как основное направление предупреждения преступности, выбрала половина респондентов.

По результатам формализованного интервью можно сделать вывод о том, что школьники в возрасте от 12 до 14 лет осознают общественную опасность некоторых своих деяний и деяний других лиц, осознают степень общественной опасности отдельных видов преступлений, а также имеют четкое представление об ответственности.

Таким образом, социальные и экономические исследования проблемы девиантного поведения в современных условиях реформирования общественной жизни постепенно преобразуются из собственно академических вопросов научного познания в неотъемлемую составляющую практического освоения реальной действительности.

тельности. В связи с ростом девиантного поведения среди молодежи, повышением числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, и их тяжестью, руководствуясь опытом зарубежных стран и историей нашего законодательства, возникла необходимость снижения возраста наступления уголовной ответственности. Предлагается снизить вышеуказанный возраст до 12 лет в ч. 2 ст. 20 УК РФ и до 14 лет в ч. 1 ст. 20 УК РФ. Соответственно, в ст. 20 УК РФ необходимо изменить в ч. 1 возраст с шестнадцати на четырнадцать, а ч. 2 с четырнадцати на двенадцать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006.

Антонян Ю.М., Гульдман В.Н. Криминальная патопсихология. М., 1991.

Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика групповой преступности: Уч. пособ. Казань, 1999.

Генеральная прокуратура Российской федерации. Портал правовой статистики. Число несовершеннолетних преступников в Волгоградской области. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 28.04.2016).

Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905. URL: file:///C:/Users/df/Downloads/preview_.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2.

Демина К.А. Личность преступницы в аспекте особенностей ее социально-ролевой характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331.

Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность // Криминологический журнал. 2011. № 1 (15).

Елеськин М.В., Зориков А.Н. Социальные предпосылки зарождения профессиональных преступных формирований XV–XVII вв. // Следователь. 2002. № 7.

Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1991.

Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М., 1965.

Луничев Е.М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в зарубежном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2.

Михайлова Е.В., Сухова А.С., Селезнева И.Г. Природа девиантного поведения в современной России: экономический аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1.

Михлин А.С. Общая характеристика осужденных. М., 1990.

Мокрякова Ю.Е. Особенности личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3). С. 98–101. URL: <http://elibrary.ru/download/79624154.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

Невский В.В. Борьба с преступностью. Анализ законодательства // Гражданин и право. 2000. № 2.

Оганесян Л.Р. Возраст уголовной ответственности в уголовном праве зарубежных стран (США, Англия, Франция, Австрия, Швейцария, Испания, ФРГ, Япония) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № S2. URL: <http://elibrary.ru/download/20646798.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

Побегайло Э.Ф. Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры. СПб., 1998.

Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М., 1999.

Самodelкин С.М., Сибиряков С.Л. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: лекция. Волгоград, 1992.

Селезнева И.Г., Сухова А.С. Роль девиантного поведения в процессе стабилизации общественных отношений в России // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире: Сб. матер. IV междунар. заоч. науч.-практ. конф. (1 дек. 2011 г.). Краснодар, 2011 (а).

Селезнева И.Г., Сухова А.С. Патриотическое воспитание молодежи как атрибут социализации личности // Формирование гражданского общества в современной России: опыт регионов. Астрахань, 2011 (б).

Селезнева И.Г., Сухова А.С. Гендерная природа современных экономических девиаций // Известия ВолгГТУ. Серия "Проблемы социально-гуманитарного знания". Вып. 13: Межвуз. сб. науч. ст. 2013. № 9 (112).

Сухорукова А.Н. История развития российского законодательства в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы современной науки V Международная научно-практическая конференция в двух томах. 2016. С. 215–218. URL: <http://elibrary.ru/download/53927132.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

Тард Г. Преступления толпы / Под ред. А.И. Смирнова. Казань, 1893.

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Население по Волгоградской области. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.04.2016).

Шахалова О.И., Казанова Н.В. Маргинальность как метафизическая проблема // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: зб. наук. праць. 2009. № 1. С. 92–95.

REFERENCES

Antonyan Y.M. Pochemu ljudi sovershajut prestuplenija. Prichiny prestupnosti [Why people commit crimes. The causes of crime]. М., 2006.

Antonyan Yu.M., Golden V. Kriminal'naja patopsihologija [Criminal psychopathology]. М., 1991.

Bulatov R.M., Shesler A.V. Kriminologicheskaja harakteristika i profilaktika gruppovoj prestupnosti: Uch. posob [Criminological characteristics and prevention of criminal group: tutorial]. Kazan', 1999.

Cohen A. Study the problems of social disorganization and deviant behavior // Sociology today. M., 1965.

General'naja prokuratura Rossijskoj federacii. Portal pravovoj statistiki. Chislo nesovershennoletnih prestupnikov v Volgogradskoj oblasti [General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics. Number of juvenile offenders in the Volgograd Region]. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (data obrashhenija: 28.04.2016).

Gernet M.N. Social'nye faktory prestupnosti [Social factors of crime]. M., 1905. URL: file:///C:/Users/df/Downloads/preview_.pdf (data obrashhenija: 04.09.2016).

Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). F. R-249. Op. 2. [State Archives of the Volgograd Region (GAVO). F. P-249. Op. 2].

Demina K.A. Lichnost' prestupnicy v aspekte osobennostej ee social'no-rolevoj karakteristiki [The personality of the criminal in the aspect of the features of its socio-role characteristics] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Tomsk state University]. 2010. N 331.

Djadjun K.V. Gendernyj podhod v ugovnom prave: istorija i sovremennost' [Gender approach in criminal law: history and modernity] // Kriminologicheskij zhurnal [Criminological journal]. 2011. N 1 (15).

Eles'kin M.V., Zorikov A.N. Social'nye predposylki zarozhdenija professional'nyh prestupnyh formirovanij XV–XVII vv. [Social prerequisites of a professional criminal groups of the XV–XVII centuries] // Sledovatel' [The Investigator]. 2002. N 7.

Kochenov M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psihologicheskoy jekspertizy. Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk [Theoretical bases of forensic psychological assessment. Abstract. Diss. ... doct. legal. sciences]. M., 1991.

Kojen A. Issledovanie problem social'noj dezorganizacii i otklonjajushhegosja povedenija [Research problems of social disorganization and deviant behavior] // Sociologija segodnja [Sociology Today]. M., 1965.

Lunichev E.M. Ugolovno-pravovoj status nesovershennoletnegov zarubezhnom zakonodatel'stve [Criminal and legal status of nesovershennoletnih foreign legislation] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2011. N 2.

Mihajlova E.V., Suhova A.S., Selezneva I.G. Priroda deviantnogo povedenija v sovremennoj Rossii: jekonomicheskij aspekt [The Nature of deviant behavior in modern Russia: the economic aspect] // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa [Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business]. 2011. N 1.

Mihlin A.S. Obshhaja karakteristika osuzhdennyh [General characteristics of the prisoners]. M., 1990.

Mokryakova Ju.E. Osobennosti lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Personality Characteristics of juvenile offenders] // Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii [Bulletin of the Nizhny Novgorod legal Academy]. 2014. N 3 (3). S. 98–101. URL: <http://elibrary.ru/download/79624154.pdf> (data obrashhenija: 30.04.2016).

Nevskej V.V. Bor'ba s prestupnost'ju. Analiz zakonodatel'stva [The Fight against crime. Analysis of legislation] // Grazhdanin i pravo [Citizen and law]. 2000. N 2.

Oganesjan L.R. Vozrast ugovornoj otvetstvennosti v ugovornom prave zaru-bezhnyh stran (SShA, Anglija, Francija, Avstrija, Shvejcarija, Ispanija, FRG, Ja-ponija) [The Age of criminal responsibility in the criminal law of foreign countries (USA, England, France, Austria, Switzerland, Spain, Germany, Japan)] // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector science of Togliatti state University]. 2009. N S2. URL: <http://elibrary.ru/download/20646798.pdf> (data obrashhenija: 30.04.2016).

Petrzhickij L.I. Teorija prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. SPb., 2000.

Pobegajlo Je.F. Pravo cheloveka na zhizn' i ego ugovorno-pravovaja ohrana v Rossii [Right to life and its criminal-legal protection in Russia] // Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka i pravozashhitnaja funkcija prokuratury [Returns the Universal Human Rights and Human Rights Function of the Prosecutor's office]. SPb., 1998.

Psichologicheskij slovar' [Psychological dictionary] / Pod red. V.P. Zinchenko, B.G. Meshherjakova [Ed. by V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheriakova]. M., 1999.

Shahalova O.I., Kazanova N.V. Marginal'nost' kak metafizicheskaja prob- lema [Marginality as a metaphysical problem] // Visnik Nacional'nogo aviacionno universitetu. Serija: Filosofija. Kul'turologija: zb. nauk. prac' [Bulletin of the National aviation University. Series: Philosophy. Cultural studies: collection of Sciences. works]. 2009. N 1. C. 92–95.

Samodelkin S.M., Sibirjakov S.L. Prestupnost' nesovershennoletnih i ee preduprezhdenie: lekcija [Juvenile Delinquency and its prevention: a lecture]. Volgograd, 1992.

Selezneva I.G., Suhova A.S. Rol' deviantnogo povedenija v processe stabilizacii obshhestvennyh otnoshenij v Rossii [The role of deviant behavior in the process of stabilization gromadskikh relations in Russia] // Social'no-gumanitarnye i juridi- cheskie nauki: sovremennye trendy v izmenjajushemsja mire: Sb. mater. IV mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. (1 dek. 2011 g.) [Socio-Humanitarian and Legal Science: Current Trends in the Changing World: Collected Mater. IV Mezhdunar. Highest Level... Scientific.-Pract. Conf. (1 Dec. 2011)]. Krasnodar, 2011 (a).

Selezneva I.G., Suhova A.S. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi kak atribut socializacii lichnosti [Patriotic education of the youth as an attribute of socializa- tion] // Formirovanie grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii: opyt re- gionov [Formation of civil society in modern Russia: experience of the regions]. Astrahan', 2011 (b).

Selezneva I.G., Suhova A.S. Gendernaja priroda sovremennyh jekonomi- cheskikh deviacij [The gendered nature of modern economic deviance] // Iz- vestija VolgGTU. Serija "Problemy social'no-gumanitarnogo znanija". Vyp. 13: Mezhvuz. sb. nauch. st. [Izvestia Volgttu. Series "Problems of Socio-Humani- tarian Knowledge". Vol. 13: Mezhvuz. Sb. Nauch. Article]. 2013. N 9 (112).

Suhorukova A.N. Istorija razvitija rossijskogo zakonodatel'stva v otnoshenii nesovershennoletnih [The history of development of Russian legislation relating to minors] // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki V Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija v dvuh tomah [Actual problems of modern science V international scientific-practical conference in two volumes]. 2016. S. 215–218. URL: <http://elibrary.ru/download/53927132.pdf> (data obrashhenija: 30.04.2016).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.П. Васильев, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Н.Г. Деханова, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия**

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Vasiliev Vladimir Petrovich, candidate of economy sciences, associate professor, head of Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

Dehanova Natalya Gennadyevna, candidate of sociology sciences, associate professor Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian, e-mail: ndehanova@mail.ru

FACTORS OF FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

В статье раскрываются факторы неравенства в сфере высшего образования. Определены негативные факторы, сдерживающие формирование человеческого капитала в сфере образования. Определена роль домохозяйств и бизнеса в сглаживании неравенства в этой сфере. Дан анализ универсальных моделей финансовой доступности высшего образования в развитых странах. Особое внимание уделено генезису высшего образования в России, формированию факторов неравенства и новых мотиваций по мере реформирования высшего образования. Выявлено противоречие между ориентацией высшего образования на практику в условиях рынка и деформацией занятости на рынке труда. Одним из направлений снижения неравенства в сфере высшего образования и преодоления деформированных импульсов рынка труда является частно-государственное партнерство, участие бизнеса в финансировании современного качественного образования.

Ключевые слова: неравенство, модели доступности образования, рынок труда, приватизация вузов, доходы населения, частно-государственное партнерство.

Current article is dedicated to factors of inequality in the sphere of higher education. The authors identified negative factors constraining the formation of human capital in the field of education; the role of households and businesses to reduce inequalities in this sphere. The article analyzes the universal models

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

** Деханова Наталья Геннадьевна, e-mail: ndehanova@mail.ru

of financial accessibility of higher education in developed countries. Particular attention is paid to the genesis of higher education in Russia, the formation of inequality and new motivation in the conditions of reforming higher education. It revealed a contradiction between the orientation of higher education to practice in market conditions and the deformation of employment in the labor market. Public-private partnerships, business involvement in the financing of modern quality education is one of the ways to reduce inequalities in the field of higher education and to overcome the impact of the labor market strain.

Key worlds: *inequality, models of access to education, the labor market, privatization of universities, incomes, public-private partnership.*

Проблема неравенства доступности высшего профессионального образования для различных групп населения в условиях перехода ряда стран, включая Россию, к постиндустриальному этапу развития является крайне актуальной. При реформировании высшего образования в долгосрочной перспективе возникают вопросы доступности образования, его реализации в качестве социального лифта, мобильности населения, формирования человеческого капитала общества.

“Институт образования — это система социальных норм и отношений, а также совокупность организаций и учреждений, связанных между собой общими — образовательными функциями. Основной (традиционной) функцией института образования является передача новым поколениям социально-значимого опыта человеческой деятельности, воплощенной в знаниях, умениях, творческой деятельности, и эмоционально-ценностного отношения к миру”¹. Несомненна значительная роль образования в воспроизводстве социальной структуры общества. Система высшего образования, как известно, может закреплять социальное неравенство, не являясь своеобразным социальным лифтом для социальных групп с целью продвижения по социальной лестнице (например, создавая препятствия представителям низко статусных социальных групп для поступления в вузы вообще или в элитные вузы в частности, и содействовать, таким образом, усилению социального напряжения в обществе). И наоборот, эта система может служить каналом восходящей социальной мобильности. Кроме того, долгосрочная “стратегия России, связанная с позиционированием в элите мировых держав, предопределяет вложения и бизнеса и государства в человеческий капитал и инновации, прежде всего, технологиче-

¹ Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 64.

ские”². Однако особенность человеческого капитала заключается в том, что для того, чтобы он эффективно “работал” на рынке труда или в сфере общественного признания, т.е. мог быть успешно конвертирован в экономический и другие виды капитала, он должен постоянно преумножаться: человек должен непрерывно учиться и самосовершенствоваться, вкладывая в накопление человеческого капитала свое время, материальные средства и интеллектуальные усилия. Между тем, такими возможностями располагают далеко не все. И в этом отношении социальное неравенство проявляет себя самым очевидным образом. Так, по данным исследований, проведенных Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг., неравенство в доступе к получению образования считают крайне болезненным обществом почти треть респондентов. При этом все более значимым фактором, особенно в условиях кризиса, становится неравенство возможностей получить работу, обеспечивающую достойный уровень жизни (32% россиян считают такой вид неравенства болезненным для общества)³.

Специалист, обладающий естественными и приобретенными способностями, которые в совокупности понимаются как человеческий капитал, приносит в результате его использования доход не только для себя, но и для организации, и в конечном итоге всему государству в виде прироста ВВП, повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке. Это означает, что потребителем услуги выступает не только данный обучающийся (студент), но и его потенциальные работодатели в лице частных и публичных структур. При этом студент выступает в роли явного, непосредственного потребителя образовательной услуги. Однако ее конечным латентным потребителем является работодатель специалиста, выпущенного учреждением высшего профессионального образования. Соответственно, встает вопрос, кто из них должен оплачивать (и оплачивает) обучение специалиста. Логично предположить, что потребитель образовательной услуги. Причем как непосредственный, явный, так и конечный, латентный. К примеру, платность для явного непосредственного потребителя профессиональных образовательных услуг (студента, учащегося) может осуществляться в явном виде — студентом или его семьей. Латентно — в форме обязательной отработки определенного времени после окончания вуза на предприятии или в организации (так называемый целевой набор). Для работо-

² Васильев В.П. Мировой экономический кризис: причины и пути выхода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 35.

³ Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7.

дателя, как конечного потребителя, — также в явной и латентной форме.

Причем платность для предприятий и организаций, как конечных потребителей профессиональных образовательных услуг, персонифицированных в лице соответствующих специалистов, вне зависимости от принадлежности к публичной или частной собственности может осуществляться по двум основным направлениям. Непосредственно путем покрытия затрат на содержание образовательных учреждений за счет бюджетных ассигнований государства в случае их принадлежности государству или за счет бизнес-структур в случае корпоративных университетов или содержания целевиков-контрактников вне их, наконец, добровольных пожертвований. Но главным образом, как это ни покажется парадоксальным, в перспективе в виде достаточно высокой оплаты труда высококвалифицированных специалистов — носителей человеческого капитала, с лихвой компенсирующей затраты семьи на их подготовку, с одной стороны, а с другой — обеспечивающей финансовые возможности для профессионального образования последующего поколения, т.е. расширенного воспроизводства семейного человеческого капитала. Таким образом, в данном контексте и в первом, и во втором случае затраты учреждений высшего профессионального образования компенсирует конечный потребитель — работодатель⁴.

Отсюда и наличие в развитых странах мирового сообщества двух основных моделей предоставления доступных в финансовом отношении для большинства населения профессиональных образовательных услуг — на платной или бесплатной для непосредственного потребителя основе. Первая модель во второй половине минувшего столетия превалировала, прежде всего, в США, вторая — в странах Западной Европы, в частности в Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании и др.

Материальной основой финансовой доступности высшего профессионального образования при платной модели его получения является сравнительно высокий уровень денежных доходов домохозяйств в целом и средней заработной платы, в частности, достаточных для относительно безболезненного для семейных бюджетов финансирования затрат на получение высшего профессионального образования их (семей) членов. Как отмечается в отечественных источниках, американские колледжи и университеты устанавливают цены, исходя из возможностей граждан своей далеко не бедной страны. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что

⁴Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Доступность профессионального образования в контексте трипартизма // Социальная политика и социальное партнерство. 2015. № 5–6. С. 20–21.

в США имеет место развитый институт государственных и частных фондов грантовой поддержки, за счет которых стоимость обучения может быть существенно снижена. Одним из факторов доступности высшего образования выступает институт банковских образовательных кредитов по довольно умеренным ставкам.

Западноевропейская модель государственного финансирования высшего профессионального образования складывалась в послевоенные годы, когда средний уровень заработной платы был значительно ниже американского. На рубеже столетий по мере их сближения в отдельных странах были сделаны шаги по постепенной трансформации в сторону платности для домохозяйств как непосредственных потребителей профессиональных образовательных услуг. В 1997 г. согласно Трудовому договору Британия стала первой в Европе страной, сделавшей оплату высшего образования официальной политикой правительства. Стоимость высшего образования в британских университетах стала сопоставимой с ценами за обучение в университетах США.

В Германии право предоставлять образование на платной основе университеты получили в 2005 г., при этом стоимость обучения должна была быть “умеренной”, а у студентов должна была быть возможность “брать небольшие кредиты”. В 2006 и 2007 гг. 7 из 10 западных земель Германии ввели платное образование. Однако студенческие кредиты не прижились, а правительство Германии осознало, что гораздо выгоднее для страны будет сделать высшее образование бесплатным. Этому решению поспособствовали протесты граждан, например, в земле Гессен студенты массово вышли на улицы, а жители собрали 70 000 подписей за отмену оплаты за обучение. В результате с осени 2014 г. обучение во всех университетах Германии снова стало бесплатным⁵. В некоторых странах Европы, например в Швеции, Норвегии и Дании, образование является бесплатным, а остальные страны спешат последовать их примеру. Таким образом, в настоящее время в европейских государствах все более популярной становится идея, что гораздо логичнее считать финансирование высшего образования вложением в будущее страны. Явным исключением из правила является Великобритания: стоимость высшего образования в британских университетах, как мы говорили выше, сопоставима с ценами за обучение в университетах США. В целом, как показывает мировой опыт, из 60–70% доли социальных расходов в консолидированных бюджетах примерно 25–30% направляются на развитие человеческого капитала⁶.

⁵ <http://www.zmescience.com/other/germany-education-fees-01102014/> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶ *Васильев В.П.* Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 137.

Какая из рассматриваемых моделей приемлема для современной России?

Более 20 лет система высшего образования в России не является стабильной. Постоянно происходят институциональные изменения или их попытки со стороны властей. При этом главный вопрос этой сферы человеческих отношений — качество образования — остается на периферии реформ и, как правило, оценивается через место того или иного университета в международных рейтингах. Более того занятие высоких мест в этих рейтингах стало государственной задачей.

В 1990-е гг. систему высшего образования пытались реформировать, основываясь на новых для России принципах рыночной экономики и рецептах трансформации, общих для всех сфер деятельности: уход государства от регулирования и финансирования экономики и социальной сферы. Первой целью реформ высшего образования стала приватизация государственных университетов и вузов. Для высшего образования это означало не только переход управления с уровня государства к частным собственникам, но и переход к платному образованию со всеми негативными последствиями для населения с низкими и невысокими доходами, которое составляло большинство общества

Приватизация не удалась, однако ее мотивы продолжают действовать, так как до сих пор властные структуры проводят реформы, целью которых является сокращение под разными обоснованиями профессорско-преподавательского состава и гарантированных государством фондов оплаты труда.

На принципах рыночной экономики базировалось открытие плеяды частных вузов, с момента основания получивших статус университетов. Их открытие опиралось на теоретическую установку о конкуренции как основного феномена рыночной экономики. Отметим, что конкуренция, выступающая двигателем рыночной экономики, в сфере высшего образования сформировалась весьма своеобразная. За плату желающие получить диплом об образовании получали весьма льготные условия поступления и шадящего обучения. Никакой конкуренции не возникло в подготовке кадров практически всей гаммы естественно-научных направлений подготовки. Ориентируясь на спрос как атрибут рынка, частные вузы включились в подготовку юристов, менеджеров и экономистов, не имея, как правило, высококвалифицированных кадров (в 2014 г. по данным Росстата более 50% выпускников частных вузов получили дипломы экономистов или менеджеров). Между тем, факторами, определяющими качество высшего образования, помимо качества школьной подготовки, являются качество учебников и

качество высокооплачиваемого профессорско-преподавательского состава (ППС). Но, например, если сравнить зарплату ППС в динамике за последние тридцать лет, то картина будет неутешительной.

В начале 2000-х гг. по данным Росстата менее 25% студентов получали стипендию и около 45% — обучались на платной основе, возмещая стоимость обучения. Несомненно, такая трансформация высшего образования обострила проблемы неравенства и вызвала новые мотивации выбора направления подготовки: во многих случаях приоритетом стал не выбор будущей профессии, а “попадание” на бюджетное место. Немаловажными факторами в выборе высшего учебного заведения и направления подготовки играют и “падающие” условия обучения и аттестации, в том числе для того, чтобы учебу можно было совмещать с постоянной “подработкой”.

Дополнительную “мотивацию” неравенству и деформациям в области высшего образования дают тренды экономического развития России.

В данный период достигнутый уровень производительности труда в Российской Федерации в два раза ниже, чем в странах ОЭСР в целом и в три раза ниже, чем в наиболее развитых в экономическом отношении стран Западной Европы и США⁷. Соответствующим образом средний американец, немец, француз или гражданин Великобритании зарабатывал как минимум в три-четыре раза больше, чем средний россиянин даже в сравнительно благополучные для России десятилетия текущего столетия, не говоря уже о современном периоде низких мировых цен на нефть и экономических санкций Запада. Доведение уровня денежных доходов большинства населения страны до соответствующих показателей развитых в экономическом отношении стран в обозримой перспективе вряд ли возможно. Основными сдерживающими факторами являются, во-первых, низкий уровень производительности труда и, во-вторых, сырьевая ориентация структуры национальной экономики и экспорта, подверженная непредсказуемым рискам конъюнктуры мирового рынка и неблагоприятным тенденциям снижения мировых цен на сырье, а значит, и рискам стабильности денежных доходов населения. В сложившейся ситуации рост денежных доходов может носить лишь временный, эпизодический характер в моменты улучшения мировой рыночной конъюнктуры и последующего роста мировых цен на сырье. Поэтому единственным направлением стабильного роста денежных доходов населения может быть рост производительности общественного труда, который в решающей мере обусловлен качеством задействованных вещественных и лич-

⁷ http://mosmonitor.ru/articles/economy/proizvoditelnost_truda_v_ssha_pochti_v_tri_raza_vyishe_chem_v_rossii (дата обращения: 20.01.2017).

ных факторов хозяйственной деятельности. Качество первых находится в прямой зависимости от применяемых техники и технологий, а вторых — от уровня профессионализма (компетентности), который изначально задается качеством профессиональной подготовки и способностью их носителя (индивидуума) к восприятию знаний и навыков.

Это требование может быть обеспечено, прежде всего, за счет конкуренции умов (способностей), а не финансовых возможностей абитуриентов (будущих специалистов). Поэтому решающим фактором роста производительности общественного труда является именно эта конкуренция, в конечном итоге создающая предпосылки для роста заработной платы наемного труда. Исходя из этого в современной России объективно предпочтительна вторая, т.е. западноевропейская модель оплаты услуг (затрат) образовательной сферы, адаптированная к специфике современного состояния национальной экономики. Ее конечная цель — достижение высокого качества национального совокупного трудового потенциала, способного обеспечить экономический рост на базе роста производительности общественного труда.

Таким образом, объективно обусловленными целями государственно-частного партнерства в образовательной сфере Российской Федерации должны являться, с одной стороны, обеспечение спроса национальной экономики в целом и бизнеса, в частности, на специалистов высокого качества, воспроизводство человеческого капитала в целях обеспечения согласованного и сбалансированного развития рынка труда и рынка образовательных услуг, а с другой — реализация конституционных прав граждан страны в сфере образования, т.е. его финансовой доступности для каждого из них путем объединения ресурсного потенциала государства, бизнеса и домохозяйств для достижения этих целей. Все это вместе взятое логически предполагает необходимость использования качественно новых форм и методов государственно-частного партнерства всей триады основных хозяйствующих субъектов рыночной экономики, т.е. не только государства и бизнеса, но и домохозяйств. Государственно-частное партнерство в данном случае предполагает партнерское взаимодействие государства как гаранта доступности высшего профессионального образования, образовательных учреждений вне зависимости от их организационно-правовой формы и формы собственности, в рамках которых они осуществляют свою деятельность, конечного потребителя — работодателя, наконец, домохозяйств в лице студента как непосредственного, явного покупателя образовательной услуги.

Современный этап реформирования высшего образования, основанный на реализации принципов болонского процесса, арти-

кулирует проблему соответствия подготовки кадров современному рынку труда. В этой области обозначились существенные риски, связанные с деформациями российского рынка труда. В минувшие три года в структуре занятости произошло неприятное для экономики знаковое событие — на первое место в структуре занятости вышла торговля, значительно снизилась занятость населения в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Инвестиционный кризис, наряду с низкой оплатой труда привели к серьезной структурной деформации рынка труда в России. Статистические данные показывают⁸, что с 2010 г. доля занятого в торговле населения обогнала другие отрасли экономики, превысив соответствующий параметр в обрабатывающей промышленности. Одновременно произошло значительное снижение занятости в сфере сельскохозяйственного производства. Мотивация и сокращение рабочих мест и их хроническое отсутствие в ряде локальных рынков труда привели к значительной концентрации рабочей силы в сфере торговли и финансового посредничества. “В целом динамика структуры занятости отражает неблагоприятные тенденции в российской экономике: отсутствие движения в направлении модернизации и недостаточный рост эффективности производства”⁹.

Такая деформация ведет к замедлению темпов и потенциальных возможностей экономического роста собственно производства, увеличивая добавленную стоимость в сфере перераспределительных процессов. Обозначившийся устойчивый тренд сокращения занятости в промышленности и сельском хозяйстве ставит под сомнение формирование высоких темпов роста ВВП и реализацию принципа импортозамещения.

Опыт зарубежных стран, их переход к постиндустриальной стадии развития происходили с ростом сферы услуг, включая и торговлю, и финансовые услуги. Занятость в реальном секторе экономики сокращалась. Ориентируясь на рынки труда с более дешевой рабочей силой, инвестиции и соответственно производства переносились в другие страны. Однако это происходило на материальной основе инновационного производства, значительно повысившего выпуск в реальном секторе и оптимально насыщавшего внутренний спрос.

Российский рынок труда на внутренних основаниях вряд ли элиминирует названную негативную тенденцию. Своеобразие рос-

⁸ Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

⁹ Стратегия—2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1 / Под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М., 2013. С. 251.

сийского крупного бизнеса, ориентированного на нефтегазовые доходы и прибыли от финансовых вложений, и малого бизнеса, более половины которого представляют собой сферы оптовой и розничной торговли, требуют изменений в государственном регулировании инвестиционной деятельности и серьезных преференций для форсирования инновационных процессов, прежде всего всей гаммы стимулирования технологических и продуктовых инноваций.

Торгово-финансовый крен российского рынка труда порождает новые риски российского высшего образования. Одним из основных и верных направлений осуществляемой реформы высшего образования является участие работодателей во многих стадиях учебного процесса, ориентация выпускников на подготовку к работе в условиях модернизации, получение соответствующих современных компетенций. На эти цели ориентирован профессорско-преподавательский состав. Однако спрос на высококвалифицированные кадры, формируемый рынком труда, не дает сигналов для роста подготовки специалистов в области высоких технологий или наукоемких производств. Сформировавшийся рынок труда не выступает импульсом формирования нового кадрового потенциала, значительна доля выпускников университетов, работающих не по избранной специальности.

Несомненный интерес в данной связи представляют результаты исследования, проведенного Е. Авраамовой и Т. Малевой в ряде регионов Российской Федерации¹⁰ и посвященного социальным ресурсам населения в условиях нестабильности. Авторы исходят из того, что в связи с потерей стабильности социально-экономического развития страны на первый план выходит поиск решений, способствующих сохранению уровня благосостояния российских домохозяйств. И эти решения предполагают использование не только разнообразных инструментов монетарной поддержки. Наиболее эффективные ресурсы связаны с актуализацией собственных ресурсов домохозяйств, которые могут выступать и в качестве запаса прочности, и как источник социального развития. В качестве данных ресурсов исследователями были выделены не экономические ресурсы (уровень благосостояния), а ресурсный потенциал в широком понимании — тип поселения, демографический состав домохозяйств, потенциал здоровья, образовательный потенциал, потенциал занятости. Все эти факторы могут иметь как положительные, так и отрицательные значения. Исследователи делают крайне важный, на наш взгляд, вывод о том, что текущая социальная политика, направленная на сокращение бедности (ставшая зоной ответствен-

¹⁰ Аврамова Е., Малева Т. Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Экономика и общество. 2015. № 11. С. 86–99.

ности региональных и муниципальных властей), концентрируется преимущественно на монетарных методах поддержки бедного населения. В кризисы приоритетом должны быть не только и не столько поддержка социально уязвимых групп населения, сколько увеличение их ресурсного потенциала (например, уровня образования, состояние здоровья). Изменение вектора любого ресурса с негативного на позитивный, как было доказано в исследовании, даже в наиболее неблагополучной группе домохозяйств, приводит к росту шансов не стать бедными или не попасть в трудную жизненную ситуацию. К сожалению, тенденция последних лет такова, что происходит последовательное постоянное сокращение государственных расходов на образование и медицину. Однако экономя сегодня на образовании и здоровье, государство в полной мере не осознает, что создает барьер на пути роста благосостояния населения или, что еще опаснее, провоцирует снижение его уровня. В конечном счете, государству придется в той или иной форме решать данные проблемы, но как показывает опыт, это окажется дороже и затратнее, чем превентивные меры¹¹. Таким образом, процессы формирования человеческого капитала не должны происходить стихийно. В данном контексте роль государства представляется ведущей, так как оно должно минимизировать влияние социально-экономической дифференциации на вхождение в систему высшего образования и на сам процесс обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврамова Е., Малева Т. Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Экономика и общество. 2015. № 11.

Васильев В.П. Мировой экономический кризис: причины и пути выхода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3.

Васильев В.П. Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Доступность профессионального образования в контексте трипартизма // Социальная политика и социальное партнерство. 2015. № 5–6.

Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7.

Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2013.

¹¹ Аврамова Е., Малева Т. Указ. соч. С. 99.

Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

Стратегия—2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / Под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М., 2013.

REFERENCES

Avraamova E., Maleva T. Social'nye resursy naselenija v uslovijah poteri jekonomicheskoy stabil'nosti [Social resources of the population in the conditions of loss of economic stability] // *Jekonomika i obshhestvo* [Economy and society]. 2015. N 11.

Gorlanov G.V., Dehanova N.G. Formirovanie konstruktivnoj filosofii rossijskogo biznesa: problemy i perspektivy [Formation of the constructive philosophy of Russian business: problems and prospects] // *Sociologija vlasti* [Sociology of power]. 2003. N 6.

Gorlanov G.V., Dehanova N.G. Dostupnost' professional'nogo obrazovanija v kontekste tripartizma [Accessibility of professional education in the context of tripartism] // *Social'naja politika i social'noe partnjorstvo* [Social policy and social partnership]. 2015. N 5—6.

Gorshkov M.K. Obshhestvennye neravenstva kak ob'ekt sociologicheskogo analiza [Public inequalities as an object of sociological analysis] // *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2014. N 7.

<http://www.zmescience.com/other/germany-education-fees-01102014/> (data obrashcheniya: 12.01.2017).

http://mosmonitor.ru/articles/economy/proizvoditelnost_truda_v_ssha_pochti_v_tri_raza_vyishe_chem_v_rossii (data obrashcheniya: 20.01.2017).

Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Forecast of longterm social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030]. М., 2013.

Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

Стратегия-2020: Novaja model' rosta — novaja social'naja politika. Itogovyj doklad o rezul'tatah jekspertnoj raboty po aktual'nym problemam social'no-jekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda. Кн. 1 [Strategy 2020: a new growth model — a new social policy. Final report on the results of expert work on topical problems of Russia's social and economic strategy for the period until 2020. Book. 1] / Pod nauchn. red. V.A. Mau, Ja.I. Kuz'minova [Ed. by V.A. Mau, Ya.I. Kuzminova]. М., 2013.

Vasil'ev V.P. Mirovoj jekonomicheskij krizis: prichiny i puti vyhoda [The World Economic Crisis: Causes and Ways of Exit] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2009. N 3.

Vasil'ev V.P. Celevyje orientiry social'noj politiki [Target guidelines of social policy] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2.

Zyrjanov V.V., Noskova A.V., Osipova N.G., Titova M.A. Nacional'naja sistema obrazovanija v Rossii: problemy i perspektivy v kontekste reformirovanija i globalizacii [National Education System in Russia: Problems and Prospects in the Context of Reform and Globalization] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 3.